

Сергей ВИТТЕ

ВОСПОМИНАНИЯ

ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ
В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2017

УДК 882
ББК 63.3(2)
В54

Серия основана в 2007 году

Витте С. Ю.

В54 Воспоминания. Полное издание в одном томе. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 1247 с.: ил. — (Полное издание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-0583-1

В одной книге представлены трехтомные мемуары графа Сергея Юльевича Витте (1849 — 1915) — знаменитого российского реформатора и политического деятеля, первого в истории России председателя Совета министров, инициатора и автора промышленной, финансовой и политической реформ в России конца XIX — начала XX века.

События, описываемые в мемуарах, охватывают время его детства и юности, становления его как российского государственного деятеля в период правления императора Александра III и расцвета политической карьеры во время царствования императора Николая II.

УДК 882
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9922-0583-1

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не без колебания решила я написать несколько строк в виде предисловия к мемуарам моего покойного мужа. Быть беспристрастной в оценке этого труда, которому граф Витте придавал такое значение, я не могу, а пристрастная оценка жены едва ли может представить какой-нибудь интерес для читателя.

Мне хотелось бы объяснить читателю, какое значение придавал своему труду сам покойный автор, и сказать о тех причинах, которые побудили моего покойного мужа облечь свои мысли и воспоминания в форму книги, не предназначавшейся для издания при жизни автора и его современников. Граф Витте не был ни царедворцем, льстящим трону, ни демагогом, льстящим толпе. Принадлежа к дворянству, он не защищал, однако, дворянских привилегий; ставя себе главной государственной задачей справедливое устройство крестьянского быта, он, однако, оставался государственным деятелем, чуждым теоретического народничества, которым увлекалась значительная часть русской интеллигенции. Он не был либералом, ибо не сочувствовал нетерпеливому устремлению либералов переустроить сразу, одним мановением руки весь государственный уклад; он не был и консерватором, ибо презирал грубые приемы и отсталость политической мысли, характеризовавшие правящую бюрократию России. Мой муж неоднократно говорил своим близким: «Я не либерал и не консерватор, я просто культурный человек. Я не могу сослать человека в Сибирь только за то, что он мыслит не так, как мыслю я, и не могу лишать его гражданских прав только потому, что он молится Богу не в том храме, в котором молюсь я...»

Это создало С. Ю. Витте много врагов во всех лагерях. При дворе, среди консерваторов, у либералов, в демократических кругах — всюду на графа Витте смотрели, как на человека «чужого». Он искал блага своей родины, идя своими собственными путями, и поэтому имел мало постоянных попутчиков. Справедливость заставляет меня признать, что выдающиеся государственные таланты моего мужа не оспаривались и даже ценились во всех кругах Великой России. Тем не менее по указанной выше причине ни один государственный деятель России не был предметом столь разнообразных и противоречивых, но упорных и страстных нападок, как мой покойный муж. При дворе его обвиняли в республиканизме, в радикальных кругах ему приписывали желание урезать права народа в пользу монарха. Землевладельцы его упрекали в стремлении разорить их в пользу крестьян, а

радикальные партии — в стремлении обмануть крестьянство в пользу помещиков. Творец конституции 17 октября, которой начинается новая русская история, был слишком заманчивым объектом для интриг и клеветы; с другой стороны, сложная и многосторонняя натура большого государственного деятеля не поддавалась никакой упрощенной формуле и потому плодила недоразумения, иногда совершенно даже добросовестные.

Полемизировать с противниками, опровергать клевету, разъяснять недоразумения, обращаясь к печати, мой муж не желал. Он был выше того, чтобы вмешаться в злободневную суету пересудов. Кроме того, цензурные условия старого режима, которые для бывшего первого министра царя были строже, чем для обыкновенного гражданина, и в такой же мере желание щадить чувства многих современников, совершенно исключали возможность полного и откровенного выражения мыслей графа Витте. Отсюда — решение доверить суд над своей деятельностью следующему поколению, отсюда — печатаемые ныне мемуары.

Мемуары свои мой муж хранил за границей. Он не питал уверенности в том, что его кабинет на Каменноостровском проспекте в Петрограде достаточно защищен и от ока и от длани тайной полиции. Обыск в любой момент мог легко лишить автора его рукописей. Он знал, что этой его работой интересуется слишком много могущественных людей. Рукописи хранились все время в одном заграничном банке на мое имя. Мой муж опасался, что в случае его смерти двор и правительство пожелают завладеть его архивом, и просил меня заблаговременно обеспечить сохранность мемуаров. Я это сделала, переведя рукописи из Парижа в Байон, где они хранились в банке на чужое имя. Предостережения оказались не лишними. Как только в феврале 1915 г. мой муж скончался, кабинет его в Петрограде был опечатан, и все найденное рассмотрено и забрано властями. Через некоторое время ко мне от имени государя явился генерал-адъютант, начальник главной квартиры, и сказал, что государь, ознакомившись с оглавлением мемуаров мужа, очень ими интересуется и хотел бы их прочитать. Я ответила, что, к сожалению, лишена возможности предоставить их для чтения государю, так как они хранятся за границей. Посланец государя не настаивал, но через некоторое время чиновник русского посольства в Париже появился в нашей вилле в Биаррице и в отсутствие хозяев произвел очень тщательный обыск. Он искал мемуары, которые в то время, как я сказала выше, спокойно лежали в сейфе банка, в Байоне.

Графиня *М. И. Витте*.

ТОМ 1

(1849–1894)

**ДЕТСТВО. ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА II
и АЛЕКСАНДРА III**

ГЛАВА 1

О ПРЕДКАХ

Мне 62 года, я родился в Тифлисе в 1849 году.

Отец мой, Юлий Федорович Витте, был директором департамента государственных имуществ на Кавказе. Мать, Екатерина Андреевна Фадеева, — дочь члена главного управления наместника кавказского Фадеева. Фадеев был женат на княжне Елене Павловне Долгорукой, последней из старшей отрасли князей Долгоруких, происходящей от Григория Федоровича Долгорукова, сенатора при Петре I, брата знаменитого Якова Федоровича Долгорукова. Мой дед приехал на Кавказ при наместнике князе Воронцове, который положил прочное гражданское основание управлению Кавказом. Ранее дед управлял иностранными колониями в Новороссийском крае, когда князь Воронцов был новороссийским генерал-губернатором, а еще ранее этого мой дед Фадеев был губернатором в Саратове. У моего деда было три дочери и один сын. Старшая дочь, довольно известная писательница времен Белинского, которая писала под псевдонимом «Зинаида Р.», была замужем за полковником Ганом. Вторая дочь была моя мать. Третья дочь осталась девицей, она до настоящего времени жива, ей, вероятно, около 83 лет, — она ныне живет в Одессе. Сын же деда — генерал Фадеев — был ближайшим сотрудником фельдмаршала князя Барятинского, наместника кавказского. Фадеев известен как выдающийся военный писатель. Когда дед был губернатором в Саратове, министр внутренних дел того времени Перовский командировал в Саратовскую губернию моего отца, дворянина Витте, как специалиста по сельскому хозяйству. Там отец влюбился в мою мать и женился на ней. Отец мой окончил курс в Дерптском университете; затем изучал сельское хозяйство и горное дело в Пруссии. Он приехал на Кавказ вместе с семьей Фадеевых и кончил свою карьеру тем, что был директором департамента земледелия на Кавказе. Он умер сравнительно в молодых годах, т. е. ему было немногим более 50 лет.

Старшая дочь, Ган («Зинаида Р.»), имела двух дочерей и одного сына. Она умерла в молодости. Ее старшая дочь была известная теоретик, или спиритка, — Блавацкая; младшая же дочь — известная писательница, писавшая преимущественно различные рассказы для юношества, — Желиховская. Сын г-жи Ган был ничтожной личностью и кончил свою жизнь в Ставрополе мировым судьей.

Теперь я остановлюсь несколько на личности Блавацкой, как весьма прогремевшей одно время теофизитке и писательнице. Я помню, что когда я познакомился в Москве с Катковым, он заговорил со мной о моей двоюродной сестре Блавацкой, которую он лично не знал, но перед талантом которой преклонялся, почитая ее совершенно выдающимся человеком. В то время в его журнале «Русский вестник» печатались известные рассказы Блавацкой «В дебрях Индостана», и он был очень удивлен, когда я высказал мое мнение, что Блавацкую нельзя принимать всерьез, хотя, несомненно, в ней был какой-то сверхъестественный талант. Когда Ган умерла, дед мой Фадеев взял обеих дочерей к себе на Кавказ. Вскоре Желиховская вышла замуж за первого своего мужа Яхонтова, псковского помещика; Блавацкая вышла замуж за Блавацкого, эриванского вице-губернатора. Тогда меня или не было на свете, или же я был еще совершенно мальчиком, а потому Блавацкую в то время не помню, но, по рассказам домашних, я знаю следующее: вскоре она бросила мужа и переехала из Эривани в Тифлис к деду. В то время одним из самых больших и гостеприимных домов в Тифлисе был дом Фадеевых. Фадеев жил вместе с семьей Витте и занимал громадный дом, недалеко от Головинского проспекта, в переулке, идущем с Головинского проспекта на Давидовскую гору, название которого я не запомнил. Жил он так, как жила в прежнее время, во времена крепостных, большие бары. Так, я помню, хотя я был совсем мальчиком, что одной дворни (т. е. прислуги) у нас было около 84 человек, — я помню отлично даже эту цифру, — громадное большинство этой дворни были крепостные Долгорукой... Когда Блавацкая появилась в доме Фадеевых, то мой дед счел прежде всего необходимым отправить ее скорее в Россию к ее отцу, который в то время командовал батареей где-то около Петербурга. Так как тогда железных дорог на Кавказе еще, конечно, не было, то отправка Блавацкой совершилась следующим образом: дед назначил доверенного человека — дворецкого, двух женщин из дворни и одного малого из молодой мужской прислуги; был нанят большой фургон, запряженный четырьмя лошадьми. Вот каким образом совершались эти дальние поездки. Блавацкая была отправлена с этой свитой до Поти, а из Поти предполагали далее отправить ее морем в один из Черноморских портов и далее уже по России. Когда они приехали в Поти, там стояло несколько пароходов, и в их числе один английский пароход. Блавацкая снюхалась с англичанином, капитаном этого парохода, и в одно прекрасное утро, когда люди в гостинице встали, они своей барыни не нашли: Блавацкая в трюме английского парохода удрала в Константинополь. В Константинополе она поступила в цирк наездницей, и там в нее влюбился один из известнейших в то время певцов — бас Митрович; она бросила цирк и уехала с этим басом, который получил ангажемент петь в одном из наибольших театров Европы, и вдруг мой дед после

этого начал получать письма от своего «внука» — оперного певца Митровича; Митрович уверял его, что он женился на внучке деда — Блавацкой, хотя последняя никакого развода от своего мужа Блавацкого, эриванского губернатора, не получала. Прошло несколько времени, и мои дед и бабушка, Фадеевы, вдруг получили письмо от нового «внука», от какого-то англичанина из Лондона, который уверял, что он женился на их внучке Блавацкой, отправившейся вместе с этим англичанином по каким-то коммерческим делам в Америку. Затем Блавацкая появляется снова в Европе и делается ближайшим адептом известнейшего спирита того времени, т. е. 60-х годов прошлого столетия, — Юма. Затем из газет семейство Фадеевых узнало, что Блавацкая дает в Лондоне и Париже концерты на фортепиано; потом она сделалась капельмейстершей хора, который содержал при себе сербский король Милан. Во всех этих перипетиях прошло, вероятно, около 10 лет ее жизни, и, наконец, она выпросила разрешение у деда Фадеева приехать снова в Тифлис, обещая вести себя скромно и даже снова сойтись со своим настоящим мужем — Блавацким. И вот хотя я был тогда еще мальчиком, помню ее в то время, когда она приехала в Тифлис; она была уже пожилой женщиной и не так лицом, как бурной жизнью. Лицо ее было чрезвычайно выразительно; видно было, что она была прежде очень красива, но со временем крайне располнела и ходила постоянно в капотах, мало занимаясь своей особой, а потому никакой привлекательности не имела. Вот в это время она почти свела с ума часть тифлисского общества различными спиритическими сеансами, которые она проделывала у нас в доме. Я помню, как к нам каждый вечер собиралось на эти сеансы высшее тифлисское общество, которое занималось верчением столов, спиритическим писанием духов, стучанием столов и прочими фокусами. Как мне казалось, моя мать, тетка моя Фадеева и даже мой дядя Фадеев — все этим увлекались и до известной степени верили. Но эти занятия проделывались более или менее втайне от главы семейства — моего деда, а также и от моей бабушки — Фадеевых; ко всему этому довольно отрицательно относился и мой отец. В это время адъютантами фельдмаршала Барятинского были граф Воронцов-Дашков, теперешний наместник кавказский, оба графа Орловы-Давыдовы и Перфильев, — это были молодые люди из петербургской гвардейской *jeunesse dorée*¹; я помню, что все они постоянно просиживали у нас целые вечера и ночи, занимаясь спиритизмом. Хотя я был тогда совсем еще мальчик, но уже относился ко всем фокусам Блавацкой довольно критически, сознавая, что в них есть какое-то шарлатанство, хотя оно и было делаемо весьма искусно: так, например, раз при мне по желанию одного из присутствующих в другой комнате начало играть фортепиано, совсем закрытое, и никто в это

¹ Золотой молодежи. — *Ред.*

время у фортепиано не стоял. Теперь, как кажется, ко всем этим спиритическим действиям общественное мнение Европы, а также и у нас в России относится как к шарлатанству; тогда же этим очень увлекались, и Юм, который был, конечно, точно так же не что иное, как ловкий и талантливый фокусник, считался весьма знаменитым человеком, а Блавацкая, будучи сотрудницей Юма, конечно, заимствовала от него все приемы и спиритические тайны. Впрочем, к сожалению, в последние годы у нас в Петербурге, по-видимому, начал опять процветать своего рода особый спиритизм, т. е. неврастеническое верование в проявления в различных формах и в различных признаках умерших лиц, и этот спиритизм, к сожалению, даже имел некоторые печальные последствия в государственной жизни.

В этот период своей жизни Блавацкая начала сходиться с мужем и даже поселилась вместе с ним в Тифлисе. Но вдруг в один прекрасный день ее на улице встречает оперный бас Митрович, который после своей блестящей карьеры в Европе, уже постарев и потеряв отчасти свой голос, получил ангажемент в тифлискую итальянскую оперу. Так как Митрович всерьез считал Блавацкую своей женой, от него убежавшей, то, встретившись с нею на улице, он, конечно, сделал ей скандал. Результатом этого скандала было то, что Блавацкая вдруг из Тифлиса испарилась. Оказалось, что она вместе со своим мнимым мужем, басом Митровичем, который также бросил оперу, удрали с Кавказа. Затем Митрович получил ангажемент в киевскую оперу, где он начал петь по-русски, чему учила его мнимая супруга Блавацкая, и, несмотря на то что Митровичу в то время уже было, вероятно, под 60 лет, он тем не менее отлично пел в Киеве в русских операх, например, в «Жизни за царя», «Русалке» и пр., так как при своем таланте он легко мог изучать свои роли под руководством несомненно талантливой Блавацкой. В это время в Киеве генерал-губернатором был князь Дундуков-Корсаков. Этот Дундуков-Корсаков знал Блавацкую еще в молодости, раньше чем она вышла замуж за Блавацкого, потому что в то время он командовал на Кавказе (где жила и Блавацкая) одним из драгунских полков (Нижегородским). Какие недоразумения произошли между Блавацкой и Дундуковым-Корсаковым — генерал-губернатором Киева, я не знаю, но знаю только то, что в Киеве вдруг на всех перекрестках появились наклеенные на стенах стихотворения, очень неприятные для Дундукова-Корсакова. Стихотворения эти принадлежали Блавацкой. Вследствие этого Митрович со своей мнимой супругой Блавацкой должны были оставить Киев и появились в Одессе. В это время в Одессе уже проживала моя мать со своей сестрой и детьми, в том числе и мною (мои дед, бабушка и отец уже умерли в Тифлисе), так как я и брат были там студентами университета. Тогда я уже был настолько развит, что мог вполне критически отнестись к Блавацкой, и, действительно, я составил себе совершенно ясное представление об этой выдающейся и

до известной степени демонической личности. Уехав из Киева и поселившись в Одессе, Блавацкая с Митровичем должны были найти себе средства для жизни. И вот вдруг Блавацкая сначала открывает магазин и фабрику чернил, а потом цветочный магазин (т. е. магазин искусственных цветов). В это время она довольно часто приходила к моей матери, и я несколько раз заходил к ним в этот магазин. Когда я познакомился ближе с ней, то был поражен ее громадным талантом все схватывать самым быстрым образом: никогда не учившись музыке, она сама выучилась играть на фортепиано и давала концерты в Париже (и Лондоне); никогда не изучая теорию музыки, она сделалась капельмейстером оркестра и хора у сербского короля Милана; давала спиритические представления; никогда серьезно не изучая языков, она говорила по-французски, по-английски и на других европейских языках, как на своем родном языке; никогда не изучая серьезно русской грамматики и литературы, многократно, на моих глазах, она писала длинейшие письма стихами своим знакомым и родным с такой легкостью, с которой я не мог бы написать письма прозой; она могла писать целые листы стихами, которые лились как музыка и которые не содержали в себе ничего серьезного; она писала с легкостью всевозможные газетные статьи на самые серьезные темы, совсем не зная основательно того предмета, о котором писала; могла, смотря в глаза, говорить и рассказывать самые небывалые вещи, выражаясь иначе, — неправду, и с таким убеждением, с каким говорят только те лица, которые никогда, кроме правды, ничего не говорят. Рассказывая небывалые вещи и неправду, она, по-видимому, сама была уверена в том, что то, что она говорила, действительно было, что это правда, — поэтому я не могу не сказать, что в ней было что-то демоническое, что было в ней, сказав попросту, что-то чертовское, хотя в сущности она была очень незлобивым, добрым человеком. Она обладала такими громадными голубыми глазами, каких я никогда в жизни ни у кого не видел, и когда она начинала что-нибудь рассказывать, а в особенности небылицу, неправду, то эти глаза все время страшно искрились, и меня поэтому не удивляет, что она имела громадное влияние на многих людей, склонных к грубому мистицизму, ко всему необыкновенному, т. е. на людей, которым приелась жизнь на нашей планете и которые не могут возвыситься до истинного понимания и чувствования предстоящей всем нам загробной жизни, т. е. на людей, которые ищут начал загробной жизни, и так как они их душе недоступны, то они стараются увлечься хотя бы фальсификацией этой будущей жизни. Я думаю, что знаменитый Катков, столь умный человек, человек, который умел относиться к явлениям жизни реально, вероятно, раскусил бы Блавацкую, если бы он с нею сталкивался. Но насколько у Блавацкой был своеобразный и великий талант, служит доказательством то, что такой человек, как Катков, мог увлекаться феерическими рассказами «В дебрях Индо-

стана», которые печатались в его журнале, — рассказами, которые он считал безусловно выдающимися и необыкновенными. Впрочем мне и до настоящего времени приходится иногда слышать самые восторженные отзывы об этих рассказах, которые печатались в «Русском вестнике» несколько десятков лет тому назад. Конечно, цветочный магазин, открытый в Одессе Блавацкой, после того как прогорел ее магазин по продаже чернил, также был закрыт по той же причине, и тогда Митрович, которому было уже 60 лет, получил ангажемент в итальянскую оперу в Каир, куда он и отправился вместе с Блавацкой. Отношение его к Блавацкой было удивительно; он представлял собою беззубого льва, вечно стоявшего на страже у ног своей повелительницы, уже довольно старой и тучной дамы, как я уже указывал выше, ходившей большей частью в грязных капотах. Не доезжая до Каира, пароход совсем у берега потерпел крушение. Митрович, очутившись в море, при помощи других пассажиров спас Блавацкую, но сам потонул. Таким образом, Блавацкая явилась в Каир в мокром капоте и мокрой юбке, не имея ни гроша. Как она выбралась оттуда — я не знаю. Но затем она очутилась в Англии и стала основывать там новое теософическое общество и для вящего подкрепления начал этого общества она отправилась в Индию, где изучала все индийские тайны. Это пребывание в Индии, между прочим, и послужило темой для указанных ранее статей «В дебрях Индостана», которые она писала, конечно, для того, чтобы заработать некоторое количество денег. По возвращении из Индии она приобрела уже много adeptов и поклонников в своем новом теософическом учении, поселилась в Париже и была там главой всех теофизитов. Вскоре она заболела и умерла. Но теософическое учение осталось в различных частях света; еще в настоящее время во многих местах имеются теософические общества и еще недавно в Петербурге издавался теософический журнал. В конце концов если нужно доказательство, что человек не есть животное, что в нем есть душа, которая не может быть объяснена каким-нибудь материальным происхождением, то Блавацкая может служить этому отличным доказательством: в ней, несомненно, был дух, совершенно независимый от ее физического или физиологического существования. Вопрос только в том, каков был этот дух, а если встать на точку зрения представления о загробной жизни, что она делится на ад, чистилище и рай, то весь вопрос только в том, из какой именно части вышел тот дух, который поселился в Блавацкой на время ее земной жизни.

Вторая дочь «Зинаиды Р.», Вера Петровна Желиховская, благодаря своим книгам хорошо известна в Петербурге и вообще в больших российских городах; по крайней мере матери постоянно говорят мне о книгах, ею написанных, и сожалеют, что ее уже больше нет в живых и что теперь больше нет книг, которые были бы удобны для чте-

ния юношества. Признаться, я ни одной книги ее не читал. Как я говорил, она была сначала замужем за Яхонтовым, а затем, когда Яхонтов умер, переехала с детьми в Тифлис, в дом Фадеевых, влюбилась в учителя тифлисской гимназии, впоследствии директора гимназии, Желиховского. Фадеевы, которые были очень не чужды особого рода дворянского или, вернее, боярского чванства 60—70-х годов, конечно, о такой свадьбе и слышать не хотели. Вследствие этого Вера Петровна бежала из дому, вышла замуж за Желиховского, и в доме Фадеевых он никогда не бывал. После, когда бабушка Фадеева, урожденная, княжна Долгорукая, и Фадеев умерли, мой отец и мать начали принимать Желиховских. У Желиховской осталось двое сыновей от мужа Яхонтова, из которых первый — полковник одного из драгунских кавалерийских полков, и три дочери от Желиховского; старшая дочь вышла замуж за американца-публициста Джонсона. Он представлялся мне со своей женой в Нью-Йорке, когда я был в Америке по случаю заключения мирного трактата с Японией. Две другие дочери Желиховской находятся в Одессе, из которых одна несколько недель тому назад вышла замуж за семидесятилетнего корпусного командира.

Относительно семейства В и т т е я знаю, что мой отец, приехавший в Саратовскую губернию, был лютеранином; он был дворянином Псковской губернии, хотя и балтийского происхождения. Предки его, голландцы, приехали в балтийские губернии, когда таковые еще принадлежали шведам. Но семья Фадеевых была столь архиправославная, не в смысле черносотенного православия, а лучшем смысле этого слова — истинно православная, — что, конечно, несмотря на ни какую влюбленность моей матери в молодого Витте, эта свадьба не могла состояться до тех пор, пока мой отец не сделался православным. Поэтому еще до женитьбы или во всяком случае в первые годы женитьбы, до моего рождения, отец мой уже был православным и так как он вошел совершенно в семью Фадеевых, а с семьей Витте не имел никаких близких отношений, то, конечно, прожив многие десятки лет в счастливом супружестве с моей матерью, он и по духу сделался вполне православным. У них было три сына: Александр, Борис и третий — я, Сергей, а также две дочери, которые были моложе меня, — Ольга и Софья.

Мой старший брат Александр умер после последней Турецкой войны. Он кончил курс в Московском кадетском корпусе и служил все время в Нижегородском драгунском полку. Память о нем в этом полку сохранилась до настоящего времени. До сих пор наиболее любимые песни, которые поются в этом полку, упоминают о храброе майоре Витте. Александр был средних умственных способностей, среднего образования, но был прекраснейшей души человек. Его любили все товарищи, а также и те офицеры, с которыми он когда-нибудь сталкивался. Перед войной с Турцией он дрался на дуэли с сы-

ном бывшего товарища министра иностранных дел при Горчакове, Вестманом, которого и убил. Дуэль эта, как мне, помню, рассказывал мой брат, произошла по следующим причинам: полк в это время стоял в Пятигорске, куда, как известно, постоянно на лето приезжают различные семейства из России и Кавказа для лечения и вообще для времяпрепровождения. Приехало туда и одно семейство, в котором была одна барышня. Вестман, служивший в Северском полку, который стоял в Пятигорске, влюбился в эту барышню. Мой брат Александр был очень близок этому семейству и часто его посещал, вследствие чего Вестман весьма ревновал моего брата, хотя Александр был среднего роста, очень тучный, некрасивый — совершенно вахлак, но весьма симпатичный, добродушный человек, у которого в глазах постоянно сквозила доброта. В противоположность ему Вестман был очень красивый, галантный офицер. В Пятигорске был офицерский клуб, старшиной которого был мой брат. И вот однажды на балу в этом клубе во время танцев сидел Александр вместе с этой барышней; затем его позвали по каким-то клубным делам, он ушел; возвращается, а на его месте сидит Вестман; рядом же с барышней — свободный стул (вероятно, этот стул барышня и поставила для моего брата). Когда Александр сел на этот стул, Вестман, обратившись к нему, сказал: «Что же, вы сели сюда для того, чтобы подслушивать наш разговор?» На это мой брат ответил, что он не имел в виду ничего подобного и решительно не может понять, какие такие разговоры, которые бы составляли тайну, может вести с ним барышня. Во всяком случае он ничего слушать не хочет и готов сию же минуту удалиться. На это Вестман сказал: «Да, я знаю, что вы подлец». На следующий день мой брат отправил к Вестману двух своих товарищей, чтобы они передали ему, что, несомненно, Вестман был пьян, почему он его выходку и оставил вчера без последствий; но что он надеется, что теперь Вестман явится к нему извиниться в присутствии офицеров. На это Вестман сказал, что он совершенно не желает извиняться, что он назвал Александра именно подлецом, чтобы последовали все последствия, происходящие от такого слова. На это брат послал ему вызов. Вестманом были назначены секунданты, и произошла дуэль на следующих условиях: драться должны были до тех пор, пока один из участников не будет или убит или так ранен, что не в состоянии будет владеть пистолетом; начать стрельбу на расстоянии 40 шагов; подходить постепенно по 10 шагов, и всякий раз, пройдя расстояние в 10 шагов, обмениваться выстрелами. Мне Александр рассказывал (что впоследствии и на суде подтверждено было, когда брата судили), что по первому сигналу он выстрелил в воздух, а Вестман выстрелил так, что пуля проскочила мимо самого уха брата, и он почувствовал контузию. Тогда брат послал секундантов спросить: не согласится ли Вестман теперь извиниться? Вестман отказался, сказав, что дерется для того, чтобы кто-нибудь из них был убит. После-

довал второй сигнал; брат выстрелил опять в воздух, а Вестман опять так, что пуля его пролетела мимо другого уха Александра. Брат мне впоследствии рассказывал, что он тогда очень разозлился, но все-таки опять послал секундантов потребовать от Вестмана извинения; последний отказался, и только в третий раз брат уже стрелял, целясь; пуля Вестмана прошла и на этот раз мимо, а брат убил его наповал. В то время кавказским наместником был уже великий князь Михаил Николаевич, который очень любил моего брата и во время военного суда, происходившего в Тифлисе, все время находился в суде. В конце концов брата моего присудили к шестимесячному аресту в крепости, но Александр не просидел, кажется, и двух месяцев, так как была объявлена Восточная война, и он по распоряжению великого князя был освобожден и пошел на войну вместе со своим полком в качестве эскадронного, а потом и дивизионного командира.

На войне он многократно отличался, но ни разу не был ранен. Самый известный его подвиг — это тот, когда его корпусной командир, впоследствии граф Лорис-Меликов, на основании планов Генерального штаба послал брата с его адъютантом и двумя сотнями казаков сделать рекогносцировку около Карса, причем Александру была дана карта, по которой он должен был проехать по одному направлению около Карса, а вернуться по другому. Из рассказов моего брата я знаю, что произошло следующее: когда он поехал на рекогносцировку, причем адъютант или состоящий при нем офицер держал перед собой эту карту, вдруг они столкнулись с несколькими турецкими батальонами, и так как Александр имел приказание проехать кругом и вернуться с другой стороны, то он скомандовал: «в атаку!» Его эскадрон прорвался через цепь турецкой пехоты, потеряв сравнительно незначительное число людей. Начали скакать далее; вдруг он видит перед собою громадную пропасть, которую невозможно было проехать, и если бы прыгнуть в эту пропасть, то все без исключения погибли бы в ней. Тогда Александр приказал повернуть назад и снова атаковать противника. В это время к турецкому батальону, из которого много людей было уже ими уничтожено, подоспела помощь, и Александр должен был снова атаковать и снова прорываться, причем в этих двух атаках он оставил на поле боя половину людей. Все это произошло потому, что офицеры Генерального штаба составили неправильный план. У брата был флаг этого отряда, и он вернулся, не потеряв этого флага, за что по статуту ему полагался «Георгий». Но это обстоятельство поставило Лорис-Меликова в самое затруднительное положение, потому что, если бы он донес обо всем происшедшем, то офицеры Генерального штаба должны были бы пойти под суд. Тогда моего брата позвал великий князь Михаил Николаевич, объяснил ему положение дела и сказал: «Друг мой, извини, но это дело нужно забыть, как будто бы его никогда и не бывало, потому что иначе я должен буду выдать всех офицеров Генерального штаба».

Так и было решено. Но когда кончилась война, то в первый же Георгиевский праздник в числе депутатий кавказских офицеров приехал и мой брат, потому что за другие подвиги он получил золотую (Георгиевскую) шашку, а кроме того он имел все ордена, которые полагаются при его чине полковника (все ордена он имел с мечами). Это было в начале 80-х годов, и так как война уже кончилась, то великий князь Михаил Николаевич рассказал эту историю императору Александру II. Император Александр II во время Георгиевского праздника подошел к моему брату, снял своего маленького Георгия и повесил ему, сказав, что Александр давно его заслужил, но что он теперь только узнал об этом происшествии. В течение всей войны, несмотря на постоянные опасности, которым подвергался мой брат, он не был ранен; только перед самым окончанием войны, когда почти уже было известно, что война вот-вот кончится, Александр с маленьким отрядом поехал проверять посты, и тут шальная турецкая бомба пролетела мимо его головы и контузила. Считали, что он убит. Даже моя мать получила телеграмму от великого князя Михаила Николаевича с соболезнованием о том, что ее старший сын, один из самых любимейших его офицеров, к сожалению, убит. Но Александра положили в госпиталь, через несколько дней он пришел в себя и вскоре поправился. Мой брат должен был получить полк, но это не могло состояться, так как он вследствие контузии не мог при свете поднимать глаза и всегда днем сидел с закрытыми глазами, и только в темноте он мог открывать глаза. В это время я был управляющим Юго-Западных дорог в Киеве, он приезжал ко мне. Из моего семейства сильнее всех любил его я. Я советовался с самыми лучшими докторами, они сказали, что у него есть какие-то повреждения, и предупредили меня, что я могу внезапно получить известие о том, что он умер от удара. Вследствие этого Александру дали командовать запасным кадром кавказской кавалерии, находящимся около Ростова; командир этого запасного кадра равен командиру полка. При нем был там доктор Писаренко — тот самый доктор, который ныне состоит при эмире бухарском. И действительно, в один несчастный для меня день, я получил телеграмму от этого Писаренко о том, что мой брат лег спать и больше не проснулся, т. е. с ним случился удар. С покойным братом я очень часто разговаривал о войне; он всегда был очень скромн и благодушен. Я помню, он постоянно мне говорил об ощущениях, которые приходится претерпевать на войне. Александр говорил: если кто-нибудь когда-нибудь будет тебе говорить, что он не боялся, идя на войну (и во время войны), — не верь ему. До боя — все бояться, но когда уже начнется бой, то тогда люди действительно забываются, и, забываясь, они перестают чего-либо бояться. Он говорил, что отлично помнит, как часто, пускаясь в атаку с кавалерией, он рубил неприятелей с меньшим сожалением, чем если бы ему пришлось рубить баранов. Кровь, которая брызгала и лилась вокруг брата, не производи-

ла на него никакого впечатления, и тем не менее когда ему приходилось идти в бой, то до боя он всегда испытывал волнение.

Мне лично пришлось испытать точно такое же чувство, когда я после 17 октября в течение полугода был председателем Совета. В самый разгар революции, когда я ежедневно и ежечасно подвергал свою жизнь опасности, — меня на каждом шагу предупреждали, чтобы я не ехал туда-то, скрывался бы оттуда-то, говорили о необходимости иметь какую-то охрану, я, несмотря на это, в течение полугода жил без всякой охраны, ездил всюду, не имея не только официальной охраны, но и тайной. Мне часто давали знать по телефону, чтобы я не ехал туда-то и берегся, сидел бы столько-то дней дома, — я никогда не исполнял этого, но должен сказать, что когда я находился у себя, ложился спать, зная, что утром на следующий день мне придется ехать туда и туда, — я все время страшно боялся и, когда мне приходилось спускаться с лестницы, садиться в экипаж и затем ехать туда, где есть публика, народ, выходя из дому я всякий раз страшно трусил, боялся; но как только я усаживался в экипаж и ехал, у меня эта боязнь проходила, и я ехал, чувствуя себя так же спокойно, как в настоящее время, когда я диктую эти строки. Вот именно тогда-то я и понял то чувство, о котором мне рассказывал мой покойный брат. Мне говорили лица, знавшие Скобелева (я также его знал), что и он им говорил то же самое, т. е., что до тех пор, пока он не выходил под пули, в самый бой — он всегда трусил, но как только он выходил перед солдатами и начиналась стрельба, он забывал о своем страхе, и стрельба не производила на него никакого впечатления.

Второй мой брат, Борис, ничего особенного собою не представлял; он был любимец матери и отца и более других избалован. Борис кончил курс вместе со мною, но он был на юридическом факультете. Затем все время он служил в судебном ведомстве и кончил свою карьеру тем, что умер председателем одесской судебной палаты.

Затем у меня, как я уже говорил, были две сестры: одна — Ольга и другая — Софья. Ольга умерла два года тому назад, не достигнув 50-летнего возраста, а младшая, Софья, жива до сих пор и до сих пор находится в Одессе. Младшая сестра Софья получила от кого-то, т. е. посредством заражения, туберкулез легких. Обе сестры были крайне дружны и жили вместе. Старшая сестра Ольга, конечно, ухаживала за младшей, заразилась от нее тем же самым (туберкулезом) и умерла; младшая же сестра жива до сего времени, хотя весьма больна. В настоящее время из семейства Фадеевых остались в живых я, моя сестра Софья и тетка Надежда Андреевна Фадеева, которая живет в Одессе вместе с сестрой; тетке уже около 83 лет.

Я был любимцем моего дедушки, и в семействе вообще относились ко мне любовно, но в общем довольно равнодушно. Старший брат Александр был любимцем бабушки, а сестра Ольга была люби-

мицей отца и матери, как первая дочь, родившаяся после трех сыно-вей. Софья же не была никем особенно балована, но все к ней относились любовно. Первоначальное воспитание и образование в детстве мы все три мальчика получили от нашей бабушки — Елены Павловны Фадеевой, урожденной Долгорукой.

Елена Павловна была совершенно из ряда вон выходящая женщина по тому времени в смысле своего образования; она очень любила природу и весьма усердно занималась ботаникой. Будучи на Кавказе, она составила громадную коллекцию кавказской флоры с описанием всех растений и научным их определением. Вся эта коллекция и весь труд Елены Павловны были подарены наследниками ее в Новороссийский университет. Бабушка научила нас читать, писать и внедрила в нас основы религиозности и догматы нашей православной церкви. Я не помню ее иначе, как сидящей в кресле вследствие полученного ею паралича. Бабушка умерла, когда мне было лет 10—12. Мой дедушка Фадеев находился под ее нравственным обаянием, так что главою семейства была всегда Фадеева-Долгорукая. Дедушка женился на ней, будучи молодым чиновником; где он с нею познакомился — я не знаю, но знаю, что родители моей бабушки жили в Пензенской губернии; они были дворяне Пензенской губернии.

Когда они поженились, то отец бабушки — Павел Васильевич Долгорукий — благословил их древним крестом, который, по семейным преданиям, принадлежал Михаилу Черниговскому. Из истории известно, что Михаил Черниговский погиб, когда приехал к татарскому хану, который подходил с своею ордой к центру России — Москве. В орде было предложено Михаилу Черниговскому поклониться их идолам, от чего этот последний отказался, был там же казнен, вследствие чего и был провозглашен святым. По преданиям, идя на смерть, он отдал находившийся у него крест боярам, приказав им передать этот крест его детям. Таким образом, крест этот постепенно переходил от отца к сыну в поколениях, идущих от Михаила Черниговского, т. е. по старшей линии Долгоруких, и с окончанием этой линии Еленой Павловной перешел к ее сыну, генералу Фадееву; так как генерал Фадеев не был женат, то крест от него перешел к моей матери, а от матери к моей тетке Фадеевой. В последнюю бытность мою в Одессе, два года тому назад, тетка вручила этот крест мне, так как она уже стала стара. Крест этот находился у меня в доме; я его показывал здесь двум знатокам, с одной стороны, — академику Кондакову, а с другой — директору Публичной библиотеки Кобеко. Оба они, признавая, что этот крест самого древнейшего происхождения и содержит в себе св. мощи, сомневаются в правильности сохранившегося в семействе князей Долгоруких предания относительно того, что этот крест был на Михаиле Черниговском до его казни, но, с другой стороны, они не решаются безусловно утверждать противное.

ГЛАВА 2

РОСТИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ ФАДЕЕВ

Так как у моего деда Фадеева были три дочери и только один сын, то понятно, что всю свою любовь они сосредоточили на этом сыне. Когда этот сын Ростислав вырос, то Фадеевы из Саратова, где мой дед был губернатором, перевезли его в Петербург и поместили в один из кадетских корпусов, где с ним случился такой казус: как-то утром по коридору, где находился кадет Фадеев, проходил офицер-воспитатель; офицер заметил, что у Фадеева дурно причесаны волосы, а поэтому сказал ему: «Подите, перечешитесь», и при этом сунул свою руку в его волосы, за что Фадеев ударил офицера по физиономии. Об этом происшествии было, конечно, сейчас же доложено императору Николаю I, и в результате Фадеев был сослан солдатом в одну из батарей, находившуюся в Бендерах. По тем временам он должен был подвергнуться гораздо большему наказанию, но благодаря тому, что начальником всех военных учебных заведений был князь Долгорукий, который вступился за своего родича, император Николай I, любивший князя, ограничился этим наказанием. Приехав в Бендеры, Фадеев исправно вынес службу в солдатах в течение назначенного ему времени; отбыв это наказание, он вернулся к своему отцу в Саратов дворянином без всяких занятий. Тут, в Саратове, увлекся чтением и изучением наук. Во время своего пребывания в Саратове под руководством матери Фадеев сделался вполне образованным человеком благодаря любви к чтению и вообще к наукам, его интересующим, преимущественно историческим, географическим и военным. Из дальнейшего рассказа будет видно, что Фадеев имел громадное влияние на мое образование и на мою умственную психологию. Я к нему был очень близок, в особенности когда уже окончил курс в университете и потому жил уже вполне сознательной жизнью. Должен сказать, что я не встречал в своей жизни человека более образованного и талантливого, чем Ростислав Андреевич Фадеев, что, впрочем, должно быть известно всем образованным людям в России, ибо Фадеев написал замечательные работы, не только по военной части, такие как, например, «Вооруженные силы России», но и по внутренней и внешней политике, как, например: «Чем нам быть?», «Восточный вопрос» и пр. Фадеев владел французским языком так же, как русским и потому иногда писал в «Revue de deux mondes» и других французских журналах. Он был полон знаний и таланта и вообще духовных

сил; был несколько склонен к мистицизму и даже к спиритизму. Он был настолько образован и талантлив, что должен был сделать громаднейшую карьеру, но у него был один недостаток, — недостаток этот заключался в том, что он легко поддавался увлечениям по фантастичности своей натуры. В этом смысле он напоминал свою двоюродную сестру Блавацкую, но, конечно, представлял собой гораздо более чистый в нравственном смысле экземпляр; он был также гораздо более образован, чем она. Во всяком случае Фадеев и Блавацкая могут служить доказательством того, что известные качества натуры передаются по наследству из поколения в поколение. Фадеев, живя у своих отца и матери и ничего не делая, конечно, не мог удовлетвориться такой жизнью, несмотря на свое пристрастие к книгам; с другой стороны, пребывание Фадеева в Саратове несколько стесняло его родителей, так как он позволял себе иногда невозможные выходы. Так, например, Фадеев гулял иногда по городу — хотя и в очень раннее время — совершенно без всякого одеяния; также стрелял на улице пулями; к счастью, эта стрельба ничем дурным никогда не кончалась. В конце концов Фадеев уехал вольноопределяющимся на Кавказ. Уехал он туда потому, что в то время Кавказ манил к себе всех, кто предпочитал жить на войне, а не в мирном обществе. Это же, вероятно, было причиной того, что мои дед и бабушка, когда получили приглашение от наместника на Кавказе князя Воронцова приехать туда, легко на это предложение согласились. Я говорю: легко согласились на это, так как, конечно, в те времена, когда не было железных дорог, когда кавказский перевал был занят неприятельскими племенами, когда вообще весь Кавказ пылал восстаниями и военными действиями с турками, охотников из гражданских чинов ехать на Кавказ, хотя бы и на самые высшие должности, почти не находилось. На Кавказе молодой Фадеев скоро был произведен в офицеры; затем он участвовал почти во всех походах и войнах Кавказа во время наместничества светлейшего князя Воронцова, потом Муравьева, в особенности при генерал-фельдмаршале князе Барятинском, который в сущности и покорил Кавказ и, наконец, в первые годы наместничества великого князя Михаила Николаевича.

Наместничества князя Воронцова я не помню, так как я родился на свет в конце его наместничества; знаю, что на Кавказе к нему относились с большим уважением и что он являлся там преимущественно гражданским строителем. После Воронцова наместником был назначен Муравьев. Муравьева на Кавказе не очень любили; его я уже помню; помню, как он делал смотры; ездил он верхом очень гадко, был очень полный и вообще своей особой не производил никакого впечатления. Помню также и то, что он жил во дворце, в котором и ныне живет наместник граф Воронцов-Дашков. В те времена при дворце не было устроено надлежащих ванн или бань; была толь-

ко русская баня в том самом переулке, в который выходит и дворец, против арсенала. Баня эта была выстроена из бревен. Помню, как Муравьев, который ужасно любил париться в русских банях, ходил туда и обратно в костюмах, до известной степени напоминавших те костюмы, в которых ходил молодой Фадеев в Саратове.

Во времена Муравьева, который наместником на Кавказе был недолго, как известно, происходила война с Турцией; была осада и взятие Карса, причем при этой осаде и взятии мы понесли большие потери. Мой дядя мне рассказывал, что при взятии Карса он стал религиозным человеком, до того же времени он был заражен атеизмом. В числе военных, которые находились при взятии Карса, был Скобелев, отец знаменитого Скобелева и княгини Белосельской-Белозерской, ныне живущей еще на Крестовском острове. Скобелев, который, как известно, был сыном простого солдата Скобелева, командовал в то время одним из полков; он очень любил моего дядю, бывшего уже в то время в капитанском чине и гораздо моложе его. Дядя мне рассказывал, что когда он получил приказ атаковать Карс и во что бы то ни стало взять его, то многие офицеры в тот вечер, по привычке того времени, кутили перед боем, Скобелев же целый вечер употребил на молитву и на приготовление себя к смерти; своим примером он заставил делать то же самое и Фадеева; Фадеев исполнил все то, что полагается православному христианину, который собирается уходить на тот свет. Все было сделано так благоговейно и так торжественно, что, как мне после говорил Фадеев, с тех пор он перестал быть атеистом, поверил в Бога, в загробную жизнь и сделался большим поклонником православной церкви (в которой, конечно, он и родился). Всю свою жизнь он был истинным сторонником православной церкви, сторонником весьма образованным и начитанным, знающим Священную историю и вообще всю историю церкви. Конечно, он был адептом православной церкви не в том черносотенном смысле, в котором ныне во многих высших сферах, преимущественно в сферах церковных, синодальных, понимается русская православная Церковь. Он был возмущен тем черносотенным направлением русской церкви, в каком она находится в России, по крайней мере в верхах, причем иерархи Церкви занимаются гораздо менее Богом, нежели черносотенной политикой. Он постоянно восхищался тем томом сочинений Хомякова — отца прекрасного человека, но большого балагура, бывшего председателя Государственной думы, — в котором содержатся его статьи на богословские темы. Этот том сочинений Хомякова не был в продаже, в России, и я даже не знаю, разрешен ли он к продаже ныне или нет. Я его прочел, будучи еще молодым человеком, и должен сказать, что из всех богословских книг наибольшее впечатление произвели на меня богословские статьи Хомякова.

При взятии Карса, как я уже говорил, мы потеряли большое количество войск; как известно, наши первые осады и атаки были даже отбиты и мы потерпели значительный урон. Фадеев рассказывал мне, что в то время он был очень дружен с офицером князем Орбелиани, близким родственником той Орбелиани, которая впоследствии сделалась женой фельдмаршала князя Барятинского. И вот Фадеев говорил мне, что во время атаки одну колонну солдат повел Орбелиани и, несмотря на град пуль, она дошла до турецких войск, и вдруг — к ужасу Фадеева, моего дяди — он видит Орбелиани сидящим на лошади и размахивающим шашкой, дабы солдаты продолжали идти вперед, а лошадь его — на штыках у турецких солдат. Таким образом, Орбелиани как будто бы находился на пьедестале, т. е. он изображал из себя род памятника, стоящего не на пьедестале, а находящегося на штыках у турецких солдат. В этом, конечно, для военного времени ничего удивительного нет; но что было особенно удивительно, это, то, что в конце концов Орбелиани остался жив, получив только несколько ран, нанесенных холодным оружием. Впоследствии этого Орбелиани я очень часто видел, знал его, когда был еще юношей; был в товарищеских отношениях с его сыном Николаем, с которым, между прочим, мы учились вместе в Новороссийском университете.

Как я говорил, Фадеев играл особую роль при фельдмаршале князе Барятинском; фельдмаршал князь Барятинский, как известно, стал наместником на Кавказе после Муравьева и после смерти императора Николая. Почти одновременно со смертью императора Николая, во время коронации императора Александра II в Москве, он покинул Кавказ, будучи командиром Кабардинского полка. На Кавказе князь Барятинский был в сравнительно низких чинах, так как он кончил эту первую стадию своей службы только полковым командиром; уже тогда он отличался своей замечательной храбростью и во время стычек с горцами многократно получал сквозные пулевые ранения; говорили, что живот князя Барятинского — как решето. С одной стороны, вследствие такой его доблести, а с другой — потому, что он был другом императора (Александр II был с ним «на ты») еще будучи молодым офицером, князь Барятинский и был назначен наместником Кавказа. Я очень хорошо помню это время и должен сказать, что все были в восторге от этого назначения, потому что никто не любил Муравьева; были в восторге именно потому, что Барятинский был, так сказать, кавказский человек, а Муравьев — пришлый. Вообще «пришлые» наместники никогда не пользовались особой любовью на Кавказе. Исключение составлял только великий князь Михаил Николаевич, но тут нет ничего удивительного: свойства характера великого князя были таковы, что он всегда опирался на кого-нибудь и был настолько благоразумен, что опирался всегда на кавказских деятелей, т. е. на таких, которые сроднились с Кавказом.

Возвращаясь к князю Барятинскому, я, между прочим, упомяну,

что в молодости он служил в Петербурге, в лейб-гусарском полку, был другом Александра II; он был чрезвычайно красив и считался первым Дон-Жуаном во всех великосветских петербургских гостиных. Как молва, не без основания, говорит, Барятинский был очень протезируем одной из дочерей императора Николая, насколько я помню, Ольгой Николаевной. Так как отношения между ними зашли несколько далее, чем это было допустимо, то император Николай, убедившись в этом воочию, выслал князя Барятинского на Кавказ, где он и сделал свою карьеру. Во время походов против горцев, когда князь Барятинский был еще в низших чинах, он познакомился с молодым офицером Фадеевым, которого впоследствии чрезвычайно ценил и потому, приехав наместником на Кавказ, он сейчас же сделал Фадеева своим адъютантом. Таким образом, Фадеев, уже на моей памяти, из свиты фельдмаршала наместника князя Барятинского, главнокомандующего кавказской армией, был ближайшим к нему человеком; князь Барятинский вместе с Фадеевым участвовали во всех походах и при взятии Шамиля, и при осаде Гуниба. Вечером, накануне осады, когда были большие сомнения: предпринять ли атаку или взять Шамиля измором, Фадеев очень настаивал на том, чтобы атаковать Шамиля вопреки мнению других, которые считали, что не следует при этой атаке жертвовать жизнью многих сотен, если не тысяч людей. Барятинский согласился с мнением Фадеева, и во время атаки Фадеев принимал в ней самое живейшее участие, находясь все время в распоряжении фельдмаршала Барятинского. В то время Барятинский, конечно, не был еще фельдмаршалом; он получил фельдмаршала после окончательного покорения Кавказа, т. е. после занятия Гуниба и взятия в плен Шамиля. Во время сражений Шамиль всегда выезжал со своим знаменем, никогда не расставаясь с ним, и вот после взятия Гуниба, когда Шамиль сдался, он это знамя в знак покорности передал князю Барятинскому. Во всех литографированных картинах того времени, изображающих этот сюжет (из которых многие сохранились донныне), изображается сцена, как Шамиль, сдаваясь, передает Барятинскому свое знамя. Вечером, позвав к себе Фадеева, Барятинский сказал ему, что он дарит Фадееву это знамя, так как взятие Гуниба во многом обязано его советам. Знамя это после смерти Фадеева находилось у его сестры Надежды Андреевны Фадеевой, а в последнее мое свидание с нею она мне его вручила. Теперь это знамя находится у меня и висит в моей библиотеке.

Ближайшими советчиками Барятинского в то время были: Фадеев и начальник штаба (Барятинского) Милютин, ныне генерал-фельдмаршал Милютин, который во все время царствования императора Александра II был военным министром; теперь он живет в Крыму, и ему уже более 92 лет. Милютин, несомненно, представлял собой также весьма даровитого человека, но он был полной противоположностью Фадееву. Фадеев не получил систематического академического

образования; он имел, если можно так выразиться, вольное образование; был скорее художник науки, блистал громадными талантами, был человеком увлекающимся, с большой долей фантазии. Напротив того, Милютин представлял собой сухого, военного академика, ученого, последовательного человека, с большими видами, с большой программой, систематической, может быть, недостаточно талантливой, но весьма последовательной и крайне разработанной. Одним словом, он был элементом военного порядка, военной дисциплины, военной системы кавказской армии, чего, конечно, недоставало Бяратинскому. Фадеев был скорее человек боевой, любивший гораздо более боевой огонь, нежели кабинетную военную работу, человек с долей военной фантазии и военных порывов, был большим писателем, писателем живым; писал как живой человек, а не как академическая машина. Вот эти два человека, Милютин и Фадеев, играли громадную роль на Кавказе при Бяратинском и затем до самой смерти Фадеева эти два человека сталкиваются в различном понимании военных нужд, военного будущего и вообще потребности Российской империи.

Я помню князя Бяратинского сознательно, когда он уже был фельдмаршалом, после того как в сущности Кавказ был покорен, и мой дядя написал довольно известную книгу: «Шестьдесят лет Кавказской войны». Бяратинский был холостой, жил во дворце наместников, и я помню, как, будучи еще мальчиком, на его больших балах я бывал на хорах. Бяратинский держал себя весьма величественно, имел адъютантов, из которых многие были из петербургской *jeunesse dorée*; они чрезвычайно украшали его балы. Впрочем, в то время в Тифлисе было много молодых людей, приезжающих сюда из России для спорта: одни поступали служить на военную службу, желая испытать ощущения войны, другие поступали на гражданскую службу, имея в виду, что жизнь на Кавказе вообще была очень веселая. Среди его адъютантов был полковник Давыдов; он был женат на княжне Орбелиани. Княжна Орбелиани была невысокого роста, с довольно обыденной фигурой, но с очень выразительным лицом кавказского типа. Я думаю, что она представляла собой тип кошки. Ее сестра — впрочем, не родная, а усыновленная отцом Орбелиани-Давыдовой, — впоследствии вышла замуж за Василия Львовича Нарышкина, отца моего зятя. Так вот Бяратинский начал ухаживать за женой своего адъютанта Давыдова; так как вообще князь Бяратинский очень любил ухаживать за дамами, то никто и не думал, чтобы это ухаживание кончилось чем-нибудь серьезным. Окончилось же это ухаживание (в действительности) тем, что в один прекрасный день Бяратинский уехал с Кавказа, до известной степени похитив жену своего адъютанта. Он уехал за границу якобы лечиться, но более уж оттуда не возвращался. За границей он дрался на дуэли со своим адъютантом Давыдовым. Хотя я и слышал рассказы об этой дуэли от моего дяди Фадеева, который в то время был вместе с Бяратинским

за границей, но подробности ускользнули из моей памяти. Во всяком случае я помню только то, что результат дуэли был довольно постыдный не для Барятинского, а для Давыдова. После этой дуэли Барятинский не мог, конечно, вернуться на Кавказ, а также не мог скоро возвратиться и в Россию. Отношения его с императором Александром II также испортились (по причинам, которые я изложу далее), хотя император и предоставил ему жить в Скерневицах, где он и жил иногда вместе со своей женой, бывшей Давыдовой, урожденной Орбелиани. Там же вместе с его женой жила и молодая «сестра» княгини Барятинской, т. е. приемная дочь отца бывшей Давыдовой, князя Орбелиани, которой была дана фамилия и титул Орбелиани. В Скерневицах встретился с нею Василий Львович Нарышкин, который был в то время страшным богачом. Нарышкин влюбился и женился на ней. Император Александр III (будучи в то время еще наследником-цесаревичем) оказывал Барятинскому целый ряд знаков внимания. Последний период своей жизни Барятинский почти безвыездно провел в России или в Скерневицах, или в имении Ивановском (Курской губ.). Когда Барятинский умер, и тело его было привезено в это имение для похорон, то наследник-цесаревич (будущий император Александр III) ездил туда на его похороны. Александр II обратился к князю Барятинскому только после последней турецкой, так называемой Восточной войны конца 70-х годов прошлого столетия. Когда война эта кончилась Сан-Стефанским договором, то европейские державы, и в особенности Австрия, были этим крайне недовольны. Ожидалась война с Австрией. В это время император Александр II¹ и обратился к Барятинскому, прося его быть главнокомандующим армией в случае войны с Австрией. В те времена Барятинский уже очень болел; вообще последнее время он болел подагрой, которая началась у него еще на Кавказе, но, несмотря на свою болезнь, он согласился принять это назначение. Начальником штаба Барятинского был предположен генерал Обручев, бывший начальник штаба военного министерства; начальником тыла армии был предположен генерал Анненков; тогда же предложили мне, на случай войны, занять место начальника железнодорожных сообщений, на что я согласился. В то время я был еще чрезвычайно молодым человеком. Ранее чем выехать с Кавказа, Барятинский, как я уже говорил, был в самых лучших отношениях с императором Александром II; в это время у Барятинского зародился план, который он словесно передал императору Александру II и получил одобрение.

Предполагалось сделать полное преобразование всего военного устройства в России и при том в основу принять военную прусскую систему. Как известно, прусская система заключается в том, что там

¹ Это были последние годы царствования императора Александра II.

все части войск — территориальные — комплектуются почти что на месте. Затем военные (т. е. чисто боевые) приготовления к боевой деятельности находятся в руках корпусных командиров. Эти корпусные командиры непосредственно подчинены императору, в те времена — королю прусскому. В распоряжении императора находится генеральный штаб с начальником Генерального штаба (Мольтке); при императоре состоит (походная) канцелярия, которая служит промежуточной инстанцией между императором и корпусными командирами, которым император и отдает непосредственно приказы, иногда совещаясь для сего с начальником Генерального штаба; все военные планы составляются в Генеральном штабе. Административно-военная часть выделена от чисто военной, т. е. боевой, и находится в ведении и распоряжении военного министерства, которое управляется министром, на общеминистерском основании. Князь Барятинский предполагал устроить в России организацию наподобие этой прусской организации, т. е. чтобы у государя был начальник генерального штаба и чтобы этому начальнику — и государю через его посредство — были подчинены все корпусные командиры, которые должны быть вполне независимы и считать своим начальником только государя-императора; вся же административная часть должна была находиться в распоряжении военного министра. По мысли Барятинского, место начальника Генерального штаба должен был занять он, на что он имел согласие и государя-императора. Военно-административная часть должна была быть выделена и отдана в ведение военного министерства, и на пост военного министра Барятинским был рекомендован его начальник штаба — Милютин, который в то время еще не был графом Милютиным... Начальником канцелярии Генерального штаба предполагался Фадеев, т. е., иначе говоря, он должен был стать правой рукой Барятинского. После войны Барятинский предполагал оставить Кавказ, так как после взятия Шамиля и покорения горцев Кавказ ничего привлекательного из себя для него не представлял. Раньше чем приехать в Петербург и заняться переустройством армии по той программе, которую я только что очертил, Барятинский испросил разрешение поехать за границу, чтобы там несколько отдохнуть. Вероятно, государь Александр II не предполагал, что Барятинский уедет с Кавказа, увезя с собой жену своего адъютанта Давыдову, и вообще не предполагал всей той истории, которая вследствие этого произошла; поэтому, по рекомендации Барятинского, военным министром был назначен Милютин.

Милютин начал проводить не ту программу, которую предполагал Барятинский и в основе которой лежала германская военная система, а ту, которая существовала в то время и которая и ныне принята во Франции, т. е. систему военных округов без отделения административной части от военной; напротив того, все, касающееся войск,

как административная часть, так и чисто военная, переплетается, и обе они находятся в распоряжении одних и тех же начальников дивизий, а затем начальники дивизий уже подчинены начальникам военных округов, а начальники военных округов подчинены министру; номинально они, конечно, подчинены монарху, но, в сущности говоря, военный министр, держа все военные части в своих руках, естественно, является начальником и главой всего, что касается военного дела. Такая система в общих чертах существует во Франции, таковую же систему начал проводить и Милютин. Я думаю, что Милютин держался этой системы по убеждению, а не из вида какой-либо карьеры, но тем не менее это имело вид как будто интриги против Барятинского. Естественно, что при системе, которую проводил Милютин, Барятинскому для военной деятельности не было места в Российской империи. Начался спор, который потом проникал несколько раз и в прессу; спор этот вели, с одной стороны, Фадеев, а с другой — сотрудники Милютина. Единомышленниками Фадеева в этом отношении были такие выдающиеся генералы, как, например, генерал Коцебу, граф Лидерс и Черняев. Но все статьи и записки принадлежали исключительно Фадееву и Комарову, который по идеям своим был очень близок к Фадееву.

Комаров специально для борьбы с противоположной партией основал газету; как она называлась сначала — я не помню, впоследствии она была переименована в газету «Свет», которая существует и до настоящего времени. Со смертью генерала Комарова, который умер только два года тому назад, эта газета сделалась уже чисто гражданской; военными же вопросами она совсем не интересуется; но в 70—80-х годах в ней по преимуществу печатались военные статьи, принадлежавшие по большей части Фадееву и частью самому редактору газеты Комарову (изредка писал и Черняев). В официальных же журналах военного министерства возражали против того, что писала партия Фадеева: Обручев, Онучин, Анненков и др. — все по большей части вышедшие в генералы из офицеров Генерального штаба. Таким образом, можно сказать, что еще и в те времена были разногласия, с одной стороны, между генералами, не принадлежавшими к Генеральному штабу — генералами по преимуществу боевыми, а с другой стороны — между офицерами Генерального штаба и их представителями — генералами Генерального штаба. Как известно, эти несогласия во взглядах по самым капитальным и существенным вопросам существуют до настоящего времени, и эти разногласия весьма обострились после последней Японской войны. Таким образом, Фадеев вступил на путь ожесточенной полемики с военным министерством и с самим главой оною — военным министром Милютиним. Естественно, что вследствие этого генералу Фадееву не было места для военной карьеры в России. На него жаловались императору Александру II, и мне самому как-то раз дядя, возвратясь из Царского Села,

рассказывал следующее: гуляя в Царскосельском парке, он вдруг встретился там с императором Александром II, который подошел к дяде и, не узнав его, спросил: кто он такой? Когда дядя ответил ему, что он Фадеев, то император сказал: «Ну, а что, — ты все пишешь? Скоро ли перестанешь писать?» — это было сказано недовольным тоном.

Кроме военных статей и книг, Фадеевым было написано несколько политических статей и книг. Он написал «Восточный вопрос»; это возбудило обострение в дипломатических отношениях между Россией и Австрией; канцлер князь Горчаков пожаловался на Фадеева императору Александру II, и это обстоятельство вынудило моего дядю выйти в отставку. Затем Фадеев принял предложение поехать в Египет, в сущности для того, чтобы занять там пост военного министра, хотя этот пост и не назывался прямо постом военного министра; одним словом, ему было поручено хедивом устройство и организация хедивской армии. Насколько мне известно, это ему устроил посол в Константинополе граф Игнатьев, который с дядей был в хороших отношениях, — тот граф Игнатьев, который заключил Сан-Стефанский договор и затем был при императоре Александре III министром внутренних дел. Таким образом, Фадеев некоторое время прожил в Египте, но поездка эта была неудачной в том отношении, что вскоре египетский хедив был вынужден объявить войну Абиссинии, вследствие чего Фадеев отказался от руководства египетской армией, так как война против христиан — а абиссинцы, в сущности, последователи учения Христа, хотя и в несколько изуродованном виде, — не согласовалась с его убеждениями. Тем не менее дядя расстался с хедивом, продолжая быть с ним в самых хороших отношениях. Я помню, что когда дядя вернулся в Одессу, я жил там вместе с матерью, сестрами, теткой и братом; в это время он остался без места и написал книгу: «Чем нам быть?».

Когда затем вспыхнула война с Турцией, то дядя написал Милютину, что он не может оставаться в бездействии, не может не принимать участия в войне, так как военное чувство его возмущается против этого. Вследствие письма произошло примирение моего дяди с Милютиным, и последний посоветовал ему уехать в нашу действующую армию за Дунай. Ввиду того, что тогда мой дядя был только генерал-майор, по летам же и по имени он был гораздо старше большинства наших военных начальников, граф Милютин и командировал моего дядю к князю черногорскому как представителя русской армии при черногорской армии. Таким образом Фадеев участвовал в войне, но только в черногорской армии; после войны князь черногорский подарил ему маленькое имение около Антивари, которое дядя впоследствии продал. Фадеев вообще никаких средств не имел; то состояние, которое осталось после его отца и матери, перешло к его сестрам, так как он от своей части в наследстве отказался, вследствие

чего был в материальном отношении довольно стеснен. Вот к этому времени и относится назначение князя Бярятинского главнокомандующим, на случай войны с Австрией, о чем я уже говорил выше. Как известно, Сан-Стефанский договор не был признан некоторыми европейскими державами, и, следовательно, России предстояло или заставить признать этот договор посредством оружия, т. е. войны с Австрией, или пойти на уступки. В дело вмешался (как честный маклер) князь Бисмарк, который и устроил Берлинский конгресс. На этом Берлинском конгрессе был уничтожен Сан-Стефанский договор и вместо него явился Берлинский трактат, отголоски которого мы переживали еще два года тому назад, когда снова чуть-чуть не произошла война с Австрией по поводу Боснии и Герцеговины и, наверно, она бы возгорелась, если бы мы были в силах «ее начать» и не растеряли все в войне с Японией. Австрия, пользуясь нашей слабостью, присоединила к себе Боснию и Герцеговину, которые принципиально находились во временном ее управлении, реально же, конечно, эти провинции находились уже почти в полном обладании Австрии, так как временное управление, продолжавшееся в течение более 30 лет, конечно, уже создало некоторое право давности. Поэтому после Берлинского трактата все предположения о возможной войне с Австрией были откинута, и назначение Бярятинского главнокомандующим явилось чисто номинальным, не имевшим никаких последствий. Когда Бярятинский жил в Скерневицах и в имении Ивановском, у него очень часто бывал Фадеев, который подолгу там жил; в течение года он проводил обыкновенно вместе с князем Бярятинским несколько месяцев. Князя Бярятинского не было уже в живых, когда император Александр III вступил на престол.

После смерти императора Александра II, когда на престол вступил император Александр III, он опять вернулся к мысли о преобразовании всего военного устройства на тех основаниях, на которых в начале своего царствования его отец, император Александр II, предполагал по плану Бярятинского преобразовать военное устройство в России. Но в то время Бярятинского уже не было в живых и поэтому можно было заранее предвидеть, что эта мысль потерпит фиаско. Император Александр III сместил графа Милютина и назначил военным министром Ванновского, а вместо графа Гейдена начальником Генерального штаба назначил Обручева. Назначение Обручева, ближайшего сотрудника Милютина, начальником Генерального штаба к Ванновскому уже ясно показывало, что Ванновский будет на дело смотреть глазами Обручева, так как, несомненно, Обручев был гораздо более образован и подкован для всяких трений, нежели его начальник Ванновский. Но тем не менее вопрос о преобразовании всего военного устройства по тому образцу, по которому предполагал Бярятинский, был поднят и рассматривался на Особом совещании,

председателем которого был назначен генерал граф Коцебу, который, как я уже говорил ранее, был из числа партизан идеи этого переустройства еще в те времена, когда Фадеев только начал вести борьбу по этому вопросу с Милютиным. Но совещание это не могло ничем кончиться, потому что военный министр Ванновский, а также Обручев, настаивали на том, что делать такое крупное преобразование сразу неудобно, что это расстроит все наше военное дело. Ванновский обещал все это сделать понемногу и в конце концов ничего не было сделано.

Я графа Милютина знал еще с детства, когда был еще мальчиком; будучи на Кавказе, я был в хороших отношениях с его сыном, который был старше меня. Впоследствии этот сын Милютина был курским губернатором; он был вообще очень хорошим, но совершенно обыкновенным, ничем не выдающимся человеком. Когда я и мои братья бывали у Милютина, то, играя с его сыном, которого граф сильно любил, мы постоянно бегали в кабинете графа, и тогда он оставил во мне, как мальчишке, самое лучшее впечатление; но потом вследствие тех разногласий, которые произошли между ним и моим дядей, я и все мои родные отделились от семейства Милютиных, и в течение многих десятков лет я совсем с ним не встречался. Когда же я сделался министром финансов, то, проводя вместе с государем несколько осенних месяцев в Ялте, я бывал у Милютина и там часто имел случай говорить с ним о многих вопросах совершенно откровенно. Граф Милютин — вообще человек очень большого ума, человек крайне систематических мнений и очень большого образования, но в деловом смысле — человек сухой и большой систематик. Мне совершенно понятно, что граф Милютин не мог сойтись с такой натурой, какую представлял собой мой дядя Фадеев, хотя этот последний и был человек незаурядного образования и незаурядного таланта. В последние годы своей жизни Фадеев был очень близок с семейством графа Воронцова-Дашкова, т. е., собственно говоря, с самим Воронцовым-Дашковым. Граф Воронцов-Дашков был на Кавказе адъютантом у Барятинского, а так как Фадеев был также его старшим адъютантом, то Воронцов-Дашков и находился под известным обаянием и руководством моего дяди. Часто Воронцов-Дашков бывал у нас в доме и у Ростислава Андреевича Фадеева, который жил вместе с нами. И вот эта близость, которая установилась между ними в то время, соединила их на всю жизнь. В начале 80-х годов Фадеев начал болеть желудком; мне кажется, у него был рак. Моя мать и сестра повезли его в Карлсбад; я тогда был по своей болезни в Мариенбаде и часто навещал дядю. Ему в Карлсбаде как будто бы сделалось немного лучше, и он переехал в Одессу. Поселился он у моей матери на Херсонской улице (чей дом — не помню), где умер в 80-х годах.

Вообще на Кавказе все молодые люди, окружавшие Барятинского, вели довольно оригинальную, полную самых удивительных при-

ключений жизнь... На Кавказе все мы очень часто ездили верхом, и я, будучи мальчиком, также часто катался верхом и помню, например, что я часто встречал конвой наместника (которым, кстати, командовал тот же самый Воронцов-Дашков, так как он был адъютантом Барятинского); конвойные, нисколько не стесняясь, занимались на улице следующим: бросали на землю яйцо и затем скакали по улице, стреляя в него; кто попадал в это яйцо, тот получал известный приз. В числе адъютантов Барятинского был Позен, который впоследствии, во времена наместничества великого князя Михаила Николаевича, был, между прочим, кавказским интендантом; назначили его интендантом потому, что никогда никто в его честности не сомневался. Позен этот был еврейского происхождения; кажется, его отец в царствование императора Николая I был где-то интендантом. Я помню этого Позена адъютантом Барятинского. В то время все адъютанты собирались обыкновенно поочередно друг у друга. Когда же собирались у нынешнего кавказского наместника графа Воронцова-Дашкова, то происходило следующее: присутствующие, порядочно выпивши, сажали бедного Позена на стул около стены и занимались его обстреливанием, т. е. упражнялись в том, чтобы весь контур Позена обрисовать пулями на стене. Понятно, что Позен должен был таким образом сидеть неподвижно в большом страхе в течение целого получаса, пока его не обстреляют, и на стене не вырисуетя его полный контур. К счастью, такие экстравагантности проходили довольно благополучно.

ГЛАВА 3

КАВКАЗСКИЕ НАМЕСТНИКИ

Когда Бярятинский уехал за границу, то наместником кавказским был назначен великий князь Михаил Николаевич. Великий князь Михаил Николаевич еще ранее этого, после Крымской войны, приезжал со своим старшим братом Николаем Николаевичем на Кавказ; хотя я был тогда мальчиком, но отлично помню их въезд в Тифлис; они тогда были совсем молодые и не были еще женаты. При наместнике великом князе Михаиле Николаевиче приезжал на Кавказ наследник-цесаревич Николай Александрович; я также отлично помню его приезд; он приезжал с графом Адлербергом, будущим министром двора при Александре II. Я хорошо помню, что адъютанты Бярятинского, молодежь, о которой я говорил ранее, подтрунивали над Адлербергом, говоря, что, по всей вероятности, он не преминет занять у всех денег. Известно, что Адлерберг был замечательно умный и во всех отношениях порядочный человек, но любил мотать деньги, а поэтому был всегда в долгах. Цесаревич Николай Александрович был очень молод; я помню, что в честь его давали бал в доме Арунсо, — не помню, по какой причине в доме Арунсо, а не во дворце, но помню, что он меня тогда поражал своею наружностью: он был замечательно красив. Когда пришла весть о назначении великого князя Михаила Николаевича наместником, то все были очень довольны, потому что это был первый великий князь, назначенный кавказским наместником. Конечно, все адъютанты Бярятинского, которые не уехали с Кавказа, как, например, Воронцов-Дашков, который покинул Кавказ почти одновременно с отъездом Бярятинского за границу, остались при великом князе Михаиле Николаевиче, который привез с собой еще двух адъютантов: графа Левашова¹, и князя Трубецкого. Мой дядя Фадеев был крайне острый на язык, довольно откровенный, т. е. любил болтать. И вот по поводу приезда великого князя он сказал, что завтра великий князь въедет в Тифлис и что жена его Ольга Федоровна весьма довольна: въезд наместника Тифлиса (который делается в экипаже через р. Веру) встречается всем населением с флагами, экипаж наместника обыкновенно забрасывается цветами;

¹ Граф Левашов впоследствии был градоначальником Одессы и был женат на Паниной, дочери бывшего министра юстиции.

она, будучи очень скупой, заранее уже распорядилась, чтобы все эти цветы были собраны и отправлены на конюшню, и таким образом можно будет в течение нескольких дней даром кормить лошадей. Я тогда не понял этой остроты, но знаю, что она дошла до великой княгини, и Ольга Федоровна из-за этого все время крайне неблаговолила к моему дяде Фадееву: это и была одна из причин, почему мой дядя Фадеев, после того как черноморская часть Кавказа была покорена, во время наместничества великого князя Михаила Николаевича совсем покинул Кавказ. Потом я уразумел значение этой остроты.

Великий князь был хорошим кавказским наместником; он был человеком довольно ограниченным, государственно ограниченным, государственно мало образованным, но человеком с традициями, и традициями великокняжескими. По убеждениям он был сын своего отца Николая Павловича, причем он обожал его память. Будучи наместником, он окружил себя старослужащими на Кавказе и вследствие этого управлял Кавказом весьма недурно. Он держался тех же традиций, каких держались и его предшественники; традиции же его предшественников были таковы: так как большая часть населения Кавказа приняла подданство России по их собственному желанию и так как православное население Кавказа, вообще все христианское население его, в продолжение всей кавказской истории было верно России, то наместники держались того принципа, что Кавказ должен быть частью империи и что к христианскому населению Кавказа в особенности надо относиться так же, как к русским. В этом смысле они не делали никакой разницы между русскими и туземцами. Вообще при тех наместниках был недопустим принцип узкого национализма, который ныне так ярко проповедуется и проводится; тот принцип узкого национализма, при котором все не русские должны почитаться не настоящими сынами России и верноподданными государя. По моему убеждению, принцип этот весьма ложен, и, конечно, он России ничего, кроме вреда, принести не может, если только от этого принципа постепенно не отстанут.

В это время по гражданской части при наместнике кавказском особенную роль играл мой отец, который, как я говорил ранее, был директором департамента государственных имуществ, а по месту этому был вместе с тем и членом совета главного управления наместника кавказского. Таким образом, при великом князе Михаиле Николаевиче Кавказ жил той же жизнью, как и при его предшественниках, пользуясь, пожалуй, еще большим к себе вниманием, нежели при предыдущих наместниках, по той простой причине, что наместник Кавказа, великий князь, был сначала братом государя, а после смерти Александра II он был дядей государя Александра III. Оба государя относились к великому князю весьма родственно и ласково, что, впрочем, великий князь сам по себе вполне заслуживал, потому что это

был прекраснейший, благороднейший человек. Он несколько любил материальную сторону жизни, а именно деньги и имущество и даже некоторые казенные земли, как, например, Боржом, которые потом ему были подарены государем, что едва ли может украсить его наместничество. Но на Кавказе было всем хорошо известно, что в этом отношении он действовал всегда под влиянием своей супруги, великой княгини Ольги Федоровны, которая была довольно корыстолюбива по причине, которую я уже объяснил ранее, а именно по причине ее семитского происхождения.

Когда великий князь приехал на Кавказ, то первое лето жил в Белом Ключе; это место находится в нескольких десятках верст от Тифлиса и там стоит знаменитый Грузинский полк. В это время мой дед, все семейство Фадеевых и Витте жили также в Белом Ключе; в это время мне было не более 12—13 лет. У великого князя Михаила Николаевича в то время был всего один сын, великий князь Николай Михайлович, ему было один или самое большое два года, остальных детей у великого князя еще не было. Я и мои братья с детства ездили верхом, но мы ездили верхом по-кавказски, т. е. на казачьем седле, словом, ездили так, как ездят вообще туземцы Кавказа. Я помню, что великий князь, когда видел нас ездившими верхом по плацу, призывал нас иногда к себе и учил ездить по кавалерийским правилам, но правила эти к нам не прививались, да и вообще все кавказские ездки относились с презрением к кавалерийской езде, хотя после, когда я был уже в России (я до самого последнего времени ездил постоянно верхом), я изменил свое мнение относительно езды и держусь того взгляда, что действительно кавалерийская езда гораздо правильнее казачьей.

При великом князе, как я уже говорил, были окончательно покорены те части Кавказа (а именно Западный Кавказ), покорение которых не докончил фельдмаршал Барятинский, и вот за окончание покорения Кавказа великий князь получил св. Георгия на шею. Когда в конце семидесятых годов вспыхнула война с Турцией, то великий князь, будучи в то время кавказским наместником, номинально командовал армией, которая сражалась с турками, в действительности же этой армией, которая составляла отдельный корпус, командовал Лорис-Меликов, который за эту войну получил графство. Вообще великий князь Михаил Николаевич как во время войны, так и в мирное время играл более представительную роль, нежели распорядительную. Но тем не менее это нисколько не умаляет заслуг его по управлению Кавказом; он оставил о себе на Кавказе самые лучшие воспоминания. Впоследствии, при императоре Александре III, когда великий князь оставил Кавказ и был назначен председателем Государственного совета, то сначала вместо него на Кавказ был назначен князь Дундуков-Корсаков, но уже не в звании наместника, а в звании главноначальствующего на Кавказе.

Дундуков-Корсаков был назначен главноначальствующим на

Кавказ, так как он был из кавказских офицеров и когда был молод, командовал Нижегородским полком. Главнoначальствующим на Кавказе он был сравнительно недолго и ничем себя не проявил, но Кавказ его очень любил, потому что он был кавказским и во время своего пребывания на Кавказе устраивал всевозможные кутежи.

После него главнoначальствующим на Кавказе был Шереметев, которого Кавказ также любил, потому что и он был кавказским, но и он так же, как и Дундуков-Корсаков, ничем себя не проявил.

После смерти Шереметева на Кавказ был назначен князь Голицын; он первый начал проводить узкую националистическую политику, а поэтому на Кавказе он был всеми нелюбим и даже более — ненавидим.

Князь Голицын стал ненавистен Кавказу, потому что он был не кавказский, не понимал духа кавказского и проводил такую политику, которая и послужила одним из главных оснований тех беспорядков, которые были на Кавказе за последние десятилетия. Голицын был первый, пожелавший русифицировать Кавказ не нравственным авторитетом, не духом, а насилем и полицейскими приемами. За это он и поплатился, так как получил рану при покушении и затем должен был покинуть Кавказ, не достигнув никаких результатов в том направлении, в каком ему это было желательно, подняв ненависть на Кавказе против властей. Голицына я тоже хорошо знал; в сущности говоря, он был хорошим человеком, человеком внешне довольно образованным, очень честным, но мать его была полькой, и он по характеру был более поляком, нежели русским. И вот эти приемы «русского поляка» или, иначе говоря, «истинно русского человека с польской кровью» не могли дать иных результатов, как отрицательных. Он вздумал все кавказское население обращать в истинно русских людей, — эта его деятельность и была зародышем того истинно русского направления, которое ныне — смею думать, временно — царит над Россией, причиняя ей гораздо более вреда и бедствий, нежели пользы.

После князя Голицына на Кавказ был назначен граф Воронцов-Дашков, тот самый Воронцов-Дашков, о котором я упоминал, когда говорил о фельдмаршале князе Барятинском, у которого он состоял одним из младших адъютантов. Графа Воронцова-Дашкова я также знаю очень хорошо; знаю его с детства, или, вернее сказать, он меня знает с детства; это очень хороший человек, среднего образования, высшего общества. Служа на Кавказе с молодых лет, будучи там офицером, зная Кавказ того времени и то значение, которое имели в покорении Кавказа туземцы, он, конечно, не мог проводить ту узконациональную политику, которая теперь в моде. Теперь на Кавказе происходит такое удивительное явление: Воронцов-Дашков состоит кавказским наместником с 1903 (или 1904) года, во время его намест-

ничества прошла вся так называемая наша революция. Смуты, которым подвержена ныне Россия, все происходили и происходят в то время, когда он был наместником, и я не могу не сказать, что, быть может, он единственный из сановников на всю Россию, который и в настоящее время находится в том крае, в котором управлял, и который пользуется всеобщим уважением и всеобщей симпатией. Смею думать, что тот начальник, который пользуется общим уважением всего населения, населения столь разнородного и многообразного, какое существует на Кавказе, несомненно, имеет такие достоинства, которые отличают его от других. Достоинства эти заключаются в том, что он представляет собой в полном смысле слова русского благородного барина со всеми недостатками, присущими этому барству, но и со всеми его благородными и рыцарскими сторонами. Это, может быть, единственный из начальников края, который в течение всей революции, в то время когда в Тифлисе ежедневно кого-нибудь убивали или в кого-нибудь кидали бомбу, спокойно ездил по городу как в коляске, так и верхом, и в течение всего этого времени на него не только не было сделано покушения, но даже никто никогда его не оскорбил ни словом, ни жестом. Граф Воронцов-Дашков, как и вообще все жители Кавказа, а в том числе и я, зная Кавказ с юности, или вернее сказать, с детства, понимает дух этого края и никогда не сможет забыть, что хотя Кавказ и покорен русскими солдатами, но громадное количество офицеров и начальников этих солдат были туземцы. Я отлично помню то время, когда в каждом полку большая половина офицеров или начальников были местные туземцы, и эти туземцы — грузины, армяне, татары — в русских офицерских формах вели русского солдата на те бои, которые так прославили кавказскую армию. Достаточно вспомнить имена таких генералов, как князь Бебутов — армянин, Лазарев — армянин, Тер-Гукасов — армянин, Чевчевадзе — грузин, Орбелиани — грузин, и пр., и пр., т. е. такие генералы, которые оставили после себя блестящие страницы в военной русской истории, чтобы понять, какое значение имели туземцы при покорении Кавказа. А потому, спустя несколько десятков лет после завоевания Кавказа, когда эти туземцы в известной степени уже прославили нашу армию, нашу доблесть, сказать, что в военной и государственной службе туземцы нам более не нужны — по меньшей мере крайне близоруко, если не употребить более жесткое слово.

Еще во времена Барятинского кавказский наместник был заинтересован в том, чтобы начать разработку различных богатств, которые содержит Кавказ. Я помню, что эти попытки производились еще в то время, когда я был мальчиком. Хотя в настоящее время Кавказ в этом отношении и сделал некоторые успехи, но эти успехи сравнительно с теми богатствами, которые он содержит, совершенно ничтожны. Я помню время, когда производство нефти в Баку ограничи-

валось несколькими миллионами пудов; оно сдавалось с торгов, и эти промыслы находились всецело в руках Мирзоевых. В то время это было самое ничтожное производство, а теперь нынешние промыслы представляют из себя одно из самых громадных богатств Кавказа, или, в сущности говоря, Российской империи. Когда же кавказский наместник очень заинтересовался тем, чтобы на Кавказе было производство чугуна, то он обратился к некоему Липпе, баденскому консулу в Одессе, который приехал на Кавказ; наместник предложил ему разработать Четахские руды¹. Липпе пригласил туда русских горных инженеров (главный инженер Вернули), которые, приехав в Тифлис, начали разрабатывать эту руду. Так как все, что касалось государственных имуществ, находилось в ведении департамента государственных имуществ, т. е. в ведении моего отца, то я помню, что мой отец ездил, между прочим, осматривать эти заводы и при этом брал меня и моего старшего брата Бориса с собой. Приехав на Четахские заводы, мы там до известной степени бедствовали, потому что у нас, мальчиков, был прекрасный аппетит, а нам у немцев за обедом подавали самые удивительные вещи, например, суп из чернослива, дичь с вареньем и пр. За обедом мы ничего не могли есть, а потому отправлялись в харчевню, где и наедались; в особенности много мы пили кофе и ели хлеб с маслом. Эти Четахские заводы сыграли печальную роль в дальнейшей участи нашего семейства. Липпе, едучи раз из Четахских заводов в Одессу верхом, свалился с лошади, упал и разбил себе голову. Вследствие этого заводы эти, которые в то время только еще начали действовать и, конечно, ничего еще, кроме убытков, не давали, должны были закрыться; тогда Брятинский упросил моего отца взять на себя управление этими заводами, и мой отец, который кончил курс в Дерптском университете и затем изучал как горное дело, так и сельское хозяйство в Пруссии, согласился, или, вернее говоря, подчинился желанию наместника. Наместник обещал все это со временем оформить. Но в то время отцу надо было сразу начать вести чисто коммерческое дело, на которое требовались деньги, и деньги на это дело давал мой отец, который сам состояния не имел, а получил довольно большое приданое за своей женой, моей матерью — Фадеевой. И вот он, конечно с ведома моей матери, которая отдала все свои средства в его распоряжение. Тратил деньги на эти заводы, рассчитывая, что со временем, когда это дело наладится, деньги ему будут возвращены. Но своих денег ему не хватило; он вынужден был обращаться к частным лицам и брать у них деньги, давая им векселя за своей подписью. Таким образом велось дело этого завода. Но вот неожиданно Брятинский уехал за границу, а на его место был назначен наместником кавказским великий князь Михаил Николаевич, которому и было доложено, на каких основаниях ведет-

¹ Место Четах находится недалеко от Тифлиса, верст около 40.

ся это дело. Великий князь просил моего отца продолжать вести это дело, сказав, что он обо всем напишет государю и тогда все это дело будет оформлено, а деньги возвращены. Между тем мой отец совершенно неожиданно умер, истратив все состояние моей матери и, кроме того, сделав громадные долги. Моему отцу еще при Бярятинском было пожаловано большое имение в Ставропольской губернии (которое ныне, вероятно, стоит громадных денег); это имение должно было перейти нам, его наследникам. Но так как мы были тогда еще малолетние, то над нами был назначен опекуном Горбунов, один из помощников моего отца по департаменту, который и посоветовал нам отказаться от наследства, так как у моего отца было больше долгов, нежели имущества. Долги эти были сделаны моим отцом не для себя, а, собственно говоря, для Четахских заводов. Таким образом, все состояние моей матери было истрачено на это дело; имение также было потеряно, но мало этого: по каким-то причинам — я не знаю, на всех нас, т. е. на меня и на моих двух братьев Александра и Бориса, был сделан какой-то большущий начет. Таким образом, моя мать очутилась без всяких средств, за исключением тех денег, которые она получила от деда; и то она получила их не сама лично, не прямо от деда, а получил их брат ее, который отказался от своей части в пользу своих сестер, т. е. моей матери, а также в пользу Надежды Андреевны Фадеевой, которая до сих пор еще живет в Одессе. На нас же, трех братьев, как я уже говорил, был сделан большущий начет: кажется, на мою долю, например, причитался начет в 200 тыс. руб. Я помню, когда я был управляющим Юго-Западных дорог, ко мне с этим начетом приходили судебные чины, приходил пристав. Я им всякий раз говорил одно, что если бы ко мне предъявили начет не в 200 тыс. руб. а в 200 рублей, то я был бы очень опечален, потому что в то время у меня средства были очень маленькие. Но так как ко мне предъявляли начет в 200 тыс. руб., то для меня совершенно безразлично, делается ли на меня этот начет или нет, так как я не имею таких средств, чтобы его уплатить. Так это дело продолжалось до тех пор, пока при Александре III великий князь Михаил Николаевич, будучи уже председателем Государственного совета и затем членом Комитета министров, в то время когда Лорис-Меликов был министром внутренних дел, т. е., пожалуй, диктатором, а председателем одного из департаментов был Старицкий (бывший председателем судебной палаты в Тифлисе, а ранее директором департамента юстиции, в то время когда отец мой был директором департамента государственных имуществ) — все они в это дело вмешались, и после прошествия многих лет постановлением Комитета министров, высочайше утвержденным, было решено все недочеты сложить и их более не предъявлять. Причем я должен заметить, что так как все мы со смертью отца остались без всяких средств, то я, а также и мой брат в течение всего времени пребывания нашего в университете получали от кавказского

наместничества 50 рублей в месяц стипендии, и таким образом я кончил курс университета. Итак, Четахские заводы были причиной полнейшего разорения всего нашего семейства: из людей богатых мы сделались людьми с крайне ограниченными средствами. Если бы не те средства, которые перешли от брата моей матери, генерала Фадеева, отказавшегося в пользу своих сестер (как я говорил выше) от своей части в наследстве, то моей матери и ее сестре было бы очень трудно жить, потому что, хотя благодаря кавказскому наместнику моей матери и ее сестре и была назначена пенсия, но все-таки после той жизни, которую они вели на Кавказе, существовать только на эту пенсию было бы очень трудно. (Кстати сказать, при крепостном праве, когда мы жили на Кавказе, я помню, что одних дворовых у нас было 84 человека.) Следовательно и с помощью денег, доставшихся матери вследствие отказа дяди от участия в наследстве, все же перейти на скромную жизнь в Одессе было для нее крайне тяжело.

ГЛАВА 4

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ДЕТСТВА И ЮНОСТИ

Из моего раннего детства я помню некоторые вещи; до настоящего времени оставшиеся в живых мои родные смеются надо мною по поводу того, что я безусловно утверждаю, что когда мне было всего несколько месяцев и в Тифлисе началась эпидемия, то я отлично помню, как мой дед взял меня к себе на лошадь и верхом увез из Тифлиса в его окрестности. Я до сих пор помню тот момент, когда я ехал у него на руках, а он сидел верхом на лошади. Но когда я об этом рассказывал моей покойной матери и сестрам, они всегда смеялись надо мною, говоря, что я не могу этого помнить, и только моя кормилица, которая до сих пор жива и которую я видел только неделю тому назад, так как она живет у моей сестры в Одессе (куда я ездил на праздники), только она одна не возражает и думает, что действительно я это помню и что это воспоминание не есть моя фантазия. Затем я помню еще и другой момент, но это уже момент, так сказать, не личный, а более или менее общественный. Я помню, что когда мне было всего несколько лет, я находился в моей комнате с моей нянькой (это было в Тифлисе), вдруг в эту комнату вошла моя мать, которая рыдала, потом сюда же пришли мой дед, бабушка, тетка и все они навзрыд рыдали. Помню, что причина их слез и рыданий было полученное только что известие о смерти императора Николая Павловича. Это произвело на меня сильное впечатление; так рыдать можно было, только потеряв чрезвычайно близкого человека. Вообще, вся моя семья была в высокой степени монархической семьей, и эта сторона характера осталась и у меня по наследству.

Теперь я хочу рассказать несколько воспоминаний относительно тех лиц, с которыми мне приходилось встречаться в детстве и в юности, которые или тогда уже пользовались известностью, или впоследствии играли более или менее видную роль в делах государства. Я помню, когда я был еще совсем мальчиком, экзархом Грузии был очень почтенный старец иерарх Исидор, который впоследствии очень продолжительное время был петербургским митрополитом. Исидор как в Тифлисе, так и потом в качестве петербургского митрополита пользовался совершенно заслуженной репутацией очень умного иерарха, отличного администратора и истинного монаха по своей жизни. Исидор часто приезжал в наш дом и у нас обедал.

После Исидора экзархом Грузии был Евсевий. Этот Евсевий затем был переведен в Россию, где он не играл никакой роли, да и не мог ее играть вследствие образа своей жизни. Будучи экзархом, он держал себя совершенно недостойно. Так, например, мне еще мальчику тогда случайно было известно, что он жил с одной девушкой, — эта девушка была племянницей моей няньки. Вообще, он вполне открыто вел жизнь совершенно не монашескую. Затем, как я сказал, он был переведен в Россию на второстепенный пост, где и кончил свою карьеру вполне незаметно.

Из гражданских лиц, которые впоследствии играли более или менее видную роль в государстве, я мог бы указать на барона Николаи. Барон Николаи был начальником главного управления по гражданской части на Кавказе. Это был рыжий немец, или, вернее, кажется, финляндец, очень сухой и умный человек; он был женат на грузинке и имел маленькое имение около Каджиоре. Каджиоре — это местечко, находящееся в 12 верстах от Тифлиса, на горе, где проживала гражданская администрация в летние месяцы, т. е. там проживали во всяком случае все более или менее видные и состоятельные деятели гражданской администрации Кавказа. Этот барон Николаи, раньше нежели быть начальником главного кавказского управления, был одно время в Киеве попечителем учебного округа, после же он был назначен министром народного просвещения. Когда великий князь Михаил Николаевич покинул Кавказ и сделался председателем Государственного совета, барон Николаи в начале царствования императора Александра III был министром народного просвещения, а затем покинул этот пост, так как он не сочувствовал новому университетскому уставу, введенному в 1884 году, которым, как известно, были уничтожены многие из вольностей, допущенных университетским уставом императора Александра II. Брат этого Николаи был военным, он был известен как храбрый генерал. Когда я еще был мальчиком — он был уже генерал-адъютантом и пользовался большой славой в войсках. Он очень странным образом окончил свою жизнь. Когда уже кончилась кавказская война, он вдруг увлекся католицизмом, — перешел из лютеранства в католицизм, — затем уехал в Рим к папе и сделался католическим монахом. Он похоронен в католическом монастыре, который ныне закрыт правительством Французской республики. Монастырь этот находится недалеко от Aix-les-Bains. Тогда, три года тому назад, когда я был недалеко от Aix-les-Bains, я поехал в этот монастырь, который ныне, по-видимому, содержится каким-то предпринимателем, так как эту весьма красивую местность посещает масса публики; сам монастырь, как здание, также чрезвычайно благоустроен. Приехав туда, я думал найти там могилу генерал-адъютанта барона Николаи, сделавшегося впоследствии католическим монахом; мне показали то кладбище, на котором он был похоронен, но самую его могилу показать никто не мог, ибо, согласно статуту этого

монастыря, поступавшие в монахи теряли, так сказать, свое имя, и их хоронили, как «рабов Божьих», без имени. Один из старых служителей мне только сказал, что, насколько он помнит, монах, про которого было известно, что он ранее был бароном Николаи, похоронен на этом месте (и он указал мне место).

Из гражданских лиц, которые впоследствии играли более или менее выдающуюся роль в государстве, я хорошо помню господина Старицкого. Старицкий был начальником судебных учреждений Кавказа, а после того, как были введены новые судебные учреждения, он получил должность старшего председателя судебной палаты, а затем сделался членом Государственного совета и был председателем департамента законов Государственного совета.

Далее я помню еще один очень оригинальный тип — Инсарского. Этот Инсарский ничем особенным себя не проявил. Он был начальником канцелярии у фельдмаршала князя Барятинского, который вследствие каких-то личных отношений к нему благоволил. Это был типичнейший полубарин-получиновник; он был вполне порядочным и честным, но весьма ограниченным человеком и иначе не вел никаких разговоров, как выражаясь весьма пышными фразами. После нескольких минут знакомства с кем бы то ни было, он начинал разговор «на ты», ко всем обращаясь с фразой: «любезнейший друг». Инсарский был предметом различных шуток, которые проделывала с ним молодежь, окружавшая фельдмаршала князя Барятинского. Когда же Барятинский уехал за границу, то Инсарский по протекции фельдмаршала получил место московского почт-директора. В то время это был довольно важный пост, так как тогда Россия еще не была покрыта сетью железных дорог. В Москве Инсарский чувствовал себя совершенно, так сказать, «в своей тарелке», со всей тамошней коммерческой знатью он был в очень хороших отношениях, но отношения эти с его стороны были покровительственные; он являлся в роли как бы покровителя и всех с особой важностью «тыкал».

Из туземцев (по гражданской части) я помню еще чрезвычайно умного человека — князя Мухранского, который, если мне память не изменяет, занял место Старицкого, когда этот последний был сделан членом Государственного совета.

Вообще же говоря, из кавказских деятелей — туземцев — никто особенно по гражданской части не выдавался, ибо туземцы как грузины, кавказцы, так и татары (т. е. их дворянство) представляли собой людей, весьма мало образованных, но с большой природной честью, храбростью. Они отличались верностью по отношению к тем, которые были к ним справедливы; вот почему на военном поприще

были целые массы, тысячи и тысячи туземцев, отличавшихся во время войны, и можно сказать, что кавказское дворянство поистине массу пролило крови для пользы России и для ее чести.

Из отдельных типов военных, которых создал Кавказ, или, вернее сказать, 60-летняя Кавказская война, с которыми я или мальчиком или юношей встречался, я припоминаю следующих: прежде всего генерала Евдокимова, который потом был графом Евдокимовым и который не оставил после себя никакого потомства; он вышел в офицеры прямо из солдат и оставил по себе память в истории Кавказа и Кавказской войны как чрезвычайно блистательный военный начальник, один из наиважнейших сотрудников князя Барятинского во время войны. Еще будучи мальчиком, я очень часто слышал о графе Евдокимове; помню, как он бывал у моих родных, когда мы жили в Тифлисе. Евдокимов жил не в Тифлисе, а большей частью в Грозном, Владикавказе, словом, в тех местах, в которых шла непрерывная война с горцами.

Затем очень оригинальной личностью был генерал Гейман. Гейман был также из солдат, но из солдат-евреев, и тип его был вполне еврейский. Про Геймана я, будучи мальчиком, также слышал, как про одного из кавказских героев. Познакомился же я с ним лично при очень оригинальной обстановке. Будучи студентом Новороссийского университета, я первые два года ездил на летние вакации к своим родным в Тифлис. Когда я был на первом курсе и после вакаций уезжал из Тифлиса, то меня взял с собой мой дядя Фадеев, который ехал в Черноморскую область делать ревизию войск. Так как тогда железных дорог не было, то мы доехали с ним на перекладных до Кутаиса, потом спустились к району Поти, из Поти на пароходе, Черным морем, доехали до Сухума. Приехав в Сухум, мы застали там холеру, которая не щадила своих жертв. На улицах сплошь и рядом валялись больные и мертвые. Сойдя с парохода, мы прямо поехали к начальнику области генералу Гейману. Когда я и мой дядя Фадеев приехали к нему, мы застали его в спальне, окруженного целой батареей вин. Поздоровавшись дружески с дядей, он сейчас же нас посадил около стола, требуя, чтобы мы пили, и уверяя, что это единственное средство, чтобы не заболеть холерой. Таким образом, он продержал нас целую ночь, все время заставляя пить, и сам все время также пил. Затем утром в очень нетвердом состоянии, будучи полу-навеселе, Гейман довел меня с дядей до парохода, и таким образом мы поехали далее: мой дядя — в Новороссийск, а я — в Одессу. Затем после, когда уже вспыхнула в конце 70-х годов Турецкая война и когда я сам был в некотором роде деятелем этой войны, так как управлял Одесской железной дорогой, которая была на военном положении (она была объявлена военной дорогой, находящейся в тылу армии), Гейман отличался на Кавказе в качестве начальника одного из отрядов отдельного кор-

пуса генерала Лорис-Меликова. Мой брат Александр рассказывал мне потом различные истории относительно Геймана. Помню из них только то, что он терпеть не мог никаких корреспондентов, а потому, если только он где-нибудь встречал корреспондентов, то, не обращая даже внимания на их национальность, он непременно хотел их драть, давать им розги. Мой брат рассказывал мне про один случай, когда ему стоило большого труда удержать Геймана от этого. Однажды Гейман и мой брат ехали верхом, с ними ехали и казаки; вдруг они встретили двух англичан, которые также ехали верхом. Гейман сейчас же спросил у них через переводчика, кто они такие. Англичане ответили, что они корреспонденты газет, и Гейман непременно захотел их выдрать; еле-еле моему брату удалось удержать его от этого поступка. Гейман был, в сущности, самым простым солдатом, еле грамотным, но тем не менее его имя навсегда останется в истории завоевания Кавказа.

Из туземцев я помню генерала Лазарева, которому в последнюю войну мы обязаны взятием Карса. Мой брат рассказывал мне, что, когда он состоял ординарцем при великом князе Михаиле Николаевиче или при командующем отдельным Кавказским корпусом Лорис-Меликове (точно не помню), он присутствовал перед взятием Карса на одном заседании военного совета, на котором высказывались различные мнения и суждения относительно штурма этой крепости. На этом совете, по обыкновению, особенно много говорили офицеры Генерального штаба (как известно, этой слабостью отличаются наши офицеры Генерального штаба). Наконец, дошла очередь и до Лазарева. Председательствовавший, обратившись к нему, спросил Лазарева: как же он, которому поручено командовать штурмом, выслушав все эти мнения, будет распоряжаться войсками, каким образом он думает совершить этот подвиг? Тогда Лазарев попросил, чтобы ему показали карту, которая все время лежала на столе и по которой генералы делали свои указания, высказывая свои суждения о том, каким образом, по их мнению, нужно совершать штурм Карса. Когда Лазареву показали карту, он спросил: «Гдѣ мы?» Ему показали место, где они находились; он спросил: «А гдѣ Карс?» Ему показали Карс. Тогда он сказал: «Я пойду оттуда, гдѣ мы, туда, гдѣ Карс, и возму Карс». Все его объяснение заключалось в этом. Через несколько дней действительно он так и сделал. Приказал брать Карс, сам был во главе войск, пошел и взял Карс, но при взятии Карса потерял довольно много людей. Потом мне рассказывал мой брат, что произошел нижеследующий инцидент. Известно, что для подкрепления кавказских войск из Москвы была пущена гренадерская дивизия, и начальником этой дивизии был генерал Роп, ныне член Государственного совета и по летам едва ли не старейший. Генерал Роп прибыл на Кавказ с этой дивизией в качестве ее начальника. Известно, что при взятии Карса во время штурма эта дивизия отступила, затем в панике

бежала, причем, как мне рассказывал мой брат, во главе бежавших был сам начальник дивизии генерал Роп. В это время один из туземцев, не помню, кто именно, как мне передавал брат, не переставая кричал по адресу Ропы самые невозможные, неприличные ругательства. Затем эта дивизия должна была удалиться с театра военных действий и вернуться в Россию; чтобы отойти от Карса и попасть в Москву, она опять должна была пройти через Тифлис. И вот эту дивизию должны были ночью провезти через Тифлис, потому что боялись, чтобы население города Тифлиса не наделало этой дивизии скандалов, тем более, что население Тифлиса состоит из туземцев крайне храбрых, с громадной военной честью. Впоследствии эта дивизия была прозвана «роп-кая» дивизия в честь ее начальника генерала Ропы.

Из числа других военных инцидентов, которые происходили в Тифлисе на моей памяти, я припоминаю еще следующий: после того как я сдал выпускные экзамены в тифлисской гимназии, я пошел играть на бильярде в кавказской гостинице, находящейся на Театральной площади; в это время произошел бунт тифлисского населения против мясников. Дело заключалось в том, что гражданской администрацией вся продажа говядины была отдана одному подрядчику, который эксплуатировал население. Население возмутилось и решило этого подрядчика убить. Собралась громадная толпа из туземцев, которая решила разыскать и убить подрядчика, его мальчика, вообще все его семейство. Это было заранее известно, а поэтому о готовящемся дали знать Грузинскому полку, который стоял в Белом Ключе, а также и Эриванскому полку, который стоял в Манглисе. И вот, когда я играл в гостинице на бильярде, я сделался свидетелем следующего: я помню, что еще до того момента, как эти полки скорым шагом вошли в город, приехал на дрожках мой отец. Он увидел громадные толпы народа и, подъехав к пожарной команде, приказал, чтобы были вывезены пожарные трубы; когда они были привезены, мой отец приказал облить всех собравшихся людей, и таким путем толпа была рассеяна. Так как мой отец пользовался большой популярностью среди населения, то они моего отца не тронули, и он на моих глазах спокойно в экипаже уехал к себе домой. Затем пришли солдаты. По обыкновению был назначен начальник войск (кто это был — я не помню), начальник же штаба был полковник Черкасов. И вот этот полковник Черкасов начал придумывать всевозможные умные планы: каким образом окружить и забрать всю эту толпу, или, иначе сказать, он намеревался дать им бой. В то время как он придумывал эти планы и намеревался сразиться на точном основании науки, часть этой толпы преспокойно дошла до места, где жил мясник, и убила как его, так и все его семейство. Тогда все военные на Кавказе чрезвычайно смеялись над Черкасовым. Вообще на Кавказе офицеры Генерального штаба никогда не пользовались никаким престижем. Помню, в то время, когда я играл на бильярде, было сделано

несколько отдельных залпов и выстрелов. Против гостиницы, где я находился, была аптека, и вот там, в этой аптеке, шальной пулей был убит молодой провизор.

Из военных того времени я помню Чевчевадзе, который впоследствии во время Турецкой войны был начальником кавалерии. Это был мужчина громаднейшего роста, в плечах у него была чуть ли не сажень, а талию он имел такую, какой могла позавидовать каждая молодая дама. О и отличался громаднейшей силой и необычайной храбростью. Помню, я видел его, когда он был начальником Северского драгунского полка; потом я его встречал, когда он приезжал в Петербург, в то время я уже был министром. Про него военные совершенно серьезно говорили, что он весь вылит как бы из стали, и мой брат, конечно, смеясь, уверял меня, что он сам видел, как пули, ударяя ему о череп, отлетали, и Чевчевадзе на это не обращал никакого внимания. Чевчевадзе оставил о себе память, как о замечательно храбром военном кавалерийском генерале. Он поражал своей храбростью во время неожиданных набегов.

Помню, когда я был еще совсем мальчиком, я постоянно также слышал рассказы о генерале князе Бебутове, который вписал свое имя в историю кавказской войны (я имею в виду не последнюю, а первую Турецкую войну, когда наместником еще был Муравьев, под начальством которого был взят Карс). С моего детства и юношества в моем представлении понятие о наших русских войсках так неразрывно было связано с туземцами-офицерами и военными начальниками, которые так много и многообразно отличались на Кавказе, что я теперь решительно не могу понять, каким образом в настоящее время можно относиться к туземному дворянству так, как ныне к нему относятся с новой лженациональной точки зрения.

Вообще говоря, между офицерами-туземцами, конечно, существует различие. Среди армян было очень много храбрых военных (Бебутов был армянин, Лазарев был также армянин), попадались люди очень умные, хотя все военные туземцы были люди почти что необразованные или полуобразованные. Грузины же, по своей натуре, очень неумные и тупые, но зато недостаток ума у них сравнительно с армянами вознаграждается особой рыцарской честью. Все грузины, так же, как и имеретины, отличались громадной храбростью.

Я помню также и последнего представителя грузинских царей, князя Ираклия, который был простым полковником, числившимся по кавалерии, даже флигель-адъютантом или адъютантом наместника. Его все звали: князь Ираклий-царевич.

Когда я был еще совсем мальчиком, на Кавказ приехал Дюма-отец, его приезд я хорошо помню. Совершая свое путешествие, Дюма-отец со свойственным ему балагурством описывал всевозможные

чудеса на Кавказе. Как только Дюма приехал на Кавказ, он оделся в черкеску, и в таком костюме его всюду возили, заставляя пить массу вина.

Помню также приезд на Кавказ Тенгоборгского, известного экономиста 50-х годов, который много способствовал привитию в России теории фритредерства и благодаря которому мы никак не могли отделаться от этой теории, и только при императоре Александре III вступили на путь прямого и открытого протекционизма.

Припоминаю также доктора Андреевского. Он был на Кавказе также во времена моего детства. Андреевский оставил о себе память на Кавказе не как «доктор», а как «доктор светлейшего князя Воронцова»; вследствие преклонных лет светлейшего князя Андреевский имел на него значительное влияние и проявлял это влияние не без корыстных целей. Когда же князь Воронцов покинул Кавказ, Андреевский приехал в Одессу и уже с очень округленным состоянием. Одна из дочек Андреевского затем вышла замуж за князя Шервашидзе, одного из владетельных князей Кавказа. Этот Шервашидзе был двоюродным братом князя Шервашидзе, ныне состоящего при особе императрицы Марии Федоровны. Этот последний Шервашидзе был женат на дочери барона Николаи, о котором я ранее говорил, того барона Николаи, который кончил свою карьеру министром народного просвещения. Андреевская вышла замуж за Шервашидзе, который был адъютантом у фельдмаршала князя Барятинского; Шервашидзе посватался и женился на Андреевской, имея в виду то обстоятельство, что доктор, ее отец, был очень богат. Венчание происходило в университетской церкви, и я просто в качестве студента Новороссийского университета пришел смотреть в церковь на это бракосочетание, которое в Одессе считалось бракосочетанием в высшем обществе. Я был крайне удивлен следующим: невеста вошла со своим женихом Шервашидзе (которого я раньше знал еще на Кавказе, так как мы были с ним почти ровесники), и Шервашидзе приехал в церковь не в военном костюме или во фраке, а в костюме французского маркиза времен Людовика XV, с париком.

До сих пор я не могу себе объяснить, с какой стати он надел этот костюм. Я спрашивал об этом троюродного брата его, который также не мог мне объяснить, почему Шервашидзе нарядился в такой странный костюм.

Теперь, чтобы рассказ мой был более или менее связным, я хочу рассказать постепенно о моем воспитании и образовании.

ТОМ 2

(1894–ОКТАБРЬ 1905)

ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ II

ГЛАВА 19

НАЧАЛО ЦАРСТВОВАНИЯ

Император Александр III умер так же, как жил — как истинный христианин, как верный сын православной церкви и как простой, твердый и честный человек. Умер он совершенно спокойно, и, умирая, он гораздо более заботился о том, что это огорчит его окружающих и любимую им его семью, нежели думал о самом себе.

Затем последовала присяга новому императору — Николаю II и перевоз тела императора Александра III из Ялты в Петербург.

Эта печальная церемония была произведена с соблюдением установленных на этот случай правил, но с простотою, которая была внедрена в царствование усопшего императора.

Тело его в Москве было выставлено (кажется, на 1 день) в Успенском соборе. Министры и высшие чины встречали траурный поезд на Николаевском вокзале.

Я помню, как теперь, как подошел поезд; на вокзале была масса лиц; весь Невский проспект и путь к Петропавловскому собору были переполнены народом. Я был на перроне, к которому подошел поезд; из поезда вышел молодой император, а затем две особы женского пола, обе белокурые. Естественно, мне было интересно видеть нашу будущую императрицу, и так как я раньше ее никогда не видел, то, увидав одну очень красивую с совершенно молодым телосложением даму, я был уверен, что это именно и есть принцесса Дармштадтская — будущая императрица Александра Федоровна, и был очень изумлен, когда мне сказали, что это не она, а что та, которую я принял за будущую императрицу, — это королева Англии Александра (ныне уже вдова). Меня поразила тогда ее молодость, так что, когда я сейчас же после нее увидел нашу будущую императрицу, она мне показалась менее красивой и менее симпатичной, нежели тетка императора — королева Англии. Но тем не менее и новая императрица была красива — и до сих пор красива, хотя у нее всегда было и до настоящего времени есть нечто сердитое в складе губ.

Как только вынесли гроб императора, погребальная процессия двинулась через Невский проспект, Литейный мост в Петропавловский собор.

Процессия шла, конечно, по заранее определенному церемониалу, причем министры шли парами впереди гроба, перед певчими и духо-

венством. Я не помню, с кем я шел. Всюду стояли шпалерами войска; была масса народа... Я был очень удручен, и у меня в памяти остались только два маленьких эпизода, происшедшие во время этой процессии:

На Невском проспекте вдруг я слышу голос: «Смирно». — Я невольно поднял глаза и увидел молодого офицера, который при приближении духовенства и гроба скомандовал своему эскадрону: «Смирно». — Но вслед за этой командой «смирно» он скомандовал еще следующее: «Голову направо, смотри веселей».

Последние слова мне показались такими странными, что я спросил у своего соседа:

— Кто этот дурак?

На что мой сосед мне ответил, что это ротмистр Трепов, тот самый Трепов, который впоследствии сыграл такую удивительную роль, сначала в качестве градоначальника Москвы, генерал-губернатора Петербурга, потом товарища министра внутренних дел, а в сущности диктатора — впрямь до 17 октября; когда я сделался председателем Совета министров, то, конечно, он не мог оставаться со мною и сделался дворцовым комендантом, но, в сущности говоря, продолжал быть закулисным диктатором, что и послужило главным образом причиною того, что я решил оставить место председателя Совета министров.

Затем, когда мы прошли через Литейный мост, то меня удивило еще следующее: министр внутренних дел Иван Николаевич Дурново уже вышел из процессии и в качестве не то полицмейстера, не то вообще начальника полиции делал распоряжения относительно того, каким образом должна себя держать публика и как должна действовать полиция.

Конечно, в то время все эти распоряжения касались только внешнего порядка; все были глубоко потрясены смертью императора и были уверены, что ни с чьей стороны, даже и со стороны крайне левых, не может последовать никакого действия, которое не было бы в гармонии с тем чувством, в котором пребывала в то время Россия по отношению к покойному императору.

Говоря о министре внутренних дел Иване Николаевиче Дурново и рассказывая о первых днях после смерти императора Александра III, я всегда вспоминаю следующее. Когда получили известие о кончине императора, я поехал к Ивану Николаевичу договориться по некоторым вопросам. Он знал, как я был привязан к императору, точно так же, как и я знал, что Иван Николаевич очень его любил. Мы были, конечно, в довольно тяжелом и грустном расположении духа.

Вот Иван Николаевич обратился ко мне и говорит:

— Что же вы, Сергей Юльевич, думаете относительно нашего нового императора?

Я ответил, что о делах говорил с ним мало, знаю, что он совсем неопытный, но и неглупый, и он на меня производил всегда впечатление хорошего и весьма о с п и т а н н о г о молодого человека. Действительно, я редко встречал так хорошо воспитанного человека, как

Николай II, таким он и остался. Воспитание это скрывает все его недостатки. На это И. Н. Дурново мне заметил: «Ошибаетесь вы, Сергей Юльевич, вспомните меня — это будет нечто вроде копии Павла Петровича, но в настоящей современности». Я затем часто вспоминал этот разговор. Конечно, император Николай II не Павел Петрович, но в его характере немало черт последнего и даже Александра I (мистицизм, хитрость и даже коварство), но, конечно, нет образования Александра I. Александр I по своему времени был одним из образованнейших русских людей, а император Николай II по нашему времени обладает средним образованием гвардейского полковника хорошего семейства.

Почти одновременно со свиданием с Иваном Николаевичем я имел собеседование и с Константином Петровичем Победоносцевым.

Так вот, когда я приехал к Константину Петровичу Победоносцеву, он был тоже чрезвычайно огорчен смертью императора. Что же касается императора Николая II, у которого он был преподавателем, то хотя он, как преподаватель будущего императора, и относился к нему любовно, но тем не менее высказался о своем ученике как-то неопределенно. Больше всего он боялся, чтобы император Николай по молодости своей и неопытности не попал под дурные влияния. Но я старался не продолжать этот разговор.

Тело почившего императора Александра III было выставлено в Петропавловском соборе. Я несколько раз дежурил при теле, раз дежурил ночью. Все время приходила масса народа поклониться телу императора.

Затем последовали похороны, которые продолжались очень долго.

Императрица Мария Федоровна все время стояла весьма мужественно. Когда же митрополит говорил длинную речь, то к концу речи нервы императрицы не выдержали, и с нею сделалось что-то вроде истерического припадка, хотя и очень краткого. Она кричала «довольно, довольно, довольно».

После похорон, через несколько дней, я представлялся вдовствующей императрице.

Во время царствования императора Александра III она сначала относилась ко мне весьма милостиво, а после моей женитьбы — довольно сдержанно и сухо.

В этот раз, когда после смерти императора я представлялся императрице, она приняла меня очень ласково и, между прочим, сказала такую фразу:

— Я думаю, что вам очень тягостна смерть императора, потому что действительно он вас очень любил.

Во время первых месяцев царствования императора Николая II в Петербург приезжал принц Уэльский. Как известно, будущий король Эдуард VII был дядей принцессы Алисы Дармштадтской, нашей ны-

нешней императрицы, а потому в обращении был с нею очень интимен. И вот, когда он был в Петербурге, то во время одного из первых завтраков с императором и императрицей, когда они были втроем, он вдруг, обращаясь к императрице, довольно недипломатично сказал: «Как профиль твоего мужа похож на профиль императора Павла», — что очень не понравилось как императору, так и императрице.

Я слышал об этом от приближенных принца Уэльского (будущего короля Эдуарда). Рассказывая об этом, он заметил, что сделал «гаф» (неловкость).

Тем не менее принц Уэльский в первые месяцы после смерти императора Александра III оказал сердечную родственную дружбу вдовствующей императрице и императору, не только с формальной стороны, как это сделали все царствующие дома, но и со стороны интимной.

После похорон императора Александра III я через несколько дней был с всеподданнейшим докладом у молодого императора Николая II. Новый император, несомненно, очень любил своего отца и потому был огорчен его смертью; независимо от того он был смущен своим новым положением, к которому совсем не был подготовлен; кроме того, он прибыл в Петербург со своей невестой, будущей императрицей Александрой Федоровной, в которую, как говорят, он был влюблен. Таким образом, молодой император находился под влиянием разнообразных чувств и сильных впечатлений.

Когда я пришел к императору с первым моим всеподданнейшим докладом, то Николай II встретил меня чрезвычайно ласково: он знал, что отец его относился ко мне особенно благосклонно, и, кроме того, когда он еще был наследником-цесаревичем, то я ему весьма нравился, и он, еще будучи совсем молодым человеком, всегда ко мне благоволил, что и выказывал в Комитете Сибирской железной дороги, в коем он был председателем.

Когда я приступил к докладу, то вопрос, который мне задал император Николай, был следующий: «А где находится ваш доклад о поездке на Мурман? Верните мне его». Я доложил государю, что доклада этого его покойный отец мне не возвращал. Тогда государь сказал мне, что доклад этот ему читал (или показывал) покойный император еще в Беловежском дворце (где Александр III находился ранее, нежели переехал в Ливадию) и что на докладе этом императором Александром III сделаны некоторые резолюции.

Я снова подтвердил, что доклада этого я обратно не получал. Николай II был очень этим удивлен и сказал, что непременно его разыщет.

В следующую пятницу (мои доклады всегда были по пятницам) государь сказал мне, что он нашел доклад, и стал говорить со мною о том, что он считает необходимым привести в исполнение этот доклад и прежде всего главную мысль доклада — о том, чтобы устроить наш морской опорный пункт на Мурмане, в Екатерининской гавани. За-

тем государь говорил о том, что не следует осуществлять проекта грандиозных устройств в Либаве, так как Либавя представляет собою порт, не могущий принести России никакой пользы, вследствие того что порт этот находится в таком положении, что в случае войны эскадра наша будет там блокирована. Вообще император высказался против этого порта.

В то время в этом отношении было два течения: одно течение, которое я с своей стороны признаю совершенно правильным, было против устройства этого порта, как такого, который не может принести нам пользы; а другое течение — за то, чтобы главный опорный пункт нашего флота сделать в Либаве, там устроить громадный военный порт.

Вот император Николай II и хотел немедленно объявить указом о том, что основной военный порт должен быть устроен на Мурмане в Екатерининской гавани, причем Екатерининская гавань должна быть соединена железной дорогой с одной из ближайших станций прилежащих к Петербургу железных дорог.

Я с своей стороны этому делу сочувствовал, но советовал его величеству с этим делом не спешить, не издавать этого указа немедленно, т. е. в ближайшие недели после смерти его покойного отца, ибо мера эта, несомненно, внесет некоторый семейный разлад. Генерал-адмирал Алексей Александрович (ныне покойный) почтет это для себя обидой, так как он — партизан устройства порта в Либаве. К тому же великий князь Алексей Александрович очень близок к вдовствующей императрице, которая теперь, после смерти Александра III, еще более будет к нему привязана. Великий князь Алексей Александрович, будучи один среди великих князей, братьев ее покойного мужа, холостым, всегда был очень близок к императрице Марии Федоровне. Таким образом, я был уверен, что эта мера внесет разлад в царскую семью в первые же недели после смерти императора Александра III, чего, конечно, желательно избежать.

Затем, несомненно, будут говорить, что император Николай II только что вступил на престол, а потому дело это изучить не мог и, следовательно, действует под чьим-нибудь влиянием.

На это император мне ответил, что говорить так не могут потому, что у него есть на моем всеподданнейшем докладе о поездке в Мурман резолюции императора Александра III. Но во всяком случае император почел мои соображения довольно уважительными и сказал, что с этим делом, вероятно, немножко повременит.

Прошло месяца 2—3, и вдруг я прочел в «Правительственном вестнике» указ императора Николая II о том, что он считает нужным сделать главным нашим морским опорным пунктом Либаву и осуществить все эти планы, которые на этот предмет существуют, и назвать этот порт портом императора Александра III во внимание к тому, что будто бы это есть завет императора Александра III.

Меня этот указ чрезвычайно удивил, так как мне было известно, да и сам император мне говорил, что покойный император Александр III не только держался совсем другого мнения, но за несколько месяцев до своей смерти на моем всеподданнейшем докладе (который, вероятно, находится в личном архиве императора Николая II) высказал совершенно противоположное мнение.

Через несколько дней после появления этого указа ко мне явился Кази, человек очень близкий к великому князю Константину Константиновичу, и говорил мне, что вот как великие князья, пользуясь молодостью императора, пользуясь тем, что император только что вступил на престол и, так сказать, еще не окреп, злоупотребляют своим влиянием. Кази рассказал мне, что после указа о Либавском порте император Николай II приехал к великому князю Константину Константиновичу и со слезами на глазах сетовал великому князю о том, что вот генерал-адмирал великий князь Алексей заставил его подписать такой указ, указ, который совершенно противоречит его взглядам и взглядам его покойного отца. Отказать же ему в этом император Николай II не мог, так как великий князь поставил этот вопрос таким образом, что если этого не будет сделано, то он почтет себя крайне обиженным и должен будет отказаться от поста генерал-адмирала.

Сам великий князь Алексей Александрович, будучи очень милым, честным и благородным, в то же время был человеком в деловом отношении не особенно серьезным, и им руководил управляющий морским министерством Николай Матвеевич Чихачев. Таким образом, идея устройства Балтийского порта была пропагандирована Н. М. Чихачевым, человеком тоже очень милым, умным, но умным преимущественно в делах коммерческих, а не военных. Секретарем Н. М. Чихачева был полковник по Адмиралтейству (ныне генерал по Адмиралтейству) Обручев, брат начальника главного штаба известного Обручева, который действительно имел авторитет как военный. Он был действительно выдающимся военным теоретиком и убежденным сторонником устройства нашей военной морской опоры в Либаве. Чихачев же в данном случае проводил только мнение этого военного авторитета.

Мне ни разу не пришлось говорить с генерал-адъютантом Обручевым по этому предмету, но, зная его высокий ум и таланты, я убежден в том, что его мысль имела известное основание, но как часть его общей системы обороны государства, а не как отдельный фактор нашей военной силы.

Большинство же моряков, в том числе и Кази, были другого мнения. В это время Кази играл в Петербурге очень большую роль, он уже тогда был в отставке. Когда-то Кази был помощником Н. М. Чихачева, когда этот последний был директором Русского Общества пароходства и торговли. Затем он с ним разошелся. Несомненно, Кази был человек большего таланта, нежели Чихачев. Относительно вопроса об устройстве порта Кази, как и многие другие моряки, держался того

мнения, что устройство порта в Либаве было бы совершенно напрасной тратой денег, как в конце концов это и оказалось в действительности. Мысль его была такова, что нам нужно искать опору для морских сил в одном из открытых морей, чтобы в случае войны мы не могли быть в этом порте заперты. Между прочим, это была его мысль устроить нашу опору на Мурмане в Екатерининской гавани.

Но, как я уже сказал, судьба устроила иначе: император Николай II подписал указ вопреки своему убеждению, вопреки своему мнению об устройстве порта в Либаве и порту этому дал имя покойного императора Александра III, между тем как император Александр III, что мне было отлично известно и как это видно из его резолюций на моем докладе по Мурману, не только этому делу не сочувствовал, а считал устройство порта в Либаве делом вредным.

Когда Кази рассказал мне, как все это случилось, как император Николай II со слезами на глазах рассказывал великому князю Константину Константиновичу о том, что его великий князь Алексей Александрович, так сказать, насилывал в этом вопросе, то я, зная немного характер молодого императора, подумал, что он этого эпизода не забудет и в конце концов Н. М. Чихачеву не поздоровится. Действительно, не прошло и года времени, как император Николай II, в Москве, настоял на увольнении Н. М. Чихачева с поста управляющего морским министерством, и на этот пост был назначен адмирал Тыртов.

Это был, так сказать, акт мести, но на существо дела увольнение Н. М. Чихачева не имело никакого влияния. В сущности говоря, и при Тыртове морское министерство шло тем же неправильным аллюром, каким оно шло и при адмирале Чихачеве. Через несколько лет умер Тыртов, и управляющим министерством сделался адмирал Авелан, и министерство продолжало идти тем же аллюром, хотя как Тыртов, так и Авелан были оба умные, прекрасные люди, но по талантам своим они были ниже посредственности.

Между тем это злополучное решение оставить мысль об устройстве нашего опорного пункта в Мурмане и базироваться в Либаве имело весьма печальные последствия. Ввиду этих последствий мне потом приходилось жалеть, зачем я тогда отговорил императора Николая от издания указа об устройстве нашего опорного пункта на Мурмане, хотя, как я уже говорил, я советовал ему этого не делать только в ближайшие недели после смерти Александра III, а советовал осуществить это хладнокровно, в более спокойной и хладнокровной форме. Но оказывается, как потом я убедился из многих случаев, иногда, в особенности когда имеешь дело с людьми колеблющимися, весьма важно ловить момент, а если упустишь момент, то и самое дело упустишь.

Я говорю, что решение это имело важные последствия и вот почему: если бы император Николай II издал тогда указ о том, что надобно устраивать наш морской базис на Мурмане, то, несомненно, он

сам увлекся бы этой мыслью, которая представляла собою завет покойного его отца. Тогда, вероятно, мы не искали бы выхода в открытое море на Дальнем Востоке, не было бы этого злополучного шага — захвата Порт-Артура и затем, так как мы все спускались вниз, шли ступеньки на ступеньку, не дошли бы мы и до Цусимы.

Вступив так неожиданно на престол, император Николай II, весьма понятно, был совершенно к этому не подготовлен, а потому и находился под всевозможными влияниями, преимущественно под влиянием великих князей.

В первые годы его царствования доминирующее влияние на него имела императрица-мать, но влияние это было непродолжительно; затем на императора Николая II постоянно влияли — до известной степени, но в значительно меньшей мере влияют и теперь — некоторые великие князья. Но в настоящее время государь-император, и не без основания, имеет убеждение в том, что он гораздо опытнее и гораздо более знает, нежели все окружающие его многочисленные члены царской семьи, так как он процарствовал уже 15 лет, многое в своей жизни испытал, много видел и поэтому приобрел такую, по крайней мере механическую, опытность в управлении, какой, конечно, ни один из членов его семьи не имеет.

В начале же царствования императора Николая II было, конечно, иное положение, ибо в то время был жив и великий князь Владимир Александрович, великие князья Алексей Александрович и Сергей Александрович, его дяди — лица, которые, несомненно, в его глазах, имели гораздо большую опытность и значение и занимали более или менее важные государственные посты тогда, когда император был еще совсем младенцем. Естественно, что вследствие этого они на него имели большое влияние. Ныне эти великие князья все поумирали. Надо при этом заметить, что среди великих князей Владимир Александрович был человеком замечательного образования, замечательной культуры; вообще все они были люди превосходные и как великие князья вполне достойные. Об одном только можно пожалеть, что вообще великие князья играют часто такую роль только потому, что они в е л к и е князья, между тем как роль эта совсем не соответствует ни их знанию, ни их талантам, ни образованию.

Когда же они начинают влиять на государя, то из этого большею частью всегда выходят одни только различные несчастья.

Нужно сказать, что при императоре Александре III великие князья ходили по струнке. Покойный император держал их в респекте и не давал им возможности вмешиваться в дела, их не касающиеся. Император Александр III и в области их управления имел сдерживающее влияние на великих князей и пользовался среди них полным авторитетом. Все великие князья любили императора Александра III, но в то же время и боялись его. С воцарением молодого императора

все это было перевернуто, что вполне естественно и объясняется разностью лет и разностью жизненного авторитета между молодым императором и некоторыми великими князьями, родственным уважением молодого императора к старшим и, наконец, мягкостью характера и темпераментом нового императора. Это обстоятельство и было одною из причин многих неблагоприятных явлений, скажу даже больше, бедствий царствования императора Николая II; в особенности это можно сказать относительно первых лет царствования императора Николая II, когда он сам еще, так сказать, как личность не окреп и не обнаружился.

Мне известно со слов бывшего военного министра, а впоследствии министра народного просвещения, генерал-адъютанта Ванновского, что в первые же годы царствования императора Николая II, когда Ванновский заметил усиливающееся влияние на государя великих князей во всех делах, их не касающихся, в особенности в области военной, он как-то сказал императору:

— Ваше величество, не вводите удельную систему, которую уничтожил ваш покойный отец.

Император спросил: «О какой удельной системе вы говорите?»

Ванновский ответил:

— Об удельной системе, подобной той, которая была в Древней Руси, когда каждый великий князь царствовал, пока Россия не была собрана в единое Московское царство.

Удельная система, только в другой форме, до некоторой степени явилась в царствование Александра II, когда великие князья снова начали вмешиваться в дела, их не касающиеся, что и было уничтожено императором Александром III.

Император Николай II улыбнулся и сказал:

— Ну я, Петр Семенович, им тоже пообрежу крылья.

Но к сожалению, это было сделано не особенно энергично и некоторые великие князья все время имели на государя неблагоприятное влияние, причем, может быть, главным образом влиял на него неблагоприятно великий князь Александр Михайлович, женатый на сестре императора. Я полагаю, что если бы не этот великий князь, то может быть мы не имели бы всех тех несчастий, которые мы претерпели на Дальнем Востоке.

Когда император Николай II вступил на престол, то от него светлыми лучами исходил, если можно так выразиться, дух благожелательности; он сердечно и искренне желал России в ее целом, всем национальностям, составляющим Россию, всем его подданным, счастья и мирного жития, ибо у императора, несомненно, сердце весьма хорошее, доброе, и если в последние годы проявлялись иные черты его характера, то это произошло оттого, что императору пришлось многое испытать; может быть, в некоторых из сих испытаний он сам

несколько виноват, потому что доверился несоответственным лицам, но тем не менее сделал он это, думая, что поступает хорошо.

Во всяком случае отличительные черты Николая II заключаются в том, что он человек очень добрый и чрезвычайно воспитанный. Я могу сказать, что я в своей жизни не встречал человека более воспитанного, нежели ныне царствующий император Николай II.

В первые же месяцы своего царствования он женился, свадьба его по случаю траура была без всяких торжеств. После свадьбы, которая совершилась в Зимнем дворце, он поехал справлять медовый месяц в Царское Село, которое и донныне составляет, можно сказать, его главное местопребывание.

До женитьбы он жил в Аничковом дворце, а после женитьбы, вернувшись из Царского в Петербург, он переехал в Зимний дворец, где и жил до последних лет злосчастной Японской войны и затем смуты т. е. до апреля 1904 г.

С 1905 г. он в Зимнем дворце больше не живет и весьма редко туда наезжает, а живет преимущественно, как я уже сказал, в Царском Селе; летние же месяцы он проводит в Петергофе или Ливадии, за исключением тех недель, которые он, главным образом в первые годы своего царствования, провел вне России.

2 ноября государь-император принял в Аничковом дворце (так как тогда он еще жил в Аничковом дворце) всех членов Государственного совета, председателя его, а так как министры по своему званию состоят членами Государственного совета, то на этом приеме были и все министры.

Император был очень взволнован, он сказал несколько весьма сердечных слов в память своего отца и вообще отнесся ко всем присутствующим весьма сердечно.

Я обратил внимание на то, что на этом представлении в числе членов Государственного совета присутствовал и Александр Аггеевич Абаза.

Хотя Александр Аггеевич и был членом Государственного совета, но после той истории, которая произошла в царствование императора Александра III¹, жил или у себя в деревне (в Шполе Киевской губернии), или в Монте-Карло, так как он по натуре был большой игрок.

Само по себе присутствие Александра Аггеевича Абазы меня не удивило, так как с его стороны было весьма естественно приехать в Петербург по случаю кончины императора Александра III и вступления на престол нового императора, но меня удивило, что император Николай отнесся к нему особенно любезно и милостиво.

Александр Аггеевич Абаза был в хороших отношениях с великим князем Михаилом Николаевичем, председателем Государственного

¹ Речь идет о разоблачении биржевых спекуляций Абазы.

совета, человеком очень хорошим, благородным, но весьма ограниченным; в то время государственным секретарем был Александр Александрович Половцев — большой друг А. А. Абазы, и я сразу догадался, что А. А. Половцев желает реабилитировать Александра Аггеевича в глазах молодого императора.

Я лично против А. А. Абазы ровно ничего не имел. А. А. Абаза был человек выдающегося здравого рассудка, во всяком случае это был крупный государственный человек. Но я опасался, что реабилитация Абазы может последовать только посредством утверждения, что все то, что послужило к опале Абазы, неверно; чтобы не случилось опять того же, что предполагали сделать в царствование императора Александра III, когда все в Государственном совете стали утверждать, что я наклеветал на А. А. Абазу, вследствие чего я просил назначить комиссию под председательством Николая Христиановича Бунге. Совещание это удостоверило, что все то, что я докладывал императору и чего не мог не докладывать относительно некорректной игры А. А. Абазы на бирже, совершенно правильно.

Поэтому в одном из последующих докладов, после представления членов Государственного совета в Аничковом дворце императору Николаю II, я рассказал вкратце государю все дело, рассказал, почему в царствование его отца А. А. Абаза потерял доверие покойного императора и переехал за границу. И так как в то время был жив еще Н. Х. Бунге, то я и просил императора, если у него явится какое-нибудь сомнение, чтобы он спросил Н. Х. Бунге и чтобы тот рассказал ему всю историю.

По этому предмету в кредитной канцелярии министерства финансов имеются все документы, в том числе и записка, составленная обо всей этой истории вице-директором кредитной канцелярии — Петровым.

После приема Государственного совета государь-император в последующие дни принимал всех генерал-адъютантов, флигель-адъютантов, затем принимал различные депутации иностранных держав, которые приезжали в Петербург на похороны императора Александра III или по случаю кончины императора. В числе лиц, приезжавших на похороны императора Александра III, был, между прочим, генерал Буадефр и адмирал Жерве. Генерал Буадефр — это тот самый, который первый заключил с генералом Обручевым военную конвенцию, установившую наш союз с Францией.

13 декабря довольно неожиданно последовало назначение графа Шувалова варшавским генерал-губернатором на место генерала Gurko.

Весьма характеристичен был уход генерала Gurko. В то время в его канцелярии служил старший его сын — будущий товарищ министра внутренних дел. И вот генерал-адъютант Gurko пожелал, чтобы его сына сделали управляющим его канцелярией. Но так как этот сын Gurko уже и в то время пользовался в денежном отношении дурной репутацией, то бывший тогда министром внутренних дел Иван Ни-

колаевич Дурново не соглашался на это. Гурко приехал в Петербург, явился к молодому императору и поставил ему ультиматум, сделав это в твердой и довольно резкой форме, заключающийся в том, чтобы его сын был назначен управляющим канцелярией или же он уходит. Государь согласился на последнее, таким образом, этот несомненно выдающийся, военный и государственный человек ушел со сцены и поселился у себя в Тверской губернии. Впоследствии, кажется, он был сделан фельдмаршалом, но никакой уже роли не играл.

Это произошло 13 декабря 1894 г., т. е. через два месяца после вступления на престол императора Николая II.

Согласие государя на увольнение Гурко произошло с одной стороны оттого, что Гурко поставил очень резко вопрос, а с другой стороны, потому, что его величество по характеру своему с самого вступления на престол вообще недолюбливал и даже не переносил лиц, представляющих собою определенную личность, т. е. лиц твердых в своих мнениях, своих словах и своих действиях. Увольнение Гурко — это был первый случай проявления этой стороны характера его величества.

Хотя я несколько не оправдываю Гурко и считаю, что, конечно, все лица, которые так резко ставили вопрос или так твердо проводили свои мнения, как это сделал Гурко, несколько и виновны в том, что не приняли во внимание натуру государя и не имели в виду того, что они все-таки имеют дело с его величеством, в этом отношении я виню во многом и самого себя, но оправданием как Гурко, так и другим лицам (в том числе и мне), которые так себя держали по отношению к государю, может служить то обстоятельство, что, ранее чем служить императору Николаю, мы служили императору Александру III. Покойный император на способ выражения мыслей, на резкие слова никогда не обращал внимания, наоборот, он даже очень ценил в человеке твердые убеждения; словом, характер императора Александра III был совершенно иной, нежели характер императора Николая II, и это всякий его подданный, в том числе и мы, должны были иметь в виду и принимать во внимание.

Приблизительно в это же время, а именно 17 декабря, последовало увольнение министра путей сообщения Кривошеина и назначение вместо него князя Хилкова. Назначению Кривошеина главным образом содействовал министр внутренних дел Иван Николаевич Дурново. Кривошеин был умный, деловой человек, но железнодорожного дела не знал. Сделался он министром путей сообщения отчасти также благодаря мне, потому что, если бы я, когда император обратился ко мне с вопросом (при назначении меня на пост министра финансов) о том, кого назначить вместо меня министром путей сообщения, высказался бы относительно Кривошеина в более отрицательном смысле, то, конечно, он места министра путей сообщения не получил бы. Но, как это обыкновенно бывает и что я сам столько раз испытал в своей жизни, в своей деятельности, — конечно, за неко-

торыми исключениями, — те лица, которые достигли своего положения, часто весьма высокого, благодаря моей школе, моему их воспитанию, моему выбору, достигнув этого положения, стараются не давать повода кому бы то ни было узнать, что они достигли своего положения благодаря мне, а потому постепенно прерывают со мной отношения, а затем, когда наступает момент, что это им является выгодным, они даже делаются моими неприятелями и врагами, желая своими неблагоприятными выходками против меня показать свою независимость. То же самое произошло и с Кривошеиным. Когда он сделался министром путей сообщения, то он старался по возможности от меня отгородиться. Но так как сам по себе Кривошеин железнодорожного дела не знал и с государственной точки зрения не представлял из себя никакого авторитета, то все-таки он, или, вернее, его министерство, в значительной степени находилось под моим влиянием, или под влиянием моего министерства, т. е. министерства финансов.

Кривошеин, собственно говоря, министерством не занимался, а занимались министерством путей сообщения больше его сотрудники, знавшие железнодорожное дело и вообще дело путей сообщения. Он имел ту же слабость, как и многие другие министры, которых мне пришлось видеть на своем веку, а именно: как только Кривошеин сделался министром, сейчас же начал разводить различные грандеры, т. е. расходовать казенные деньги на устройство роскоши в своем помещении. Например, помещение министра путей сообщения и без того почти царское, но тем не менее Кривошеин не удовольствовался им и из соседней квартиры¹, которая принадлежала его товарищу, устроил себе домашнюю церковь, держал там священников, вообще всю службу — все это, конечно, за счет казны.

Я должен сказать, что, как мне это говорил бывший тогда государственным контролером Третий Иванович Филиппов, он не вполне был корректен в государственной деятельности. Признаюсь, я этого не проверял, а поэтому утверждать этого не могу. Но государственный контролер Третий Иванович Филиппов уверял, что будто бы из имений Кривошеина ставились на железные дороги шпалы по особо благоприятным ценам; что будто бы Кривошеин провел сооружение одной маленькой железной дороги через Комитет министров на юг России, а затем направил ее так, что она прорезала все имение его. Кажется, этот последний факт верен.

Вообще Кривошеин не имел никакого состояния, но еще ранее, нежели он сделался министром, он нажил большое состояние, так как он был делец большой руки, постоянно продавал имения, покупал имения, продавал всякие продукты и проч., — словом, это был именно тип дельца.

¹ В этой квартире был очень большой кабинет его товарища, помещение это также пошло под церковь.

Вот этот характер своей деятельности он обнаружил, будучи министром путей сообщения.

Тертий Иванович Филиппов, между прочим, вероятно, не был в хороших отношениях с Кривошеиным, представил по этому предмету обо всем доклад императору Николаю II. Конечно, доклад этот рисовал министра путей сообщения Кривошеина в очень скверном виде. Но я полагаю, что, если в представленном докладе Т. И. Филиппов увеличил в десять раз факты по сравнению с действительностью, следовательно, если бы эти факты уменьшить в 10 раз, то и тогда я не могу не сказать, что и этого было бы все-таки достаточно, чтобы признать Кривошеина таким человеком, который не может занимать пост министра, потому что он действовал некорректно в смысле корыстном.

Это был первый случай, когда молодому императору через два месяца после вступления на престол пришлось встретиться с фактами, так сказать, злоупотребления министров; поэтому совершенно естественно, что это возмутило молодого государя, который сам, по своей натуре, человек весьма честный. В то время он был еще совсем молодым, не имел случая еще видеть и свыкнуться с людской грязью, а поэтому факт этот особенно на него подействовал, и он уволил Кривошеина совсем от службы.

Это был первый случай в начале царствования императора Николая II, который, вероятно, заставил многих лиц такого же пошиба, как и Кривошеин, призадуматься.

По увольнении Кривошеина явился вопрос: кого же вместо него назначить министром путей сообщения?

Вся эта история с увольнением Кривошеина для меня была совершенно неожиданна, я не принимал в ней решительно никакого участия и узнал об этом из «Правительственного вестника». Но когда Кривошеин был уволен, то при первом же моем докладе в пятницу императору Николаю (доклад этот был в Гатчинском дворце), когда я пришел к нему в кабинет, государь сказал: «Я прошу вас выслушать этот указ», — и прочел мне указ о назначении министром путей сообщения отставного лейтенанта Кази. Я этому весьма удивился, ибо Кази также никогда на железных дорогах не служил.

Кази всю свою жизнь занимался или морскими вопросами, или вопросами близкими к морским; по уму и по характеру, он был человек выдающийся, человек больших способностей, но греческого происхождения и был в значительной доле наполнен стремлением к интригам — это была его слабая сторона. Кази был врагом режима, который существовал в морском министерстве, в этом отношении он был совершенно прав, и я ему вполне сочувствовал. Поэтому я и взял Кази, когда уезжал в мое путешествие на Мурман, и в моем докладе, который я сделал о Мурмане, в известной мере участвовал и Кази.

Очень протежировал Кази великий князь Александр Михайлович.

Протежировал он Кази, во-первых, потому, что Кази был действительно очень выдающийся человек, а во-вторых, потому, что Александр Михайлович со времени вступления на престол императора Николая II, конечно, мечтал сделаться впоследствии генерал-адмиралом, т. е. занять место Алексея Александровича. Алексей Александрович относился к Александру Михайловичу довольно презрительно.

Так как Александр Михайлович представляет из себя человека, главной чертой характера которого является интрига, можно сказать, что он полон интриг, то он и поддерживал Кази, как орудие против режима морского министерства, т. е. против великого князя Алексея Александровича, вообще против всего морского ведомства.

Но, как я уже говорил ранее, у императора Николая II не хватило характера перевернуть направление дел в морском министерстве, хотя бы пожертвовать для этого великим князем Алексеем Александровичем; впрочем, может быть, все это вышло к лучшему, потому что если бы император назначил великого князя Александра Михайловича вместо великого князя Алексея Александровича, то это было бы, несомненно, гораздо хуже, потому что Алексей Александрович был во всяком случае честный, благородный и прямой человек, чего я не могу сказать о великом князе Александре Михайловиче. Несомненно, великий князь Александр Михайлович обратил бы все морское министерство в рассадник всевозможных интриг. Но тем не менее государь, по-видимому, хотел отличить такого человека, как Кази, поэтому он, вероятно, не без влияния великого князя Александра Михайловича, желал его назначить министром путей сообщения.

Я сказал государю, что его величество знает, какого я высокого мнения о Кази, что я отношусь к Кази весьма сочувственно и нахожусь с ним в высшей степени дружеских отношениях, но все-таки считаю совершенно невозможным назначить Кази министром путей сообщения потому, что он этого дела совершенно не знает и что только что был пример в лице Кривошеина, который совершенно расстроил после меня министерство. Я сказал государю, что Кази надо беречь для какого-нибудь другого дела, касающегося его специальности, что я убежден, что он этим делом заниматься не будет и не может им заниматься, что он в качестве министра путей сообщения будет заниматься делами до него не касающимися, и преимущественно морским делом; если назначить Кази министром, то уже прямо назначить его морским министром, тогда по крайней мере он будет заниматься тем делом, которое он знает; что же касается железнодорожного дела, то его он совсем не знает, и поэтому я очень советовал государю не делать этого назначения.

Хотя, по-видимому, сопротивление мое не понравилось императору, но он все-таки спросил меня: «Кого же назначить вместо Кази?» — Я посоветовал назначить моего товарища Анатолия Павловича Иващенко.

А. П. Иващенко, когда я приезжал в Петербург и сделался дирек-

тором департамента, служил в государственном контроле и был там правую руку государственного контролера Сольского. Затем, когда я был назначен министром путей сообщения, то я взял Ивашенкова к себе, руководствуясь той репутацией, которую он имел: он был известен, как человек порядочный. Зная, что в министерстве путей сообщения делается очень много злоупотреблений в области водных сообщений и шоссе, я сделал А. П. Ивашенкова своим товарищем.

Когда я был назначен на пост министра финансов, то я взял Ивашенкова к себе и как товарища министра финансов.

Это был в высокой степени почтенный человек, но не особенно большого таланта и ума. Это был скромный чиновник, но он обладал громадной уравновешенностью, громадной способностью работать, весьма толковый, словом, это был тип выдающегося, хорошего бюрократа.

Государь сказал мне, что он об Ивашенкове подумает.

В следующий мой доклад его величество сказал мне, что он думал относительно Ивашенкова, но что он считает невозможным его назначить. Государь прямо сказал мне, что главная причина этого заключается в том, что он мой товарищ и что когда он сделается министром путей сообщения, то все будут говорить, что все, что делает Ивашенков, он делает под моим влиянием. Государь сказал, что вообще ему Ивашенков не нравится, что вообще ему его не хочется назначать, и поэтому склонялся опять назначить министром путей сообщения Кази.

Я очень отговаривал его величество от этого. Когда же он поставил мне вопрос: «Кого же полагаете в таком случае назначить?» — у меня вдруг блеснула мысль о князе Хилкове, и я сказал: «Князя Хилкова».

Государь говорит: «Я его совсем не знаю».

Тогда я сказал его величеству:

— Ваше величество, спросите вашу матушку, и я убежден в том, что если вы скажете вашей матушке, что вот я рекомендую Хилкова, то ваша матушка в особенности меня поддержит.

А между прочим, мне государь говорил, что именно его матушка почему-то не сочувствовала моему предложению назначить Ивашенкова; значит, государь уже советовался с императрицей-матерью, а поэтому мне тогда же пришлось в голову указать такое лицо, к которому, наверно, императрица отнесется крайне благосклонно.

Государь говорит: «Я спрошу мою матушку».

Я ушел к себе домой в министерство. Это было около половины первого, а уже в три часа ко мне приехал князь Хилков, который сказал мне, что его видел государь и неожиданно предложил ему сейчас же занять пост министра путей сообщения, что для него, Хилкова, это совершенно неожиданно, и что он говорил государю, что он боится занять этот пост, не зная, как я буду к этому относиться, потому что я, как министр финансов, могу иметь большое влияние на министерство путей сообщения и, кроме того, так как я ранее был мини-

стром путей сообщения, то пользовался большим авторитетом и по всем вопросам, касающимся железных дорог.

На это государь сказал Хилкову:

— Да мне Сергей Юльевич вас первый рекомендовал; поезжайте к нему и с ним уговоритесь.

Поэтому Хилков и приехал ко мне. Он был очень смущен, так как это являлось для него совершенной неожиданностью. Он спросил меня: «Может ли он рассчитывать, что я буду ему оказывать всякое содействие». Я успокоил его в этом отношении.

Хилков, конечно, принял пост министра путей сообщения. На этом посту он оставался до 17 октября 1905 г. Когда же я сделался председателем Совета министров то я просил его оставить это место, о чем я буду говорить впоследствии.

Теперь я хочу рассказать, почему я рекомендовал Хилкова.

В царствование императора Николая I мать Хилкова была очень близка к императрице Александре Федоровне.

Сам Хилков был гвардейским офицером Семеновского полка, у него было имение в Тверской губернии. В 60-х годах, когда явилось большое либеральное течение по освобождению крестьян, он роздал большую часть своих земель крестьянам и, будучи крайне либеральным воззрений, уехал в Америку почти без всяких средств.

В Америке он начал служить. Тогда только что стало сильно развиваться везде железнодорожное дело. Сначала Хилков поступил на железную дорогу простым рабочим, затем сделался помощником машиниста, потом занял место машиниста на американской дороге.

Когда у нас началось усиленное строительство железных дорог, Хилков переехал в Россию.

В то время я окончил курс в университете, и когда сам поступил на железную дорогу, то встретился в первый раз с Хилковым. Тогда я занимал место помощника начальника движения Одесской железной дороги, а он был начальником паровозного депо¹ в Конотопе на Курско-Киевской железной дороге.

Затем я часто встречал Хилкова, и когда Чихачев сделался директором Русского общества пароходства и торговли и Одесской железной дороги, а я был его помощником, то я рекомендовал Хилкова Чихачеву. Но Хилков тогда не перешел на Одесскую железную дорогу: сначала он хотел перейти, но потом отказался и переехал в Москву. В Москве он был начальником тракции на Московско-Рязанской железной дороге. Когда же у нас началась Восточная война, то Хилков переехал в Болгарию. Во время войны он там служил на военной железной дороге и даже, кажется, временно был в Болгарии минист-

¹ Хилков был старшим машинистом, т. е. начальником машинистов данного района. Депо — это известное отделение, в районе которого двигаются данные паровозы.

ром путей сообщения. После, когда начался Хивинский поход в Среднюю Азию, и Анненков начал строить Средне-Азиатскую железную дорогу, то Хилков пошел в помощники к генералу Анненкову. Все это время я встречался с Хилковым.

Когда же я сделался министром путей сообщения, то я предложил Хилкову место управляющего Орлово-Грязинской железной дороги, каковой пост он и занял.

Когда же я сделался министром финансов, а на мое место был назначен Кривошеин, то он сделал Хилкова старшим инспектором железных дорог.

С этого поста Хилков был прямо назначен министром путей сообщения.

Когда Хилков был начальником тракции Московско-Рязанской железной дороги, то председателем правления этой дороги был Дервиз.

Жена его, м-м Дервиз, вторым браком — г-жа Дукмасова. Это та самая г-жа Дукмасова, которая в прошлом году обвинялась в том, что она будто бы отравила своего мужа.

Дервиз, будучи председателем правления, получал большое содержание; во время войны им был устроен на свой счет санитарный поезд. Поезд этот приняла под свое покровительство цесаревна Мария Федоровна, будущая императрица Мария Федоровна. Хилков был главным уполномоченным на этом поезде. Поэтому цесаревна Мария Федоровна часто встречалась с Хилковым, всегда ездила с этим поездом или по крайней мере наблюдала за этим поездом, когда во время войны поезд этот перевозил раненых с Балканского полуострова в Петербург.

Хилков чрезвычайно понравился цесаревне, и, когда уже кончилась война, Хилков, бывая в Петербурге, с разрешения будущей императрицы Марии Федоровны являлся к ней. Потом, когда Мария Федоровна сделалась вдовствующей императрицей, Хилков также продолжал иногда приходить к ней. Вообще Мария Федоровна относилась к Хилкову с крайней симпатией.

И действительно, как личность Хилков был совершенно исключительным человеком: с одной стороны, он был человек высшего общества, а с другой стороны, он прошел такую удивительную карьеру. Поэтому совершенно естественно, что когда государь сказал императрице, что теперь Витте рекомендует Хилкова, то, насколько Мария Федоровна отрицательно отнеслась к моей первой рекомендации, настолько же она обеими руками ухватилась за мою вторую рекомендацию. Она так настаивала на моем выборе, что я сказал государю о Хилкове в 12 ¹/₂ часов, а в 3 часа Хилков, почти что назначенный министром путей сообщения, уже был у меня.

Относительно Хилкова я должен сказать, что он прекрасно знал железнодорожное дело, знал все, что касается паровозов и тракции, он был опытный железнодорожник, вообще был человек чрезвычайно воспитанный, человек высшего общества и по существу был хороший

человек, но он имел маленький недостаток: это — слабость к женщинам. Вследствие этой слабости в его карьере были черные точки.

Конечно, Хилков не был государственным человеком и всю свою жизнь он оставался скорее обер-машинистом, нежели министром путей сообщения.

Я, конечно, этого не знал, так как это совершенно ясно обнаружилось только тогда, когда он сделался министром путей сообщения, но все же я имел такое предчувствие, мне казалось, что Хилков не государственный человек, поэтому я и рекомендовал его уже, так сказать, в крайности, понимая, что как государственный человек он будет очень слаб, что и оказалось в действительности.

Через несколько месяцев после вступления императора Николая II на престол умер министр иностранных дел Гирс, и явился вопрос о назначении нового министра.

Временно управление министерством было поручено товарищу Гирса — Шишкину, очень почтенному и прекрасному человеку, но человеку более нежели недалекому и по наружности весьма не представительному. Он из себя представлял такую личность, что ни у кого не могло явиться сомнения в том, что он будет управлять министерством самое короткое время. И действительно, в самом непродолжительном времени, через несколько недель, министром иностранных дел был назначен князь Лобанов-Ростовский, наш посол в Вене. Это было одно из таких назначений, которое очень многих удивило; оно показало, что император Николай был совсем не в курсе дела, совсем не знал личного состава государственных деятелей, находящихся на различных высших местах гражданского и военного управления, в противном случае император, конечно, не назначил бы князя Лобанова-Ростовского, не потому, что Лобанов-Ростовский был хорошим или дурным министром, а только ввиду той оценки, которую ему дал император Александр III¹. В то время император Николай преклонялся перед памятью своего отца и старался буквально исполнять все

¹ У императора Александра III было такое свойство: он часто не стеснялся в своих выражениях и резолюциях. Так, на донесении князя Лобанова-Ростовского император написал в высшей степени резкую резолюцию о личности князя Лобанова-Ростовского; сущность резолюции заключалась в том, что он, мол, Лобанов-Ростовский — человек совершенно легкомысленный; это в сущности была правда, но император написал резолюцию в очень резкой форме. Когда впоследствии (о чем я буду говорить сейчас) князь Лобанов-Ростовский сделался при императоре Николае II министром иностранных дел, министерство иностранных дел совершенно не знало, как поступить с этой резолюцией императора Александра III. Я помню, что мне говорил граф Ламздорф, который был скромным сотрудником министерства иностранных дел, но вследствие своих личных качеств был всегда очень близок к министру иностранных дел Гирсу, что тогда явилось решение: или же уничтожить эту бумагу, чтобы она как-нибудь случайно не попала на глаза князю Лобанову-Ростовскому, или же ее как-нибудь так спрятать в архив, чтобы она не могла ни к кому попасть в ближайшее время. Как они решили, я этого не знаю.

его заветы, руководствоваться всеми его мнениями. И так как император Николай II не был посвящен во все дела, а потому в большинстве случаев не мог знать ни мнений своего покойного отца, ни его оценки различных лиц и различных обстоятельств, то единственным источником в этом отношении ему служила его матушка.

Князь Лобанов-Ростовский был человек видный, во всяком случае это была личность, хотя выбор его в министры иностранных дел, по моему мнению, был неудачен, так как едва ли он мог быть серьезным министром иностранных дел.

Еще в моей юности я слышал о Лобанове-Ростовском; когда я был еще совсем мальчиком, он был уже молодым человеком, послом в Константинополе. Я помню, что кто-то из моего семейства ездил в Константинополь и потом, возвратясь оттуда, рассказывал, что в Константинополе он был в церкви посольства и, присутствуя на церковном служении, был очень удивлен тем, что в церковь пришел наш посол, одетый чуть ли не в халат. Я помню, что я слышал об этом несколько раз, и каждый раз он рассказывал об этом с большим возмущением. Затем говорили, что вообще Лобанов-Ростовский в Константинополе крайне афишируется с различными дамами не совсем серьезного поведения.

Когда князь Лобанов-Ростовский сделался министром иностранных дел, мне пришлось с ним очень близко встречаться на деловой почве. Я буду иметь случай рассказывать впоследствии многие из эпизодов этих различных встреч, теперь же скажу только, что общее мое заключение о нем таково:

Лобанов-Ростовский был человек весьма образованный, очень светский; он отлично владел языками, очень хорошо владел пером, знал превосходно внешнюю сторону дипломатической жизни; был очень склонен к некоторым серьезным занятиям, так, например, к различным историческим исследованиям, которые в сущности касались различных родословных; на этом поприще он даже приобрел себе некоторый авторитет и составил несколько книг; он был очень остроумный собеседник.

Мне не случалось бывать с князем Лобановым-Ростовским в женском обществе, но я полагаю, что он имел большой успех у женщин, так как он был человек весьма остроумный и тонко воспитанный.

Но, с другой стороны, надо сказать, что Лобанов-Ростовский в течение всей своей жизни не занимался серьезным делом; он не имел привычки посвящать делу много времени. Вообще ум его был более блестящий, нежели серьезный.

Несмотря на его уже большие лета, — когда он сделался министром, ему было значительно за 60 лет, — он остался тем же, сохранив в себе основу своей натуры, т. е. крайнее легкомыслие. Подобное свойство натуры могло являться симпатичным в общественной жизни, но

не могло принести сколько бы то ни было благоприятных плодов в деятельности государственной.

Каким же образом князь Лобанов-Ростовский был назначен министром иностранных дел?

Его рекомендовал на это место великий князь Михаил Николаевич, председатель Государственного совета, который в первое время царствования императора Николая влиял на императора в некоторых отношениях, так как по летам он был старшим в царском роде, был человек очень почтенный, хотя весьма ограниченный.

На великого же князя Михаила Николаевича повлиял государственный секретарь Александр Александрович Половцев, который в силу своих обязанностей находился в постоянных отношениях к великому князю. А. А. Половцев был очень дружен с Лобановым-Ростовским; подружился он с ним во время своих многократных и продолжительных поездок за границу.

У князя Лобанова-Ростовского и у А. А. Половцева были в некотором отношении одинаковые характеры; так, оба они были люди культурные, образованные, светские; оба имели наклонность к различным историческим исследованиям и до известной степени стремились привязать свои имена к фаланге русских историографов; оба были жуиры и любили пользоваться жизнью. Александр Александрович Половцев, как человек богатый, ездя за границу, мог пускать пыль в глаза благодаря своему состоянию, а князь Лобанов-Ростовский — благодаря своему положению, как чрезвычайный посол русского императора.

Разница между ними главным образом была та, что князь Лобанов-Ростовский был гораздо более барином, нежели А. А. Половцев, который по натуре своей был очень похож на барина. А. А. Половцев дорожил заграничного дружбою Лобанова-Ростовского, как чрезвычайного посла и русского князя, человека в высокой степени великосветского, а Лобанов-Ростовский до известной степени дорожил дружбою А. А. Половцева, как человека чрезвычайно богатого.

Вот А. А. Половцев и убедил великого князя Михаила Николаевича, что наиболее подходящим лицом для назначения на пост министра иностранных дел является князь Лобанов-Ростовский.

Собственно по дипломатической карьере действительно Лобанов-Ростовский был один из самых старых наших послов и с внешней стороны он был человек блестящий.

Итак, Михаил Николаевич рекомендовал Лобанова-Ростовского императору, а государь, совсем не зная его и не зная, как к нему относился император Александр III, назначил Лобанова-Ростовского, причем Лобанов-Ростовский не был сразу назначен министром иностранных дел, что его очень обидело. Когда Лобанов-Ростовский приехал в Петербург, где я видел его первый раз, то он мне даже высказал это; он сказал, что удивляется, как это его, с его положением, — он

был действительный тайный советник и долгое время был послом, — назначили управляющим министерством, а не министром. Но в самое короткое время, через несколько недель, был издан указ о назначении Лобанова-Ростовского не управляющим, а министром, что опять-таки было сделано при посредстве А. А. Половцева.

Как я уже говорил, князь Лобанов-Ростовский всю карьеру свою делал на дипломатическом поприще, но одно время он служил в министерстве внутренних дел и даже короткое время был товарищем министра внутренних дел, не помню, при ком: при Валуге или при Тимашеве.

По поводу этого мне вспомнилось следующее: как-то раз, будучи еще молодым человеком (я тогда служил на Одесской железной дороге), я приехал в Петербург и был у моего дяди генерала Фадеева, который жил в гостинице «Франция» на Малой Морской улице. У моего дяди вечером собрались его приятели, были: Черняев, граф Воронцов-Дашков (будущий министр двора и теперешний наместник на Кавказе), князь Лобанов-Ростовский, брат будущего министра иностранных дел. Этот Лобанов-Ростовский постоянно жил за границей и, весьма редко приезжая в Россию, оставался здесь очень непродолжительное время.

Вот этого-то Лобанова-Ростовского кто-то при мне спросил, долго ли он останется в России. Он ответил, что недолго, что он как можно скорее хочет уехать за границу. Тогда ему сказали: «Что ж это вы так спешите уехать за границу? Прежде, когда вы приезжали, вы оставались довольно долго в России». Лобанов-Ростовский на это говорит:

— Как же я могу остаться в России, когда она дошла до такого положения, что даже мой брат может быть товарищем министра внутренних дел?

Князь Лобанов-Ростовский, конечно, понравился государю и государыне; да он и не мог не понравиться, потому что он был человек весьма приличный, образованный, в светском смысле, в высшей степени тонко, так что и юмор его был в высшей степени тонкий.

2 апреля 1895 г. товарищем министра внутренних дел по рекомендации Победоносцева был назначен Горемыкин, который до этого назначения занимал пост товарища министра юстиции.

Горемыкин был назначен товарищем министра внутренних дел не по выбору Ивана Николаевича Дурново, так как Иван Николаевич представил других кандидатов и, между прочим, князя Кантакузена, графа Сперанского. Но в то время государь уже начал относиться недоверчиво к министру внутренних дел Дурново. Что послужило причиной этому, я в точности не знаю, но Иван Николаевич Дурново говорил мне тогда, что он приписывает некоторое недоверие государя-императора влиянию его августейшей матуш-

ки, что августейшая матушка недовольна им, потому что будто бы им, Дурново, перлюстрируются письма, ею получаемые, в чем она и уверяет императора.

Иван Николаевич Дурново говорил мне, что он перлюстрацией писем не занимается, хотя утверждение это было неверно как в отношении его, так и в отношении всех последующих министров внутренних дел. Недавно погибший министр внутренних дел Столыпин точно так же негодовал, возмущался делаемыми предположениями, что в министерстве внутренних дел им перлюстрируются частные письма. Между тем я знаю совершенно достоверно, что письма эти перлюстрировались и что Столыпин посвящал очень много времени чтению чужих писем. Это приносило вред и мне, ибо когда я был председателем Совета министров, то и мне одно время давали все эти письма, и я знаю по себе, как эти письма влияют на нервы и возбуждают различные чувства.

После отставки И. Н. Дурново император Николай II не назначил министром внутренних дел Сипягина, как это было в мыслях его отца императора Александра III, а назначил Горемыкина. Это случилось следующим образом.

Когда уходил Иван Николаевич Дурново, то явился вопрос, кого назначить вместо него, и государь-император как-то раз, когда я пришел к нему, спросил об этом мое мнение:

— Как вы думаете, кого бы вы мне посоветовали назначить министром внутренних дел?

Тогда я в свою очередь спросил у государя, кого он имеет в виду, потому что мне самому не хотелось бы указывать лиц, а я бы мог дать только характеристику того или другого лица, которое будет указано государем.

Государь мне на это ответил, что ему рекомендуют двух лиц: Плеве и Сипягина. Кто ему их рекомендует, государь не говорил, но я, конечно, догадался.

Что касается Плеве, то его рекомендовал государю Николаю II И. Н. Дурново так же, как он его рекомендовал императору Александру III; а что касается Сипягина, то относительно его, вероятно, императору Николаю II было известно, что это был кандидат в министры его отца.

Относительно Плеве и Сипягина я сказал государю следующее: что и Плеве и Сипягина я обоих хорошо знаю. Плеве делал свою карьеру как юрист, он дослужился до прокурора судебной палаты; затем при Лорис-Меликове из прокурора судебной палаты он был назначен директором департамента полиции; из директора департамента полиции он был назначен товарищем министра внутренних дел и, наконец, государственным секретарем. Я сказал, что человек он, несомненно, очень умный, очень опытный, хороший юрист, вообще человек очень деловой, в состоянии много работать и очень

способный, но насколько на него можно положиться в том смысле, каковы его убеждения, есть ли это в данный момент его убеждения, искренни ли они, глубоки ли, а не просто ли карьерные, об этом всегда судить очень трудно.

Когда Плеве был прокурором судебной палаты, он был довольно либеральных идей, вследствие этого граф Лорис-Меликов, когда он был начальником верховного управления, а потом министром внутренних дел (его тогда называли диктатором сердца императора Александра II), взял Плеве директором департамента полиции. В то время Плеве поклонялся политике Лорис-Меликова, сочувствовал его более или менее конституционным идеям.

Затем Лорис-Меликова сменил граф Игнатьев. Плеве был правой рукой графа Игнатьева и поклонялся графу Игнатьеву, хотя, как известно, мнения графа Игнатьева совершенно не сходились с мнениями Лорис-Меликова.

Лорис-Меликов был конституционалистом в западном смысле, а граф Игнатьев был практический славянофил, видевший спасение в Земском совещательном собрании.

Затем граф Игнатьев был сменил министром внутренних дел Толстым. Толстой в качестве министра внутренних дел явился представителем в полном смысле слова самодержавной бюрократии, и Плеве стал самым большим поклонником и сторонником его системы, проводил его мысли и чуть ли не клялся над его, Толстого, формулой, как на тексте Евангелия.

Затем я сказал его величеству:

— А каковы в действительности мнения и убеждения Плеве, об этом, я думаю, никто не знает, да полагаю, что и сам Плеве этого не знает. Он будет держаться тех мнений, которые он считает в данный момент для него лично выгодными и выгодными для того времени, когда он находится у власти.

Я не сказал государю, что Плеве ренегат из-за карьеры, а я думаю, что не может быть честного человека, меняющего свою религию из житейских выгод. Я также не сказал государю, что Плеве по натуре хам и сделался ярким адвокатом всех дворянских эгоистических тенденций не по убеждениям и не по традициям (его отец еще не был дворянином, а чуть ли не органистом у какого-то польского помещика), а потому, что посредством дворянской клики у престола он делал и сделал свою карьеру. Как ренегат и не русский, он, конечно, дабы показать, какой он «истинно русский и православный», готов был на всякие стеснительные меры по отношению ко всем подданным его величества неправославным. Вот почему Победоносцев его презирал, так как сам Победоносцев это делал по убеждению. Все люди грешны и забавляются «благородным занятием», как выражаются итальянцы, но мало уважают тех особ, с которыми они забавляются.

Что же касается Сипягина, то я сказал, что Сипягин гораздо менее образован, гораздо менее способный, нежели Плеве. Хотя он кончил курс в университете на юридическом факультете, но имеет довольно слабые юридические знания и даже довольно слабые вообще научные знания. Будучи предводителем дворянства, а затем вице-губернатором и губернатором, он довольно хорошо знает административную губернскую часть. Вообще, это человек с здравым смыслом, но что касается знаний, таланта, опыта, то он гораздо ниже Плеве. Но зато Сипягин — это человек убеждений; убеждения его очень узкие, чисто дворянские, он придерживается принципа самодержавия, патриархального управления государством на местах; это его убеждения и убеждения твердые. Вообще Сипягин своих убеждений не меняет; человек он прекрасной души, по натуре весьма гуманный, твердый и представляет собою в истинном смысле слова образец русского благородного дворянина.

Сделав характеристику этих обоих лиц, я расстался с его величеством и через некоторое время уехал в Виши¹.

Когда месяца через полтора-два я вернулся обратно из Виши, министр внутренних дел еще не был назначен, а Иван Николаевич Дурново, бывший министр внутренних дел, был назначен председателем Комитета министров.

Вступив в управление министерством финансов, я сразу почувствовал крайнее неудобство ввиду отсутствия министра внутренних дел. Замещал министра внутренних дел временно его товарищ Горемыкин, который ничего на себя брать не хотел, потому что каждый день мог быть назначен другой министр внутренних дел, вследствие чего Горемыкин вел одни текущие дела.

При первом же моем докладе государю-императору я спросил, кого же его величество полагает назначить, причем указал на то, что я застал целый ряд бумаг и дел, не решенных и не двигающихся вследствие отсутствия министра внутренних дел.

На это мне император Николай II сказал:

— Я после нашего разговора, который я имел с вами о Плеве и Сипягине, спросил еще и мнение К. П. Победоносцева. Он, — говорит, — сказал мне свое мнение, но я так и не решился кого-либо назначить, все ожидал вашего приезда.

Тогда я спросил государя:

— Какое же мнение Константина Петровича, если ваше величество соизволите мне это сказать?

— Да он очень просто мне сказал; когда я указал на этих кандидатов, то Константин Петрович сказал, что Плеве — подлец, а Сипягин — дурак.

¹ Я имел неосторожность передать мой разговор с его величеством И. Н. Дурново, который, конечно, его передал Плеве, как я узнал впоследствии.

Поэтому государь и считал, что как того, так и другого назначить нельзя.

Тогда я спросил государя:

— Что же, ваше величество, сам он кого-нибудь рекомендовал?

Государь улыбнулся и говорит:

— Да, он мне рекомендовал ... между прочим, он и о вас говорил.

Очевидно, государь не хотел передать то, что он сказал обо мне, но я сразу догадался и говорю:

— Ваше величество, хотя я не знаю, что говорил Победоносцев, но почти уверен, что могу догадаться, что он про меня сказал.

Государь спросил:

— А как вы думаете, что?

— Да, наверно, — говорю, — он сказал так: когда вы его спросили, кто же может быть министром внутренних дел, он ответил вашему величеству: есть один только человек, который может быть министром, это вот Витте, да и тот... и тут он сказал какое-нибудь слово, какое-нибудь бранное слово, что-нибудь вроде известной фразы Собакевича в «Мертвых душах»: «один там только и есть порядочный человек — прокурор, да и тот, если сказать правду, свинья». — Государь рассмеялся.

— Я, — говорит, — ему сказал, что если бы даже я решил вас назначить, то это мне не облегчило бы моей задачи, потому что мне пришлось бы искать заместителя вам.

Затем государь сказал мне, что, когда он спросил Победоносцева, кого же в конце концов он рекомендует назначить, Победоносцев ответил, что, по его мнению, надо назначить того, кто и теперь уже состоит товарищем министра внутренних дел, т. е. Горемыкина.

— А что вы думаете по поводу назначения Горемыкина? — спросил меня государь.

Я ответил государю, что Горемыкина я сравнительно очень мало знаю, ничего о нем определенного сказать не могу, но что вообще Горемыкин производит на меня впечатление человека порядочного, причем добавил, что, по всей вероятности, Константин Петрович, между прочим, рекомендует Горемыкина потому, что Горемыкин правовед и Константин Петрович тоже правовед, а известно, что правоведы, так же как и лицеисты, держатся друг за друга, все равно как евреи в своем кагале.

— И если, — сказал я, — у вашего величества никого больше не имеется в виду, то, может быть, вы решитесь назначить Горемыкина?

Государь ответил:

— Да, я назначу Горемыкина.

Когда я уходил от государя из его кабинета, туда вошел Танеев, и,

когда я с ним ехал обратно из Царского в Петербург, Танеев мне сказал:

— Как я рад, что вы, наконец, вернулись из-за границы. Государь все время не решался, кого назначить министром внутренних дел, а вот сегодня приказал представить мне ему указ о назначении на этот пост Горемыкина.

С вокзала я прямо поехал в министерство внутренних дел к Горемыкину и сказал ему, что мне известно, что его величеству угодно было решить назначить его министром внутренних дел. Горемыкин этой вестью был очень доволен и начал говорить со мною о следующем.

Со времени соединения министерства внутренних дел с 3-м отделением министр внутренних дел сделался по своей должности и шефом жандармов, и таким образом министры внутренних дел, кроме полагающегося им довольствия: содержания, казенной квартиры, отопления и проч., стали получать и по смете жандармского управления 50 тыс. руб. в год на особые расходы. Под этими особыми расходами подразумевались расходы негласные, которые министр внутренних дел, как начальник полиции, иногда должен был производить и о которых трудно было кому-либо давать отчеты, кроме, конечно, отчета государю-императору.

Но постепенно эти 50 000 руб. министры внутренних дел просто начали тратить на свои личные нужды, а также на представительство, что, конечно, было некорректно.

Так вот Горемыкин ни с того, ни с сего сказал мне, что он рад получить самостоятельное место, рад, что состоялось определенное назначение и что он теперь уже не временно управляющий министерством, не калиф на час. Первое, что он теперь делает, это распорядится, чтобы те 50 000 руб., которые получали министры внутренних дел, чтобы их ему не давали, а чтобы их сам департамент полиции тратил на секретные нужды.

Но это благое пожелание так и осталось «благим пожеланием». В конце концов Горемыкин продолжал получать эти 50 000 руб. и тратить их на свои нужды, что делали все его преемники. Разница между ними и покойным председателем Совета министров, и министром внутренних дел Столыпиным состояла лишь в том, что они брали только эти 50 000, а когда министром внутренних дел сделался Столыпин, то уже дело не ограничивалось 50 000, а, насколько мне известно, со слов министра финансов и нынешнего председателя Совета министров, Столыпин и его ближайший помощник по делам полиции Курлов тратили на свои нужды, или на свое представительство, уже не 50 000, а сотни тысяч. Это было одним из последствий так называемого конституционного порядка, который водворял П. А. Столыпин.

Горемыкин до назначения министром внутренних дел был до-

вольно либерального направления, но, как только он сделался министром внутренних дел, под влиянием свыше, боясь себя скомпрометировать, начал вести довольно реакционную политику¹.

В марте 1896 г. был назначен дворцовым комендантом генерал Гессе.

Когда император Александр III вступил на престол, то при нем весьма недолгое время начальником дворцовой охраны был его личный друг граф Воронцов-Дашков (нынешний кавказский наместник), который затем в скором времени был сделан министром двора и оставался министром двора в течение всего царствования императора Александра III.

Начальником конвоя в это время был генерал-адъютант Черевин.

Как граф Воронцов-Дашков, так и генерал-адъютант Черевин были люди с известным «я».

Молодой император, так сказать, вырос на их глазах, так как оба они были близки к императору Александру III не только, когда он сделался императором, но и еще тогда, когда он был наследником-цесаревичем.

Поэтому Черевин несколько стеснял императора Николая II, а в особенности Черевин не мог нравиться молодой императрице, особе весьма чистой и воспитанной на немецко-английский манер, своею некоторою распушенностью и резкостью выражений. Происходило это оттого, что Черевин имел один недостаток: он весьма часто, можно сказать, почти ежедневно, был не в вполне нормальном состоянии. Совершенно естественно, что все эти аллюры Черевина не могли, конечно, нравиться императрице.

Вследствие этого Черевин со времени вступления на престол императора Николая II хотя и оставался начальником охраны и лицом по положению близким к императору Николаю, но никакой интимности между ним и новою императорскою четою уже не было. Чере-

¹ Вариант: «Горемыкин в течение своего управления министерством бездействовал и не знал, куда ему идти, направо или налево. Он взял себе в товарищи князя Алексея Дмитриевича Оболенского, человека очень крайне неглупого, хорошо образованного, убедительно говорящего, честного, но крайне легкомысленного и впечатлительного.

Он и мне принес много бед своею неуравновешенностью. Когда он говорит, он говорит по убеждению и убедительно, но убеждения его меняются так же часто, как чистоплотные люди меняют белье. Затем у него крайне беспокойный характер, всегда он всюду во все партии суется, чтобы знать, что делается, и давать «советы». Он пользовался большим почетом у молодых дам высшего общества, его так и звали «дамский оракул». Хотя, повторяю, он в сущности хороший, честный человек, но опасный советчик. Оболенский тащил Горемыкина налево, а другие его сотрудники — направо. Конечно, Горемыкин никому не угодил, а председатель Комитета министров, Дурново, который жил головою Плеве (тогда уже государственного секретаря, добивавшегося стать министром внутренних дел), конечно, страшно интриговал против Горемыкина.

вин не видел ежедневно, как это было прежде, императора и императрицу; прежде он постоянно был приглашаем к интимному столу: обеду, завтраку. Это все теперь переменялось. Вообще что касается личной жизни, то Черевин был очень отдален от двора.

Когда государь переехал в Зимний дворец, а он поселился в Зимнем дворце после медовых месяцев, которые государь провел со своею молодой женой в Царском, то Черевин даже не получил помещения ни в Зимнем, ни в Аничковом дворцах, а жил на частной квартире.

Только отношения вдовствующей императрицы к Черевину не переменялись, она осталась в высокой степени к нему расположенной и весьма любила и уважала Черевина.

Приближенным Черевина был генерал Гессе.

Генерал Гессе раньше служил в Преображенском полку, потом состоял при Черевине еще в чине полковника (Гессе при императоре Александре III я помню тоже в чине полковника).

Молодой император знал Гессе, так как он сам служил одно время в Преображенском полку и командовал батальоном; затем, когда император Николай II был еще цесаревичем, Гессе учил его ружейным приемам. Наконец, Гессе был приближенным Черевина, а потому знал все, что касается дворцовой охраны.

Естественно поэтому, что после смерти Черевина вместо него был назначен Гессе.

Черевин умер от воспаления легких. Для него воспаление легких было смертельной болезнью, потому что у лиц, подобно Черевину пропитанных алкоголем, воспаление легких обыкновенно кончается смертью.

Гессе был человек недурной, довольно корректный, но во всех отношениях самый обыкновенный человек, и потому его нельзя сравнить с Черевиним, так как Черевин был человек замечательно здравого ума и крайне забавный; он представлял собою типичную личность.

Гессе сделал военную карьеру, между прочим, и потому, что он был женат на дочери Козлянинова, бывшего командующего войсками в Киеве, сестра же его жены была фрейлиной при Елизавете Федоровне. Таким образом, на карьеру Гессе имела влияние именно его женитьба на дочери генерал-адъютанта, бывшего командующего войсками Киевского военного округа Козлянинова, который в свое время имел очень большое значение в военном мире.

Сами Гессе еврейского происхождения, в них есть значительная доля еврейской крови. В наружности генерала Гессе это не было заметно, но в наружности его брата, который был в Киеве губернатором (также вследствие влияния Козлянинова), еврейский тип резко

проглядывал, что не мешало как киевскому губернатору Гессе, так и генералу Гессе быть людьми весьма порядочными.

Супруга генерала Гессе также была дама весьма порядочная, но очень «себе на уме». В сущности она имела громадное влияние на мужа и вообще на устройство домашних и мелких дворцовых дел, на устройство своего личного положения, хотя она и была происхождения чисто русского и крови чисто русской.

Многие думают, что если кто-нибудь имеет предками евреев, то непременно имеет и недостатки этой нации, но это не вполне верно. Так, например, в Гессе его еврейское происхождение ничем не обнаружилось, тогда как в его жене, которая была чисто русская, недостатки, которыми страдают многие евреи, были весьма заметны.

Характерно, что когда вместо Черевина был назначен Гессе, то в высочайшем указе было сказано, что государь ни в какой охране не нуждается, поэтому и начальник дворцовой охраны совсем не нужен, вследствие чего он, Гессе, назначается дворцовым комендантом.

Вот каковы были мысли, если не по существу, то в смысле постановки дела перед обществом, в 1896 г.; если подумаешь о настоящем положении дела, о том значении охраны, о том, как она была выдвинута покойным Столыпиным со всеми этими историями Азефов, Дубровиных, подонков с Сенной площади, Союза русского народа; вспомнишь о Багрове, Казанцеве и о всевозможных политических охранниках под различными наименованиями и видами, то можно сказать, что те предвидения, которые в то время были гласно высказаны относительно необходимости упразднения дворцовой охраны и замены ее дворцовым комендантом, не вполне оправдались.

ТОМ 3

(17 ОКТЯБРЯ 1905–1911)

ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ II

ГЛАВА 52

МАНИФЕСТ 17 ОКТЯБРЯ

17 октября последовал манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». Манифест этот, который, какова бы ни была его участь, составит эру в истории России, провозгласил следующее: «Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великою и тяжелою скорбью преисполняют сердце наше. Благо российского государя неразрывно с благом народным и печаль народная его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное, и угроза целости и единству державы всероссийской. Великий обет царского служения повелевает нам всеми силами разума и власти нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев надлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, мы, для успешнейшего выполнения общих предназначаемых нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.

На обязанность правительства возлагаем мы выполнение неуклонной нашей воли: 1) Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов. 2) Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку (т. е., согласно закону 6 августа 1905 г., Дума и Государственный совет). 3) Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед родиной, помочь прекращению неслыханной смуты и вместе с нами наперечь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле».

Одновременно с этим манифестом был опубликован доклад мой как председателя Комитета министров, которому, т. е. мне, государь-император несколько дней ранее повелел принять меры к объединению деятельности министров впредь до утверждения законопроекта о Совете министров. Законопроект этот под заглавием «О мерах к укреплению единства деятельности министров и главных управлений» был опубликован лишь 19 октября, и в тот же день я был назначен председателем вновь созданного Совета министров. Законом этим в сущности создавался кабинет министров, председателем коего является премьер-министр с правом влияния на всех министров, за исключением министров военного, морского и, в некоторой степени, министра внутренних дел.

Доклад этот с высочайшею надписью «принять к руководству», последовавшей того же 17 октября, заключался в следующем:

«Волнение, охватившее разнообразные слои русского общества, не может быть рассматриваемо как следствие частичных несовершенств государственного и социального устройства, или только как результат организованных крайних партий.

Корни того волнения залегают глубже. Они в нарушенном равновесии между идейными стремлениями русского мыслящего общества и внешними формами его жизни. Россия переросла форму существующего строя и стремится к строю правовому на основе гражданской свободы.

В уровень с одушевляющей благоразумное большинство общества идеей и следует поставить внешние формы русской жизни.

Первую задачу для правительства должно составлять стремление к осуществлению теперь же, впредь до законодательной санкции через Государственную думу, основных: элементов правового строя: свободы печати, совести, собраний, союзов и личной неприкосновенности. Укрепление этих важнейших основ политической жизни общества должно последовать путем нормально й законодательной работы, наравне с вопросами, касающимися уравнения перед законом всех русских подданных независимо от вероисповедания и национальности. Само собой разумеется, предоставление населению прав гражданской свободы должно сопровождаться законным ее ограничением для твердого ограждения прав третьих лиц, спокойствия и безопасности государства.

Следующей задачей для правительства является установление таких учреждений и законодательных норм, которые соответствовали бы выяснившейся политической идее большинства русского общества и давали бы положительную гарантию в неотъемлемости дарованных благ гражданской свободы.

Задача эта сводится к устройению правового порядка.

Соответственно целям водворения в государстве спокойствия и безопасности экономическая политика правительства должна быть

направлена ко благу народных широких масс, разумеется, с ограждением имущественных и гражданских прав, признаваемых во всех культурных странах.

Намечаемые здесь основания правительственной деятельности для полного осуществления своего потребуют значительной законодательной работы и последовательного административного устройства.

Между постановкой принципа и претворением его в законодательные нормы, а в особенности проведением этих норм в нравы общества и приемы правительственных агентов, не может не пройти некоторое время.

Начала правового порядка воплощаются лишь поскольку население получает к ним привычку — гражданский навык. Сразу подготовить страну со 135-миллионным разнородным населением и обширнейшей администрацией, воспитанными на иных началах, к восприятию и усвоению норм правового порядка, не под силу никакому правительству. Вот почему правительству далеко недостаточно выступить с одним только лозунгом гражданской свободы. Чтобы водворить в стране порядок, нужны труд и неослабевающая последовательность. Для осуществления этого необходимыми условиями являются однородность состава правительства и единство преследуемых им целей. Но и министерство, составленное по возможности из лиц одинаковых политических убеждений, должно будет приложить немалые старания, дабы одушевляющая его работу идея сделалась идеей всех агентов власти, от высших до низших.

Заботою правительства должно являться практическое водворение в жизнь главных стимулов гражданской свободы. Положение дела требует от власти приемов, свидетельствующих об искренности и прямоте ее намерений. С этой целью правительство должно себе поставить непоколебимым принципом полное невмешательство в выборы в Государственную думу и искреннее стремление к осуществлению мер, предпринятых указом 12 декабря.

В отношении к будущей Государственной думе заботою правительства должно быть поддержание ее престижа, доверие к ее работам и обеспечение подобающего сему учреждению значения.

Правительство не должно являться элементом противодействия решениям Думы, поскольку решения эти не будут коренным образом расходиться с величием России, достигнутым тысячелетней ее историей. Правительство должно следовать мысли, высказанной в высочайшем манифесте об образовании Государственной думы, что положение о Думе подлежит дальнейшему развитию в зависимости от выяснившихся несовершенств и запросов времени.

Правительству надлежит выяснить и установить эти запросы, формулировать гарантию гражданского правопорядка, руководствуясь, конечно, господствующей в большинстве общества идеей, а не отголосками хотя бы и резко выраженных требований отдельных кружков,

удовлетворение коих невозможно уже потому, что они постоянно меняются. Но удовлетворение желаний широких слоев общества путем той или иной формулировки гражданского правопорядка необходимо.

Весьма важно преобразовать Государственный совет на началах видного участия в нем выборных элементов, ибо только при этом условии возможно установить нормальные отношения между этим учреждением и Государственной думой.

Не перечисляя дальнейших мероприятий, которые должны находиться в зависимости от обстоятельств, я полагаю, что деятельность власти во всех ступенях должна быть охвачена следующими руководящими принципами.

1) Прямота и искренность в утверждении на всех поприщах даруемых населению благ гражданской свободы и установление гарантий сей свободы.

2) Стремление к устранению исключительных законоположений.

3) Согласование действий всех органов правительства.

4) Устранение репрессивных мер против действий, явно не угрожающих обществу и государству, и

5) Противодействие действиям, явно угрожающим обществу и государству, опираясь на закон и в духовном единении с благоразумным большинством общества.

Само собой разумеется, осуществление поставленных выше задач возможно лишь при широком и деятельном содействии общества и при соответствующем спокойствии, которое бы позволило направить силы к плодотворной работе.

Следует верить в политический такт русского общества, так как немислимо, чтобы русское общество желало анархии, угрожающей, помимо всех ужасов борьбы, расчленением государства».

Оба вышеизложенных акта появились одновременно и были опубликованы рядом. Удивительно, что ни тогда, ни до настоящего времени не возник вопрос, почему именно явились два акта, которые в конечных своих тенденциях однородны, которые проникнуты одним и тем же духом, но которые практически и по объему содержания далеко не одинаковы и мало между собой согласованы. Почему не появился один акт, который содержал бы те же идеи, но совершенно согласованные. Ответом на этот вопрос послужит нижеприведенная записка под заглавием «Справка об манифесте 17 октября 1905 г.» История этой справки такова:

Когда я был вынужден в апреле 1906 г. оставить пост председателя Совета министров и затем в июле уехать за границу, то до меня доходили слухи, что в дворцовых сферах говорят, что я вырвал у его величества манифест 17 октября, что я вынудил его дать этот акт. Эти слухи находились в соответствии с очевидным паролем, данным черносотенной прессе («Русское знамя» Дубровина, «Московские ведомости» Грингмута и пр.) ежедневно уверять, что я изменник, масон, подкуп-

лен жидами и проч. Известно, что пресса эта питается главным образом из дворцовых сфер и между прочим из благ императрицы Александры Федоровны. В сущности говоря, из казны, так как первоначальный источник всех почти этих средств — казна, т. е. достояние преимущественно малосостоятельных классов. Затем мне сделалось известным, что и императрица Александра Федоровна считает возможным высказать, что манифест 17 октября я вырвал у ее августейшего супруга и что августейший супруг сам этого не изволит высказывать, но своим молчанием это в известной степени подтверждает, а так как государь одновременно во всех проявлениях начал ко мне относиться так, как будто я совершил в отношении государя какой-либо некорректный поступок, то этим самым его величество еще в большей степени как бы подтверждал болтовню своей свиты и неосторожные фразы императрицы. Я употребляю слово «неосторожные», не считая возможным для себя употреблять более правильное определение. Люди, которые не понимают, что распространение, причем заведомое, слухов, что не о г р а н и ч е н н ы й с а м о д е р ж е ц подписывает самой величайшей важности акты, потому что у него их вырывают, начинают ужасные и позорные войны, потому что его уверяют, что мы «разнесем макак», самолично ребячески распоряжается военными действиями, потому что его уверяют, что он превосходный военный и моряк, — очевидно, хотя и желая оградить монарха, наносят самый ужасный удар его неограниченной самодержавности. Люди эти очень неумные и притом подлые, хотя и титулованы. Изложенные обстоятельства вынудили меня в начале января 1907 г. составить краткую «Справку о манифесте 17 октября 1905 г.». Справку эту я предварительно дал прочесть управляющему во время моего премьерства делами Совета министров, ныне сенатору, Вуичу, который был в курсе событий, и просил сказать, нет ли какой-нибудь неточности, хотя она была составлена в согласовании с краткими воспоминаниями Вуича по поводу этих событий, находящимися в моем архиве. Вуич подтвердил точность этой справки. Затем я послал ее к военному министру Редигеру, единственному из нынешних министров, бывшему министром и в моем кабинете. Он сделал одно редакционное изменение, которое мною и было принято (его письмо по этому предмету находится также в моем архиве). Затем эту справку я послал 30 января 1907 г. при письме министру двора барону В. Б. Фредериксу, как лицу, посвященному во многие перипетии того времени, на случай, если ему угодно будет указать мне какие-либо неточности, которые невольно могли вкратце в эту справку, объясняя, что я не счел со своей стороны уместным представить эту справку государю-императору т о л ь к о потому, что не находил возможным беспокоить его величество. В заключение в письме говорится: «Не откажите вернуть мне прилагаемую справку с вашими замечаниями».

Через несколько дней после отсылки этого письма я виделся с директором канцелярии министра двора генералом Мосоловым, который мне сказал, что присланная мною справка найдена совершенно правильной и что он готовит в этом смысле ответ. Затем прошло еще несколько дней, и генерал Мосолов мне передал, что он вручил проект ответного письма министру двора и посоветовал ранее, чем ответить, показать справку его величеству, и что министр так и поступит. Прошло более двух недель, и справка, не возвращалась от государя. Управляющий кабинетом его величества генерал князь Оболенский мне сказал, что его величество, продержав эту справку две недели, возвратил ее министру и сказал, что справка составлена верно. Тем не менее министр продолжал молчать и только 25 марта при свидании со мною на мой вопрос о том, когда он ответит мне по поводу справки, сказал, что присланную справку «находит составленной совершенно правильно», что в ней пропущено лишь то, что будто бы, когда он был у меня 16 октября вечером, то он между прочим сказал, что Трепов находит, что лучше сделать какое-то изменение в манифесте. Я этого не помню. Князь Оболенский, который все время присутствовал при нашем разговоре, также этого не помнит, но это и не имеет никакого значения. Затем барон Фредерик уклонился дать письменный ответ¹.

Справка эта такова.

СПРАВКА О МАНИФЕСТЕ 17 ОКТЯБРЯ 1905 г.

«В видах вспыхнувшей в сентябре и начале октября 1905 г., после продолжавшегося уже несколько лет сильного брожения и политических убийств, резкой смуты во всех частях России, в особенности в Петербурге и некоторых больших городах, 6 октября 1905 г. предсе-

¹ Вариант: Вынужден я был составить эту справку по следующему поводу.

По понятным причинам я не считал корректным кому бы то ни было рассказывать, как произошло 17 октября. Так прошло более года, но дворцовая камарилья в это время усиленно распространяла, что я вырвал у государя 17-е октября. Делали они это для того, чтобы натравлять против меня хулиганов «Союза русского народа». Они и достигли своей цели, так как в сущности «Союз русского народа» вместе с агентами правительства вложил ко мне в дом адские машины и от них шли приготовленные мне Казанцевым бомбы.

В эти разы, как и во многих других случаях, когда я подвергался страшной опасности, Бог меня спас. Наконец, до меня начали доходить слухи, что императрица Александра Федоровна также изволит высказываться, что я вырвал манифест 17 октября. Вследствие сего я составил записку, которую министр двора передал государю. Государь держал ее у себя дней 15 и затем сказал барону Фредериксу: «Записка составлена графом Витте правильно, но не пишите ничего ему об этом, а скажите ему на словах, что факты, изложенные в записке, изложены верно».

В тот же день, когда ему это сказал государь, барон Фредерикс передал это князю Н. Д. Оболенскому, а последний мне. Как это вам нравится в устах самодержавного императора?.. Подымаешь, и это сын благороднейшего и правдивейшего венецианца Александра III...

датель Комитета министров граф Витте всеподданнейше испрашивал, не угодно ли будет его величеству принять его и выслушать соображения о современном крайне тревожном положении. Это он сделал по настоятельной просьбе председателя Государственного совета графа Сольского.

8 октября его величество соизволил написать графу Витте, что он сам имел в виду его вызвать, чтобы переговорить о настоящем положении вещей, и повелел прибыть на другой день, 9 октября, к 6 часам вечера.

9 октября председатель Комитета имел счастье явиться к его величеству и представить наскоро составленную всеподданнейшую записку, в которой он излагал свой взгляд на положение дела. Вместе с тем он всеподданнейше доложил его величеству, что, по его мнению, может быть два выхода: или стать на путь, указываемый в записке, в то время словесно им доложенной, или облечь соответствующее лицо (диктатора) полновластием, дабы с непоколебимой энергией путем силы подавить смуту во всех ее проявлениях. Для этой задачи нужно выбрать человека решительного и военного. Первый путь представлялся бы более соответственным, но очень может быть, что такое мнение ошибочно, а потому было бы желательно обсудить этот вопрос в совещании с другими государственными деятелями и с лицами царской семьи, коих дело это существенно может коснуться. Его величество, милостиво выслушав графа Витте, не соизволил высказать своего высочайшего мнения.

По возвращении из Петергофа граф Витте пересмотрел совместно с временно управляющим в то время делами Комитета министров Н. И. Вуичем переданную им его величеству наскоро составленную записку, сделал в ней некоторые исправления и добавил в конце, что, может быть, есть другой исход — идти против течения, но в таком случае это надо сделать решительно и систематически, что он сомневается в успехе такого исхода, но, может быть, он ошибается; во всяком случае за выполнение того или другого плана может взяться только человек, который в него верит.

На другой день, 10 октября, в час дня, граф Витте вновь имел счастье явиться к его величеству и в присутствии государыни императрицы Александры Федоровны подробно изложил все свои соображения, объясняющие записку в новой ее редакции, причем словесно доложил еще раз о другом возможном выходе, о котором докладывал государю 9 октября. Их величества не изволили высказать своего мнения, но его императорское величество соизволил заметить, что, может быть, было бы лучше основание записки опубликовать манифестом.

В течение 12 и 13 октября граф Витте не имел никаких сведений из Петергофа. Приблизительно в это время в одном из заседаний у графа Сольского между прочим шла речь о крайне опасном положе-

нии дела вследствие брожения, переходящего в восстание, причем генерал-адъютант Чихачев и граф Пален высказывали решительное мнение, что нужно прежде всего подавить всякое проявление смуты силою оружия. Граф Витте не преминул сообщить об этом всеподданнейшей запиской его величеству, причем ходатайствовал выслушать сановников, высказывающих таковое убеждение. Графа Витте затем генерал-адъютант Чихачев спрашивал, не по его ли инициативе государю-императору благоугодно было его вызывать, на что он ответил, что этого не знает, но что действительно счел своим долгом доложить государю о сложившемся у некоторых сановников определенном взгляде, как нужно при данных обстоятельствах поступить, и что, по его мнению, было бы весьма полезно, если бы его величеству благоугодно было их выслушать.

Графу Витте говорили, что 11 и 12 октября его программа подверглась обсуждению. 13-го граф Витте получил от его величества следующую телеграмму: «Впредь до утверждения закона о кабинете поручаю вам объединить деятельность министров, которым ставлю целью восстановить порядок повсеместно. Только при спокойном течении государственной жизни возможна совместная созидательная работа правительства с имеющими быть с в о б о д н о выбранными представителями народа моего».

Вследствие этой телеграммы граф Витте 14-го числа утром снова ездил в Петергоф и всеподданнейше доложил, что одним объединением министров, смотрящих в разные стороны, смуту успокоить нельзя и что, по его убеждению, обстоятельства требуют принятия решительных мер в том или другом направлении. При этом, вследствие сделанного его величеством замечания, что было бы целесообразнее изложить основания записки в манифесте, граф Витте представил его величеству краткий всеподданнейший доклад, резюмирующий записку, в начале коего указано, что доклад этот составлен по приказанию и указаниям его величества, и который, в случае если его величество соизволит его одобрить, подлежал бы высочайшему утверждению; что же касается манифеста, то граф Витте докладывал, что манифест, который оглашается во всех церквях, есть такой акт, в котором неудобно входить в надлежащие подробности; с другой же стороны, опубликование высочайше утвержденного всеподданнейшего доклада будет только выражать принятие государем изложенной в докладе программы, что будет гораздо осторожнее, ибо в таком случае предложенные им меры лягут на его, графа Витте, ответственность и не свяжут его величество.

В это время забастовка фабричных рабочих в Петербурге и во многих городах, а равно служащих значительной части железных дорог и других учреждений была уже в полной силе, так что Петербург оставался без освещения многих торговых заведений, движения конок, телефонов и железнодорожного сообщения. Такое положение дела, ввиду вышеприведенной телеграммы государя-императора, по-

нудило графа Витте собрать у себя совещание некоторых министров, в том числе военного, генерала Редигера, товарища министра внутренних дел и петербургского генерал-губернатора Трепова, министра путей сообщения князя Хилкова, чтобы обсудить, какие меры можно принять для восстановления железнодорожного сообщения Петербурга, хотя бы с ближайшими окружными пунктами. На этом совещании военный министр и генерал Тренов, которому был подчинен петербургский гарнизон, заявили, что в Петербурге достаточно войск для того, чтобы подавить вооруженное восстание, если таковое проявится в Петербурге и в ближайших резиденциях государя, но что в Петербурге нет соответствующих частей, которые могли бы восстановить движение хотя бы от Петербурга до Петергофа. Вообще военный министр заявил, что в действующую армию командировано не только значительное число войсковых единиц, но много офицеров и нижних чинов из состава частей, оставшихся в Европейской России; эти части были в свое время пополнены чинами запаса, но среди последних началось всеобщее брожение вследствие задержания их на службе после заключения мира. Это обстоятельство в связи с продолжительным привлечением войск к несению полицейской службы в значительной степени расстроило войска, оставшиеся внутри империи.

14-го к вечеру графу Витте было дано знать по телефону из Петергофа князем Орловым, чтобы он явился на совещание к его величеству 15 октября, к 11-ти часам утра, причем ему было предложено привезти с собою проект манифеста, так как необходимо, «чтобы все исходило лично от государя, и нужно вывести намеченные в его докладе меры из области обещаний в область государем даруемых фактов».

Хотя граф Витте считал более осторожным ограничиться высочайшим утверждением его всеподданнейшего доклада и надеялся, что, может быть, манифеста и не потребуется, но все же, чувствуя себя в тот вечер нездоровым, просил находившегося у него в это время члена Государственного совета князя А. Д. Оболенского к утру набросать проект манифеста.

15 октября утром граф Витте снова отправился в Петергоф, причем просил князя Оболенского и управляющего делами Комитета министров поехать с ним. На том же пароходе ехал и министр двора барон Фредерикс. Князь Оболенский прочел в присутствии всех этих лиц набросок им составленного проекта манифеста; граф Витте сделал некоторые замечания, и так как в то время подошли к Петергофу, то он просил князя Оболенского и Вуича попытаться на основании бывших на пароходе разговоров по поводу наброска князя Оболенского составить более или менее окончательную редакцию манифеста, а сам вместе с бароном Фредериксом отправился во дворец. Там он застал великого князя Николая Николаевича и генерал-адъютанта Рихтера. В 11 часов его величество принял этих четырех лиц. Его величество повелел графу Витте прочесть ранее упомянутый его все-

подданнейший доклад. Затем граф Витте доложил, что, по его крайнему разумению, при настоящих обстоятельствах могут быть два исхода — или диктатура, или конституция, на путь которой его величество в сущности уже вступил манифестом 6 августа и сопровождавшими его законами. Его доклад, или программа, высказывается за второй путь, который в случае его утверждения должен повести к мероприятиям, подлежащим проведению в законодательном порядке и расширяющим закон 6 августа, приводя Россию к конституционному устройству. Во время чтения доклада, с разрешения государя-императора, великий князь Николай Николаевич задавал графу Витте целый ряд вопросов, на которые граф Витте давал подробные разъяснения, причем доложил, что он не рассчитывает, чтобы после жесточайшей войны и столь сильной смуты могло быстро наступить успокоение, но что второй путь, казалось бы, приведет скорее к такому результату.

По окончании доклада его величеству угодно было спросить графа Витте, изготовил ли он манифест. Граф Витте доложил, что предварительный проект манифеста был изготовлен, что он с ним ознакомился во время переезда в Петергоф, ныне же исправляется, но что, по его мнению, было бы удобнее ограничиться утверждением прочитанного им всеподданнейшего доклада. Его величество соизволил в 1 час дня отпустить присутствующих и повелел собраться к 3-м часам, а графу Витте привезти проект манифеста.

В 3 часа заседание возобновилось. Продолжался обмен мыслей по поводу доклада, затем граф Витте прочел проект манифеста. Присутствовавшие не сделали никаких возражений. Затем государю-императору благоугодно было отпустить присутствующих.

16 октября к вечеру барон Фредерикс дал знать графу Витте, что он к нему придет переговорить по поводу манифеста. После полуночи барон Фредерикс приехал вместе с директором канцелярии генералом Мосоловым и передал графу Витте, что его величество независимо от тех лиц, которые присутствовали вчера на заседании, советовался также с другими лицами и что члены Государственного совета Горемыкин и Будберг составили два проекта манифеста, с которыми его величество поручил его ознакомить. Граф Витте прежде всего спросил, известно ли обо всем происходящем генералу Трепову, который ныне держит в своих руках всю полицию империи, на котором лежит ответственность за внешний порядок в стране; всякая крупная мера, если он, генерал Трепов, заранее в нее не будет посвящен, может иметь последствием неблагоприятные явления. Барон Фредерикс ответил, что он потому и опоздал, что был у генерала Трепова, который во все это дело посвящен. Затем барон Фредерикс дал графу Витте прочесть новые проекты¹. Граф Витте заметил, что про-

¹ Проекты затем были взяты бароном Фредериксом и более не удалось их достать.

ект, на который было обращено его внимание, как наиболее подходящий, не может быть им принят по двум причинам:

Во-первых, потому, что он в отличие от проекта, им переданного, прямо провозглашает, что его величество со дня опубликования манифеста дарует все свободы, тогда как в его проекте его величество лишь повелевает правительству выполнить неперменную его волю даровать эти свободы, что предполагает еще последующую работу правительства; во-вторых, что в манифесте пропущены другие существенные меры, которые значатся в его проекте всеподданнейшего доклада, и что объявление манифеста, не согласного с одновременно опубликованным докладом, породит сразу сомнения в силе и крепости тех начал, которые в этом докладе изложены.

По этим причинам он просил барона Фредерикса доложить его величеству, что, по его мнению, издавать манифест, как он это уже несколько раз имел честь докладывать его величеству, не нужно, что достаточно и более осторожно обнародовать лишь его высочайше утвержденный всеподданнейший доклад. На это барон Фредерикс ответил, что вопрос о том, что реформа, предположенная всеподданнейшим докладом, должна быть возвещена народу манифестом, решен бесповоротно. Выслушав это сообщение, граф Витте просил доложить его величеству, что нужно поручить место председателя Совета тому лицу, которого программа будет принята, что он чувствует, что в этом деле у его величества существует некоторое сомнение в правильности его взглядов, что при таком положении вещей было бы целесообразнее оставить самую мысль о назначении его первым министром, а для объединения действия министров, в случае окончательного отклонения предположения о назначении диктатора для успокоения смуты силою, избрать другое лицо, программа которого была бы признана более целесообразной.

Если прочитанные им проекты манифестов признаются целесообразными, то, по его мнению, одного из авторов их и следовало бы назначить председателем Совета. В заключение граф Витте также просил доложить его величеству, о чем он имел счастье и ранее докладывать государю, что если его деятельность нужна, то он готов послужить общему делу, но на второстепенном посту, хотя бы губернатора какой бы то ни было губернии.

На другой день, 17 октября, граф Витте снова был вызван в Петергоф, и, приехав туда, он отправился прямо к барону Фредериксу. Барон передал графу Витте, что решено принять его проект манифеста и утвердить всеподданнейший доклад, им представленный, что великий князь Николай Николаевич категорически поддерживает такое решение и докладывал о невозможности, за недостатком войск, прибегнуть к военной диктатуре.

В 6-м часу граф Витте и барон Фредерикс приехали во дворец, причем барон Фредерикс привез с собою переписанный в его канце-

лярии манифест. Во дворце был великий князь Николай Николаевич. Его величеству благоугодно было в их присутствии подписать манифест и утвердить всеподданнейший доклад графа Витте. Оба эти документа в тот же день были обнародованы с ведома генерала Трепова».

После того как я передал приведенную выше справку барону Фредериксу, я ее показал человеку, к которому питаю глубокое уважение, — графу Палену, министру юстиции при императоре Александре II, до процесса Веры Засулич. Граф Пален просил разрешения моего показать ее и генерал-адъютанту Рихтеру. Через несколько дней генерал-адъютант Рихтер вернул ее мне при записке, в которой не выразил никакого мнения.

На другой день я его встретил в Государственном совете и спросил, не нашел ли он в справке какой-либо неточности, на что он мне ответил, что справка составлена совершенно точно. Я дал тогда же эту справку для прочтения великому князю Владимиру Александровичу. Великий князь мне ее вернул через несколько дней и тогда же передал графу И. И. Толстому, который у него совершенно домашний человек, следующее (письмо его находится в моем архиве): «На следующий день по получении вашей записки великий князь обедал в клубе, где были Фредерикс и Мосолов. Так как о них упоминается в вашей справке, то он позвал Мосолова в отдельную комнату, объяснил ему, что получил от вас записку, и спросил его, что он знает о ней. На это Мосолов ему ответил, что записку вы через барона Фредерикса послали государю, от которого желали получить подтверждение изложенного, но что государь не соизволил на сие и что Фредерикс только словесно подтвердил ее правильность в общем».

Ранее составления этой справки по поводу событий с начала октября до 17-го 1905 г. мне передали свои воспоминания по событиям этого времени два лица, заслуживающие полного доверия и близко стоящие к сказанным событиям: это управляющий делами Совета министров Н. И. Вуич, ныне сенатор, женатый на единственной дочери В. К. Плеве, и потому человек, бывший ему близким, и князь Н. Д. Оболенский, генерал свиты его величества, управлявший в то время и ныне управляющий кабинетом его величества, в сущности товарищ министра двора. Князь Оболенский был самый близкий человек к императору, был любимым из молодых флигель-адъютантов отца его, императора Александра III, он совершил путешествие на Дальний Восток с императором Николаем II в бытность его наследником. Князь Н. Д. Оболенский пользовался большим вниманием императрицы Александры Федоровны, так как, когда она приезжала в Петербург в качестве Алих Дармштадтской на смотрины и была забракована как невеста наследника, то единственный кавалер, который по сему случаю от нее не отвернулся, а, напротив, удвоил к ней внимание, был князь Николай Дмитриевич Оболенский. Будучи близко

знаком со мною и зная все, что делается при дворе, т. е. в дворцовых лакейских (для высокопоставленных придворных лакеев, титулованных и мундирных) он, конечно, знал все, что происходило в это время вокруг государя. С этой точки зрения его краткие воспоминания имеют цену. Сказанные воспоминания при сем прилагаю.

ЗАПИСКА Н. И. ВУИЧА

«21 сентября уехал на Кавказ управляющий делами Комитета министров барон Нольде, вследствие чего во временное исправление должности его вступил помощник управляющего Вуич, на обязанность которого упал поэтому и доклад всех комитетских дел председателю Комитета графу С. Ю. Витте. Граф был все время чрезвычайно озабочен и несколько раз в разговоре возвращался к тому, насколько плохо внутреннее наше положение, и что представляется неизбежным или ввести повсюду военное положение или даровать настоящую конституцию. При этом С. Ю. Витте высказывал, что принятие каких-нибудь разрозненных мер не даст благоприятных результатов, в частности же репрессии против печати бесполезны, так как немедленно усилятся подпольная пресса.

6 октября председатель поручил составить всеподданнейший доклад в том смысле, чтобы впредь, до рассмотрения совещанием графа Сольского проекта о преобразовании Комитета министров, установлены были временные полномочия председателя Комитета по объединению деятельности министров, причем С. Ю. просил с составлением этого доклада поторопиться. На другой день председатель занимался подробным рассмотрением представленного ему проекта, 8-го же октября, вечером, передал для прочтения и для распоряжений о переписке к следующему утру обширную записку, заключающую в себе разъяснение его взгляда на способы успокоения страны, с выводом о необходимости перехода к конституционному образу правления. На следующий день утром записка, переписанная, была представлена председателю. В происшедшем при этом разговоре, на замечание помощника управляющего, с какою быстротою события привели к предположению о введении конституции, С. Ю. с горячностью заметил, что за последнее время последовали Мукден, Цусима; что закрыто было сельскохозяйственное совещание, к которому имели отношение либеральные элементы, теперь ищущие иного выхода; что он пришел к убеждению о совершенной неотвратимости предлагаемого им средства. Затем председателем дано было поручение составить краткий по этой записке всеподданнейший доклад, который мог бы быть в случае надобности напечатан. В течение 9 октября записка была председателем несколько изменена¹ во вступительной

¹ В этот же день она была вновь переписана и в 2-х экземплярах представлена председателю.

части включением указания, что доклад составлен по приказанию и указаниям его величества. Вместе с тем в конце записки было добавлено, что, может быть, есть и другой исход — идти против течения, но это надо сделать решительно и систематически; С. Ю. сомневается в успехе этого, но он может и ошибаться; во всяком случае за выполнение всякого плана может взяться только человек, который в него верит. 10 октября председатель ездил к государю и, вероятно, тогда же оставил его величеству свою записку.

После того занимались уже только кратким всеподданнейшим докладом, он еще переделывался, и 13 октября, вечером, окончательно был прочитан председателем. С. Ю. сказал, что едет на другой день к государю, и пригласил Вуича его сопровождать на пароходе. 14 октября погода была немного скверная, снег с дождем, и пароход изрядно качало. Дорогою перечитывали еще раз доклад, и С. Ю. говорил, что он не может принять должность председателя Совета, если доклад этот не будет утвержден.

Говорили также о постыдности положения, при котором верноподданные должны добираться к своему государю чуть ли не вплавь. С. Ю. поехал с пристани прямо во дворец, где оставался до часу, затем приехал завтракать в приготовленное помещение и говорил, что мог настоять на немедленном утверждении доклада, но не захотел вырвать согласие, и потому ему предложили еще раз вернуться во дворец.

Со второй аудиенции С. Ю. возвратился на пароход после пяти часов, так что назад ехали в темноте. Положение оставалось то же самое, и решение отложено до завтра. 15 октября опять поехали около 9 часов утра. На пароходе был барон Фредерикс и князь Алексей Оболенский; оказалось, что князь привез с собой проект манифеста, о котором до того от председателя ничего слышать не приходилось.

Стали читать проект. Вступление весьма красноречивое, но председатель говорит: «Да это не существенно, а вот что у вас вышло в пунктах?» Первый пункт оказался о свободах. Предполагалось сказать вроде того, что на правительство возлагается обязанность немедленно выработать и в определенный срок представить государю проекты законов о свободе собраний и проч.

Далее следовал пункт о расширении выборных прав, а затем говорилось о рабочих. От последнего пункта князь тут же немедленно, ввиду замечания председателя, отказался.

Стали затем пробовать сгладить редакцию первых, и в то же время у одного из присутствующих явилась мысль, нельзя ли связать эти меры с указом 12 декабря 1904 г., как продолжением этого указа. Из попытки этой ничего в ту минуту не вышло, а так как в это время подходили уже к пристани, то решили пока только установить в общих чертах содержание пунктов манифеста, наметили три таких пункта (два, предложенных князем А. Д., и третий о полномочиях Государственной думы), и все это вкратце было отмечено на особом листе.

При этом С. Ю. сказал, что можно писать и коротко, так как все это разъяснено во всеподданнейшем докладе. Все разговоры и предположения никаких особых возражений со стороны присутствовавших не вызывали. Затем было решено, что, пока С. Ю. будет во дворце, бывшие с ним лица попробуют составить окончательный проект манифеста. К возвращению С. Ю. из дворца в приготовленное для него помещение проект был уже составлен. При этом первоначальный проект князя А. Д. остался как-то в стороне, а руководились при составлении нового проекта заметками, сделанными на пароходе. С. Ю. приехал из дворца около часу, говоря, что дело еще окончательно не решено, но что можно и подождать день или два. Князь А. Д. взволнованно доказывал нежелательность этого, в чем был поддержан и другим слушателем.

Затем проект был прочитан Сергею Юльевичу. Первый пункт о свободах казался составленным ясно в том смысле, что государь решил даровать свободы, а введение их составит ближайшую задачу правительства. Эта часть проекта при чтении ни с чьей стороны никаких замечаний не вызвала, а затем подробно говорили о двух последующих пунктах, причем князь Оболенский высказался против дальнейших изменений приготовленного проекта, так как это вызвало бы только излишнее промедление. Тем не менее долго говорили об этих пунктах. Обсуждалось, расширить ли выборы только по отношению рабочих или также и других частей населения, не получивших избирательных прав. С. Ю. решил, соглашаясь с князем Оболенским, поставить вопрос шире; при этом слова о неприостановлении выборов вызывали у него сомнение, так как, может быть, нельзя будет обойтись без приостановки при переделке закона, но окончательно согласился их оставить, так как, по существу дела, откладывать выборы не представлялось желательным.

По пункту о законодательной власти Думы останавливались на том, не слишком ли решительны выражения этого пункта, но затем признали, что они соответствуют смыслу всеподданнейшего доклада. Поехал С. Ю. вторично во дворец к 3 часам и, возвратившись затем на пароходе, после 5 часов, говорил, что во дворце происходило совещание с участием великого князя Николая Николаевича, барона Фредерикса и генерала Рихтера.

Великий князь сначала говорил за строгие меры, но потом присоединился решительно к мыслям С. Ю. так же, как и Рихтер. Его величество окончательно сказал: «Если я соглашусь, то дам знать вам вечером». В тот день председатель никакого уведомления более не получал и в 10 часов вечера говорил, крестясь, что, очевидно, бумага ждаться нечего, и он освободится от всего этого дела, так как оказалось, что в 6 часов к государю были вызваны Горемыкин и Будберг и оттого, вероятно, и днем не был дан решительный ответ.

16 октября никаких новых сведений не было. 17-го утром выясни-

лось, что накануне и в течение ночи шли переговоры о том, чтобы всеподданнейшего доклада С. Ю. вовсе не распубликовать, а редакцию манифеста изменить в том смысле, чтобы не упоминать о предстоящей деятельности «правительства» по осуществлению намерений государя, а прямо объявить о даровании реформ от имени его величества.

С. Ю. не считал возможным на это согласиться. Днем на пароходе «Нева» С. Ю. отправился в Петергоф, поехал прямо к его величеству и привез из дворца подписанный манифест и утвержденный всеподданнейший доклад. На обратном пути С. Ю. высказывал мнение, что если удастся дотянуть до собрания Думы, тогда все спасено, а если невозможны будут выборы, то ручаться ни за что нельзя.

20 октября по распоряжению председателя было составлено и опубликовано в «Правительственном вестнике» правительственное сообщение, в котором объяснялось, что осуществление указанных в манифесте 17 октября реформ требует законодательных определений и ряда административных мер; до того прежние законы должны действовать.

(Подп.) Н и к о л а й В у и ч

31 декабря 1906 г.»

ЗАПИСКА КНЯЗЯ Н. Д. ОБОЛЕНСКОГО

«Октябрь 1905 г. будет отмечен будущим русским летописцем как исторический месяц, в течение которого произведена была первая реальная попытка пойти навстречу необходимости (в высших сферах еще в то время не вполне сознанной) совершить последний шаг по пути реформ и обновления русской жизни, начатых еще в царствование императора Александра II.

Обстановка, среди которой в эти исторические дни чувствовало себя русское общество, была скорбная, тяжелая, угнетающая. Неудачно веденная война обнаружила несовершенства государственного механизма во всей их болезненной правде. Зароненное в среду неудовлетворенного, разочарованного, оскорбленного в самом скромном честолюбии общества, неудовольствие это стало концентрически расти и захватывать все классы населения, каждый раз по-своему толковавшие о причинах наших внешних и внутренних неудач.

Почва эта являлась благоприятным рассадником для тех лиц, которые, с интернациональными идеями разнообразных оттенков, ставили целью своих мыслей и действий вызвать, в какой удастся форме, смуту в России, пользуясь которой ниспровергнуть существующий, мало кого удовлетворяющий государственный порядок. Вся эта сложная многопричинная и многообразная эволюция общественной мысли выразилась в забастовках, открытых смутах, грабежах, политических убийствах и насилиях, на глазах безучастного и скорее враждебно к правительству настроенного русского общества.

Сознание ненужности безотрадно веденной, жестокой и неудач-

ной войны с Японией находило некоторое успокоение в той мирной победе, которая была одержана в Портсмуте, когда, так или иначе, с относительно ничтожными жертвами, прекратилось безрезультатное кровопролитие, грозившее нам к довершению бед потерю Владивостока, Камчатки и прилегающих к Сибири островов на море, господство над которыми всецело перешло в руки японцев.

Общество под впечатлением этого акта запоздавшей государственной мудрости облегченно вздохнуло, и имя человека, приобретшего для своего отечества мир внешний, естественно, приходило на мысль перед задачей внутреннего успокоения и наделения государства прочным внутренним миром. Председатель Комитета министров статс-секретарь граф Витте, утомленный нравственно испытанными напряжениями, вернулся в Россию и, принявшись за повседневную работу, с первых шагов столкнулся с отголосками внутреннего хаоса и того нестроения, которые настоятельно требовали энергичного и неотложного разрешения.

В первых же заседаниях Комитета министров и в отдельных совещаниях у графа Сольского резко определилась, необходимость внести в государственную работу свежую струю, приступив к основным преобразованиям всего правительственного механизма.

6 октября С. Ю. Витте пишет государю-императору письмо, в котором всеподданнейше испрашивает разрешение прибыть в Новый Петергоф для доклада некоторых своих соображений в связи с происходившими уже в то время открытыми политическими демонстрациями, многочисленными митингами и собраниями общественных деятелей и общим неустройством, принявшим острый характер явно враждебных правительству манифестаций и политической забастовки. Железные дороги бездействовали, сообщение с Новым Петергофом поддерживалось лишь пароходами по Неве.

8 октября был получен высочайший ответ: государь-император писал графу Витте, что и сам он думал вызвать его к себе для обмена мыслями по вышеупомянутым вопросам, и просил графа Витте прибыть в Петергоф на другой день к 6 час. вечера.

8 пятницу 8 октября вечером граф С. Ю. Витте при участии помощника управляющего делами Комитета министров д. с. с. Вуича составил программу намеченных реформ, с изложением в общих чертах, по пунктам, тех давно назревших у него данных, которые должны были в известной постепенности лечь в основу работы и политики будущего Совета министров.

Казалось, что, выступая с такой программой, граф Витте, стоя во главе министров, мог рассчитывать удовлетворить и успокоить часть русского общества.

9 октября к 6 часам вечера граф Витте отправился в Петергоф на пароходе и, будучи принят его величеством, доложил государю-им-

ператору, что из настоящего тяжелого внутреннего положения правительству, по его мнению, представляются два выхода:

1) Облечь неограниченную диктаторскою властью доверенное лицо, дабы энергично и бесповоротно в самом корне подавить всякий признак проявления какого-либо противодействия правительству, — хотя бы ценою массового пролития крови.

Для такой деятельности граф Витте не считал себя подготовленным.

2) Перейти на почву уступок общественному мнению и предначертать будущему кабинету указания вступить на путь конституционный; иначе говоря, его величество предрешает дарование конституции и утверждает программу, разработанную графом Витте.

Последний счел своим нравственным долгом обратить особое внимание государя-императора на всю важность принимаемого решения, сопряженного с некоторым самоограничением; причем возврат к прежнему порядку оказался бы немислимым.

Вследствие этого граф Витте просил государя до принятия окончательного решения обсудить в особом совещании этот вопрос, привлекая к совещанию этому противников предлагаемого направления, мнения которых с достаточною ясностью определились в бывших за последнее время заседаниях и совещаниях.

Если же государю угодно будет все-таки согласиться на предлагаемую программу, то не стеснять графа Витте в выборе сотрудников, предоставив ему право распределения портфелей даже среди общественных деятелей.

Далее граф Витте, указывая на важность принимаемого решения, когда одним почерком пера изменяется весь государственный строй, и на серьезность намечаемого добровольного самоограничения прав, испрашивал пригласить на совещание ее величество государыню императрицу и великих князей.

На другой день, 10 октября, граф Витте был вновь приглашен в Петергоф, где повторил все сказанное накануне в присутствии только ее величества и составил свою программу.

Прошло 11 и 12 октября, и наступила среда 13 октября. За это время составленная графом Витте программа подвергалась деятельному и влиятельному обсуждению лиц приближенных, а также имевших доклад у государя. В результате в среду 13 октября граф Витте получил депешу от государя приблизительно следующего содержания:

«Назначаю вас председателем Совета министров для объединения деятельности всех министров».

О программе не упоминалось вовсе. Получив такого рода депешу, граф Витте справедливо заключил, что программа, им представленная, не принята и не утверждена, и 14-го ездил в Петергоф и доложил его величеству, что нравственно не считает для себя возможным исполнить высочайшее повеление сделаться первым министром до утверждения его программы, но вместе с тем подтверждал еще раз не-

обходимость программу эту всесторонне обсудить в совещании лиц, которых государю угодно было бы привлечь для этой цели, и что с каждым днем внутреннее положение ухудшается, вызывая неотложную необходимость прийти к тому или иному решению.

Его величество после доклада графа Витте призвал князя Орлова (граф Гейден находился в отпуске) для отдачи ему приказаний относительно приглашений на совещание для обсуждения программы графа Витте.

По указанию его величества был составлен список лиц, имеющих быть приглашенными, и предрешено было, что одну только программу графа Витте утверждать нельзя, но что для надлежащего уяснения, что все в ней изложенное исходит лично от государя, содержание ее необходимо облечь в форму манифеста.

На обсуждение программы приглашены были: великий князь Николай Николаевич, генерал-адъютант барон Фредерикс, генерал-адъютант Рихтер, граф Витте, статс-секретарь Горемыкин и барон Будберг. После этого князю Орлову передано было через камердинера приказание его величества, дабы г.г. Горемыкин и Будберг были доставлены в Петергоф на отдельном пароходе, в самом заседании не участвовали и ожидали дальнейших приказаний во дворце.

Затем граф Витте получил из Петергофа уведомление, что 15 октября в 11 час. утра назначено у его величества особое совещание, на которое приглашается и он. Ему предложено также привезти с собой проект манифеста, дабы все намеченное им вывести из области одних обещаний в область государем утвержденных фактов. Граф Витте первоначально решил в своей программе изменить редакцию вступления, в смысле более ясного подтверждения, что программа эта выработана по повелению и личному указанию его величества. Полагал, однако, что облечь программу эту в форму манифеста и трудно, и, может быть, преждевременно.

Однако случайно здесь находившемуся князю А. Д. Оболенскому граф Витте предложил попытаться за ночь составить проект манифеста и на другой день 15 октября сопроводить его в Петергоф вместе с д. с. с. Вуичем.

В субботу, 15 октября, в 11 часов утра, в Петергофе под председательством государя началось совещание, на котором присутствовали: великий князь Николай Николаевич, генерал-адъютант барон Фредерикс, генерал-адъютант Рихтер и граф Витте. Великий князь Николай Николаевич испросил разрешение задавать вопросы графу Витте ввиду своего незнания с предметом и спрашивать объяснение того, что ему покажется неясным. В заседании этом граф Витте обрисовал в общих чертах общее положение России, как оно ему представлялось в эти дни, останавливаясь с особенным вниманием на том факте, что даже умеренные элементы русского общества заявляют себя, если не активно, то пассивно, против правительства, и что, по его крайнему

разумению, при настоящих обстоятельствах могут быть два исхода: 1) диктатура или 2) вступление на путь конституции; причем доложил, с нужными пояснениями, все пункты своей программы.

В основу программы этой, как окончательная цель, легли: а) дарование законодательных прав Государственной думе и б) дарование свободы слова, собраний, совести и неприкосновенности личности.

Великий князь Николай Николаевич неоднократно прерывал докладчика, дабы яснее усвоить себе отдельные подробности доложенного. Заседание затянулось до часу дня, и государь приказал сделать перерыв до 2 ¹/₂ часов, предложив к этому часу представить и проект манифеста, несмотря на то что граф Витте еще раз доложил, что программа менее свяжет государя и что лучше было бы манифеста не составлять, так как в нем изложить всю сущность программы было бы затруднительно.

В три часа дня заседание возобновилось. Граф Витте несколько запоздал, корректируя проект манифеста, который и подвергся обсуждению. Присутствующие не возражали, но граф Витте просил еще раз государя не решаться на подписание столь серьезного акта, не уяснив всестороннего его значения ввиду чрезвычайной государственной и исторической важности делаемого шага и вероятности, что даже после этого успокоение может наступить не сразу.

Его величество отпустил всех, положил проект манифеста в стол и поблагодарил графа Витте, сказав, что помолится Богу, еще подумает и скажет ему, решится ли он на этот акт или нет.

По отъезде графа Витте государь приказал генерал-адъютанту барону Фредериксу призвать статс-секретаря Горемыкина и Будберга, ожидавших в Петергофе, и передать им на рассмотрение этот манифест. Оба тотчас приступили к его обсуждению и нашли его несоответствующим. Член Государственного совета Горемыкин принципиально не соглашался с необходимостью такого акта, а барон Будберг, главным образом, критически отнесся к формальной стороне самого изложения манифеста, находя таковое недостаточно хорошо отредактированным. Горемыкин согласился помочь в редактировании одного проекта.

В это время граф Витте случайно осведомлен был, что проект его манифеста обсуждался без него, и, опасаясь, что такой манифест мог бы быть подписан государем и что он, граф Витте, принужден будет в силу обстоятельств принять его к исполнению и руководствоваться изложенными в нем видоизменениями статс-секретаря Горемыкина и барона Будберга, телефонировал барону Фредериксу и дворцовому коменданту князю Енгальчеву, прося их доложить его величеству о том, что он ходатайствует об изменениях, сделанных в его редакции, поставить его в известность или же предложить авторам изменений статью во главе дела. Из Петергофа было отвечено, что сделанное в манифесте изменение незначительно и лишь редакционное. Граф Вит-

те просил все-таки изменения эти, предварительно подписания, передать ему на прочтение.

В воскресенье 16 октября по Петербургу распространился слух, обсуждавшийся в различных кругах, что проект государственных преобразований графа Витте не одобрен, а утвержден и принят другой проект члена Государственного совета Горемыкина; слухи эти в общей их сложности произвели угнетающее впечатление.

16 октября вечером (после предварительного предупреждения по телефону) около полуночи к графу Витте приехал генерал-адъютант барон Фредерикс с своим начальником канцелярии генерал-майором А. А. Мосоловым. Барон Фредерикс извинился перед графом Витте, сообщив, что манифест изменен не в редакционном только отношении, как это он сообщил, но и по существу, и просил графа Витте согласиться принять манифест в этом измененном виде к исполнению, так как измененный манифест заключал в себе, по его мнению, больше уступок, чем проектированный графом Витте.

Ознакомившись с новой редакцией манифеста, граф Витте усмотрел, что между проектом, представленным им, и проектом, ему привезенным, различие по существу сводилось к следующему:

1) В проекте у графа Витте определенно говорилось, что его величеству благоугодно повелеть своему правительству озаботиться проведением в жизнь его неуклонною волею предначертанных реформ; в проекте, привезенном бароном Фредериксом, те же пункты уже определены как даруемые.

2) О праве на законодательный почин со стороны Государственной думы в этом последнем проекте не упоминалось вовсе.

При этом граф Витте еще раз просил барона Фредерикса испросить у государя-императора не печатать пока манифеста, а лишь утвердить и обнародовать одну программу с теми изменениями, которые в ее вступлении уже сделал сам граф Витте, относя все в ней изложенное к инициативе, указаниям и воле его величества. Барон Фредерикс ответил, что вопрос о том, что настоящая реформа должна быть возвещена населению манифестом, решен бесповоротно.

В заключение граф Витте заявил барону Фредериксу, что он ясно сознает, что со стороны его величества в основу отношений к нему, несмотря на все внимание государя-императора, несомненно, легло чувство некоторого недоверия, что при наличии такого серьезного фактора совместная государственная работа крайне затруднится и что, быть может, было бы целесообразнее оставить самую мысль о назначении его первым министром, а для объединения министров избрать одного из авторов измененного манифеста, причем просил довести до сведения его величества о своей готовности и в этом случае на восторженном посту послужить общему делу.

Высказанное графом Витте предположение имело за собою несомненное основание, так как ближайшие к государю лица не верили в

искренность графа Витте и были убеждены, что он в своих честолюбивых намерениях стремится быть президентом Российской республики, и что, в предвидении возможности такого факта, находит себе объяснение та выдающаяся ласка и любезность, предметом которых сделался граф Витте при возвращении из Портсмута со стороны германского императора Вильгельма II, прозревшего в нем будущего русского республиканского президента.

На другой день, 17 октября, в 9 часов утра, барон Фредерикс отправился с докладом к государю-императору. Результатом этого доклада было немедленное приглашение туда же великого князя Николая Николаевича и графа Витте; последний мог прибыть лишь к 4 ¹/₂ часам дня.

Великий князь Николай Николаевич, проникшись основательностью данных графом Витте объяснений, выразил свое полное сочувствие проекту графа Витте и доложил о невозможности, за недостатком войск, прибегнуть к военной диктатуре. Великий князь и барон Фредерикс были приняты государем раньше приезда графа Витте, причем тут же решено было, что его величество подпишет манифест, составленный графом Витте, и утвердит программу, представленную им. В канцелярии министра императорского двора, временно переведенной в Петергоф, приказано было приступить к переписке манифеста.

В 6-ом часу вечера работа эта была закончена. Граф Витте, уже прибывший из Петербурга, поехал в Александрию, и в его присутствии государь-император подписал манифест и утвердил программу. Таким образом, не без некоторой борьбы, колебаний и сомнений государю угодно было вернуть Россию на покинутый ею, в силу разнообразных внутренних и внешних обстоятельств, путь реформ и завершить великое дело своего августейшего деда.

При обратном возвращении в Петербург на палубе парохода находился великий князь Николай Николаевич. Он казался веселым и довольным. Обратившись к графу Витте, его высочество заметил:

«Сегодня 17 октября и 17-я годовщина того дня, когда в Борках была спасена династия. Думается мне, что и теперь династия спасается от меньшей опасности сегодня происшедшим историческим актом».

Август — сентябрь 1906 года.»

В вышеприведенной «Справке о манифесте 17 октября 1905 г.» ввиду ее назначения при ее составлении события изложены с математической точностью, но совершенно кратко и при полном отсутствии эпизодических фактов, их сопровождавших.

Когда после возвращения из Америки я приехал в Петербург, то у меня совершенно созрело желание уехать из России, так как я ясно видел, что ничего доброго ожидать нельзя. Положение вещей было совершенно запутано, несчастная позорная война надолго обессилила Россию и вселила в ней недобрые чувства возмущения. Самое главное то, что я знал государя, знал, что мне на него положиться нель-

зя — знал его бессилие, недоверчивость и отсутствие всякого синтеза при довольно развитой способности к анализу.

Уехать из России я желал не потому, что хотел уйти от грядущих событий, а потому что это представлялось мне единственным способом, чтобы меня, подобно тому, как это случилось с назначением меня в Портсмут, не взяли и не бросили вновь в огонь после того, как сами, разжегши огонь, не найдут охотников лезть его гасить. Положение дел все ухудшалось, революция выходила наружу через щели и обратила эти щели в ворота. Так как граф Сольский занимал место председателя Государственного совета, финансового комитета и председателя Совета министров (вместо его величества) и под его председательством в Совете (или совещании, так как в сущности по закону Совет мог быть только под председательством государя) шли всякие заседания по установлению различных законов в развитие закона 6 августа о Государственной думе, то я его видел довольно часто. Он, видимо, совсем пал духом, потерял всякие надежды и совместно со своей женой постоянно твердил, что все ожидают лишь спасения от меня. Как-то в начале октября, как я уже рассказывал, на эти замечания, что все ожидают лишь от меня спасения, я сказал графу Сольскому, что мое не только желание, но решение уехать за границу отдохнуть после портсмутского путешествия. Эти слова вызвали у Сольского волнение, и он, плача, сказал мне: «Ну, что же, уезжайте и оставляйте нас здесь в с е х поиграть. Мы же погибнем, так как без вас я не вижу выхода».

Этот разговор и понудил меня 6 октября просить государя меня принять. Записка, о которой упоминается в вышеприведенной справке от 17 октября, была оставлена у его величества; она по всей вероятности находится в архивах министерства двора. Государь все время на вид казался спокойным, вообще он всегда в обращении и манере себя держит очень спокойно.

10 октября я думал, что государь, кроме императрицы, пригласит кого-либо из великих князей. Императрица Мария Федоровна находилась в то время в Дании. Он никого не пригласил, вероятно, потому, что не хотел на себя взять инициативу, а царская семья, т. е. великие князья, за исключением двух братьев Николаевичей, тоже не горели желанием прийти на помощь главе дома. Что же касается великого князя Николая Николаевича, то он в это время охотился в своем имении, а Петр Николаевич находился, кажется, в Крыму.

Такие отношения в царском доме сложились главным образом благодаря императрице Александре Федоровне. Николаевичи, женатые на черногорках, ее горничных, потому и пользовались благоволением его величества. Я после слышал от министра двора барона Фредерикса упреки великому князю Владимиру Александровичу за то, что он в это трудное время, будучи в Петербурге, не пришел на помощь государю советом. С своей стороны я думаю, что если бы ве-

ликий князь в это время проявился, то тогда ему дали бы понять, чтобы он не вмешивался не в свое дело.

Государь не терпит иных, кроме тех, которых он считает глупее себя, и вообще не терпит имеющих свое суждение, отличное от мнений дворцовой камарильи (т. е. домашних холопов), и потому эти «иные», но которые не желают портить свои отношения, стремятся пребывать в стороне. 10 октября императрица во время моего доклада не проронила ни одного слова, а государь первый раз сказал свое мнение о манифесте.

Возвратившись домой, я долго думал об этом и к мнению о манифесте отнесся скептически и в конце концов отрицательно вот почему. Мне прежде всего представлялось, что никакой манифест не может точно обнять предстоящие преобразования, а всякие неточности и особенно двусмысленности могут породить большие затруднения. Поэтому я находил, что преобразования должны проходить законодательным порядком и — впредь до придания законодательным учреждениям прав решений — в порядке совещательном или через Государственный совет (старый) или через Булыгинскую думу, когда она будет собрана (т. е. по закону 6 августа). До известной степени я боялся, чтобы манифест не произвел неожиданного толчка, который еще более бы нарушил равновесие в сознании масс, как интеллигентных, так и темных.

Наконец, находясь около двух лет не у живого дела, у меня явилось желание осмотреться, 11-го числа или 12, не помню, кто-то мне сказал, что государь совещается с некоторыми лицами, с кем именно я не спрашивал, и меня это не интересовало, но я думал, что с Чихачевым, графом Паленом, а может быть, и с графом Игнатьевым, на которого я в это время указал министру двора барону Фредериксу, что, может быть, государь с ним посоветуется, и он окажется подходящим диктатором, если его величество остановится на диктатуре.

Сам я в диктатуру не верил, т. е. не верил, чтобы она могла принести полезные плоды для государя и отечества, что я и высказывал его величеству откровенно, но в душе я имел слабость ее желать из эгоистических стремлений, так как тогда я был бы избавлен стать во главе правительства в такое трудное время и при условиях таких, хорошо известных мне свойств его величества и двора, прелесть коих я уже на себе ранее испытал и которые внушали мне самые тревожные опасения.

Я понимал, что ни на благодарность, ни на благородство души и сердца рассчитывать не могу; в случае удачи меня уничтожат, окончательно испугавшись моих успехов, а в случае неудачи будут рады на меня обрушиться вместе со всеми крайними. Желая себе выяснить, насколько можно положиться на военную силу, я устроил в течение этих дней у себя заседание, в котором участвовали два официальных представителя военной силы — военный министр и генерал Трепов, бывший в то время начальником петербургского гарнизона; они произвели на меня весьма тягостное впечатление, в их мнениях

явно сквозило, что рассчитывать на успокоение через войска невозможно и не потому, что это средство само по себе, конечно, длительного и здорового успокоения дать не могло, а вследствие отчасти неблагонадежности, а главное, слабости этой силы. Вероятно, те же речи представители военной силы, а в том числе и великий князь Николай Николаевич, держали государю, и по всей вероятности поэтому он не остановился на диктатуре.

Иначе я себе не могу объяснить, почему государь не решился на диктатуру, так как он, как слабый человек, более всего верит в физическую силу (других, конечно), т. е. силу, его защищающую и уничтожающую всех его действительных и подозреваемых, основательно или по ложным наветам, врагов, причем, конечно, враги существующего неограниченного, самопроизвольного и крепостнического режима, по его убеждению, суть и его враги.

Великий князь Николай Николаевич, после того как мы были у его величества по делу пресловутого Бюркского соглашения, уехал к себе в имение, и я его с тех пор не видал до заседания у государя 15-го. Оказалось, что он тогда только что вернулся с охоты по вызову государя. Несмотря на то что я 14-го числа снова советовал государю ограничиться утверждением моей программы, того же числа князь Орлов, передавая мне по телефону, чтобы я прибыл на следующий день, 15-го утром, на заседание, сказал мне повеление государя привезти с собой проект манифеста, «дабы все исходило лично от государя и чтобы намеченные мною меры в докладе были выведены из области обещаний в область государем даруемых фактов».

Из этого разговора с Орловым я усмотрел, что он принимает какое-то участие в деле, но какое, я не знал и не придавал ему должного значения, зная Орлова как приятного салонного собеседника, но человека совсем несерьезного и без всякого серьезного образования. Затем я узнал от князя Н. Д. Оболенского, что он знал о разговоре Орлова со мною по телефону, что вышеприведенная формула была не случайная, а обдуманная, изложенная на записке (шпаргалке) у Орлова.

Впоследствии я узнал, что государя уговорили издать манифест не потому, что мерам, изложенным в манифесте, сочувствовали, а потому, что дали идею государю, что я хочу быть президентом Всероссийской республики и потому я хочу, чтобы меры, долж е н с т в у ю щ и е у с п о к о и т ь Россию, исходили от меня, а не от его величества. Вот для того чтобы расстроить мои планы о президентстве, уговорили государя, что он непременно должен издать манифест. Нужно воспользоваться мыслями графа Витте, а затем можно с ним и прикончить.

Сначала решили ограничиться телеграммой, данной мне 13-го числа, а когда я настаивал, чтобы были приняты более решительные меры и в случае принятия моей программы просил ее утверждения, тогда уже решили, что в таком случае необходим манифест, дабы я не

сделался президентом республики. Как все это ни невероятно, но, к сожалению, я пришел к заключению, что это было так. Князь Орлов и другие обер-лакеи его величества (не настоящие лакеи, ибо государь был окружен честными слугами его физических потребностей) тогда же выказывали опасения о моем президентстве князю Оболенскому. Этот факт и то, что государь мог, хотя в некоторой степени, действовать под влиянием подобных буффонад, наглядно показывает, каким образом Россия после 8—9-летнего царствования императора Николая II упала в бездну несчастий и полной прострации.

Как мне впоследствии¹ рассказывал князь Николай Дмитриевич Оболенский (до настоящего времени заведующий кабинетом его величества), он, усматривая из разговора с князем Орловым какое-то безумное недоразумение — с одной стороны, недоверие ко мне, а с другой — потребность или, вернее, непреодолимое желание (род нравственного недуга), чтобы я стал во главе правительства, он, князь Оболенский, решил тогда же устранить это грозное по возможным последствиям и безумное недоразумение.

Зная, что государь находился совсем в руках своей августейшей супруги, которая к тому же отлично относилась к князю Н. Д. Оболенскому, по причинам, о которых я упоминал ранее в настоящих записках, он отправился к ней. Явившись к императрице, он встал на колени и умолял императрицу, чтобы государь не назначал меня председателем Совета, объяснив, что из этого ничего кроме беды не выйдет, так как он ясно видит, что государь мне не доверяет, а между тем он, князь Оболенский, меня знает, что и я с своей стороны не могу быть в чьих бы то ни было руках послушным инструментом ввиду моего характера, что под 60 лет характер не меняют и что при таком положении вещей, очевидно, дело не пойдет: как только наступят признаки успокоения, государь будет слушаться других, а я этого не потерплю, буду упрямяться даже в тех случаях, когда при доверчивом отношении друг к другу шел бы на компромиссы; кончится тем, что я в самом непродолжительном времени уйду, возбужу по отношению к себе дурные, мстивые, злонамеренные чувства у государя и в результате больше всего пострадает дело — Россия и ее государь. Ее величество все сие выслушала молча и отпустила князя Оболенского.

Но после этого, а в особенности, когда я покинул пост председателя, государыня совершенно отвернулась от князя Оболенского. Прежде он был самый интимный у них в доме человек, теперь он никогда более не приглашаем. Отношения к нему самые формальные, и когда князь Оболенский остается вместо барона Фредерикса управлять министерством двора, то всегда стараются устроить так, чтобы доклады его были после 2-х часов, т. е. после завтрака, так как, когда

¹ После того как я оставил пост председателя Совета министров.

был раз доклад до завтрака, то государь был, видимо, в неудобном положении. Всегда и не только в его время, но во время царствования Александра III, если Оболенский находился во дворце, то его приглашали интимно завтракать. После доклада государь чувствовал, что не пригласить завтракать неудобно, а пригласить, — пожалуй, достанется... Бедный государь... Какой маленький — великий благочестивейший самодержавнейший император Николай II!

Для того чтобы судить о настроении ближайшей свиты государя в эти октябрьские дни, достаточно привести следующий факт. Когда мы шли в октябрьские дни на пароходе в Петергоф (в течение всего этого времени железная дорога бастовала), на заседание с нами также ехал обер-гофмаршал двора генерал-адъютант граф Бенкендорф (брат нашего посла в Лондоне), человек неглупый, образованный, преданный государю и из числа культурных дворян, окружающих престол. Он, между прочим, передавал сопровождающему меня Вуичу свои соболезнования, что в данном случае жаль, что у их величества пятеро детей (4 великие княжны и бедный, говорят, премилый, мальчик — наследник Алексей), так как, если на днях придется покинуть Петергоф на корабле, чтобы искать пристанища за границей, то дети будут служить б о л ь ш и м п р е п я т с т в и е м.

Из вышеприведенной записки, бывшей на контрольном усмотрении государя-императора, видно, как составлялся манифест. Очевидно, он составлялся на скорую руку, и я до самого момента его подписания думал, что государь его не подпишет. Он бы его и не подписал, если бы не великий князь Николай Николаевич — мистик, сейчас же вслед за 17 октября обратившийся в обер-черносотенца. Один из редакторов манифеста, почтеннейший князь А. Д. Оболенский, как я после рассудил, был в состоянии неврастения. Он все-таки твердил мне, что манифест необходим, а через несколько дней после 17 октября пришел ко мне с заявлением, что его сочувствие и толкание к манифесту было одним из величайших грехов в его жизни. Теперь он, по-видимому, уравновесился и смотрит на вещи более здорово. Сам по себе он человек благородный и талантливый, но устойчивым равновесием Бог его мало наградил.

При возвращении из Петергофа в заседании на пароходе кто-то проговорился, и я в первый раз услышал фамилию Горемыкина. Кто-то сказал, что, вероятно, сегодня еще придется тому же пароходу, на котором мы ехали, везти из Петергофа Горемыкина. Как потом оказалось, его величество почти одновременно вел два заседания и совещания — одно при моем участии, а другое при участии Горемыкина.

Такой способ ведения дела меня весьма расстроил, я увидел, что его величество даже теперь не оставил свои «византийские» манеры, что он неспособен вести дело начистоту, а все стремится ходить

окольными путями, и так как он не обладает талантами ни Меттерниха, ни Талейрана, то этими обходными путями он всегда доходит до одной цели — лужи, в лучшем случае помоев, а в среднем случае — до лужи крови или окрашенной кровью.

Если сведение о Горемыкине, случайно дошедшее до меня на пароходе, меня взорвало, то, с другой стороны, оно меня и обрадовало, так как это дало мне основание уклониться от желания во что бы то ни стало поставить меня во главе правительства.

16-го днем я вызвал по телефону барона Фредерикса, министра двора, и ему, а равно дворцовому коменданту князю Енгальчеву (так как барон Фредерикс сам затруднялся говорить по телефону) говорил, что до меня дошли сведения, что в Петергофе происходят какие-то совещания с Горемыкиным и Будбергом и что предполагают изменять оставленный мною у его величества проект манифеста, что я, конечно, ничего против этих изменений не имею, но под одним условием, чтобы оставить мысль поставить меня во главе правительства; если же, несмотря на мое желание уклониться от этой чести, меня все-таки хотят назначить, то я прошу показать мне, какие изменения полагают сделать, хотя я остаюсь при мнении, что покуда никакого манифеста не нужно. На это мне барон Фредерикс ответил, что предполагается сделать только несколько редакционных изменений и что они надеются, что для выигрыша времени я не буду настаивать на том, чтобы мне показали предполагаемые изменения. Я ответил, что я все-таки прошу эти изменения мне показать. Мне ответили, что вечером барон Фредерикс будет у меня и мне изменения покажет. Вечером у меня были братья Оболенские — Алексей и Николай. Они сидели у жены. Барон Фредерикс все не приезжал.

Наконец, он приехал уже за полночь и вместе с директором своей канцелярии Мосоловым (женатым на сестре генерала Трепова). Мы, т. е. я, барон Фредерикс и его помощник князь Н. Оболенский, уселись, и разговор начался с того, что барон Фредерикс сказал, что он ошибся, передав мне, что в проекте манифеста сделаны лишь редакционные изменения, а что он изменен по существу, и мне предъявили оба проекта, с указанием на один из них, на котором остановились. Все эти экивоки, какая-то недостойная игра, тайные совещания, при моей усталости от поездки в Портсмут и болезненном состоянии, меня совсем вывели из равновесия. Я решил внутренне, что нужно с этим положением покончить, т. е. сделать все, чтобы меня оставили в покое. Поэтому я отверг предъявленные мне анонимные, кем-то тайно от меня составленные проекты манифеста. Они и по существу не могли быть приняты в предложенном виде. Если бы в это решающее на много лет судьбы России время вели дело честно, благородно, по-царски, то многие происшедшие недоразумения были бы избегнуты. При всей противоположности моих взглядов с взглядами Горемыкина и тенденциями балтийского канцеляриста барона

Будберга, если бы они были призваны открыто со мною обсуждать дело, то общее чувство ответственности, несомненно, привело бы нас к более или менее уравновешенному решению, но при игре в прятки, конечно, события шли толчками, и документы составлялись наскоро, без надлежащего хладнокровия и неторопливости, требуемых важностью предмета.

Что же касается других тайных советчиков и царской дворни — князя Орлова, князя Енгальчева и пр., — то с ними никакого разговора, конечно, ни я, ни другой серьезный человек вести не мог. Эти люди могут быть только домашними советчиками бедного императора Николая II. Я сделал все для того, чтобы меня оставили в покое. Я, с свойственно моему характеру резкостью, просил барона Фредерикса передать государю, что я неоднократно ему докладывал, что ныне не следует издавать манифеста, и вновь прошу доложить об этом моем мнении его величеству, но если его величество все-таки хочет манифест, то я не могу согласиться на манифесты, несогласные с моею программой, без утверждения коей я не могу принять на себя главенство в правительстве; что из всего я усматриваю, что государь мне не доверяет, поэтому он сделает большую ошибку, меня назначив на пост председателя, что ему следует назначить одного из тех лиц, с которыми он помимо меня совещается и которые составили предлагаемые проекты манифестов.

Все это я говорил таким тоном, что был уверен: после этого меня оставят в покое. Во время этого разговора, вследствие моего вопроса — знает ли обо всем происходящем генерал Трепов, так как я с ним ни о чем не говорил и видел его только раз, на заседании, которое было у меня, барон мне ответил, что они потому поздно и приехали, что засиделись у Трепова, читая ему все проекты. Причем барон Фредерикс теперь говорит, что будто бы он мне тогда говорил, что Трепов сделал какие-то замечания по поводу редакции манифеста. Ни я, ни князь Оболенский этого не помним; хотя, может быть, что-либо в этом роде он и сказал, но так как я отрицал необходимость манифеста в данный момент, а, с другой стороны, думал только о том, чтобы кончить эту игру в кага-каш¹, то на заявление барона Фредерикса о мнении Трепова я не обратил никакого внимания. Да мне были совершенно безразличны мнения Трепова о государственных вопросах. Мы расстались с бароном Фредериксом поздно ночью, часа в два, и расстались в довольно возбужденном состоянии.

Когда он уехал и я остался один, я начал молиться и просить Вышнего, чтобы Он меня вывел из этого сплетения трусости, слепоты, коварства и глупости. У меня была надежда, что после всего того, что я наговорил барону Фредериксу, меня оставят в покое.

¹ В прятки. — *Ред.*

На другой день я снова по вызову поехал в Петергоф. С парохода я прямо отправился к барону Фредериксу. Приезжаю и спрашиваю его: «Ну что, барон, передали все государю, как я вас об этом просил?» — «Передал», — ответил барон. — «Ну? И слава богу, меня оставят в покое». — «Нисколько, манифест будет подписан в редакции, вами представленной, и ваш доклад будет утвержден». — «Как же это случилось?» — «Вот как: утром я подробно передал государю наш ночной разговор; государь ничего не ответил, вероятно, ожидая приезда великого князя Николая Николаевича. Как только я вернулся к себе, приезжает великий князь. Я ему рассказываю все происшедшее и говорю ему: следует установить диктатуру, и ты (барон Фредерикс с великим князем был на ты) должен взять на себя диктаторство. Тогда великий князь вынимает из кармана револьвер и говорит: ты видишь этот револьвер, вот я сейчас пойду к государю и буду умолять его подписать манифест и программу графа Витте; или он подпишет, или я у него же пушу себе пулю в лоб из этого револьвера, — и с этими словами он от меня быстро ушел. Через некоторое время великий князь вернулся и передал мне повеление переписать в окончательный вид манифест и доклад и затем, когда вы приедете, привезти эти документы государю для подписи».

Это сообщение барона Фредерикса меня весьма озадачило, я понял, что выхода более нет.

Впоследствии генерал Мосолов, директор канцелярии министра двора, рассказывал мне следующее: «Утром после того, что мы были у вас, я пришел к барону, у него в это время находился великий князь Николай Николаевич. Великий князь спешно вышел от барона, тогда барон мне сказал: «Нет, я не вижу иного выхода, как принятие программы графа Витте, я все рассчитывал, что дело кончится диктатурой и что естественным диктатором является великий князь Николай Николаевич, так как он безусловно предан государю и казался мне безусловным. Сейчас я убедился, что я в нем ошибся, он слабодушный и неуравновешенный человек. Все от диктаторства и власти уклоняются, боятся, все потеряли головы, поневоле приходится сдать графу Витте». — Что произошло между бароном и великим князем, мне тогда барон не объяснил», — добавил генерал Мосолов.

Впоследствии он мне рассказывал, как великий князь, испугавшись, торопливо вырвал у государя манифест и заставил принять программу графа Витте. Под каким влиянием великий князь тогда действовал, мне было неизвестно. Мне было только совершенно известно, что великий князь не действовал под влиянием логики и разума, ибо он уже давно впал в спиритизм и, так сказать, свихнулся, а с другой стороны, по «нутру» своему представляет собою типичного носителя неограниченного самодержавия или, вернее говоря, самоволия, т. е. «хочу и баста».

Неудивительно поэтому, что уже через несколько недель после 17 октября я узнал, что великий князь находится в интимных отношениях с главою начинающей образовываться черносотенной партии, т. е. с пресловутым мазуриком Дубровиным, а затем он стал почти явно во главе этих революционеров правой. Они ни по приемам своим, ни по лозунгам (цель оправдывает средства) не отличаются от крайних революционеров слева, они отличаются от них только тем, что революционеры слева — люди, сбившиеся с пути, но принципиально большею частью люди честные, истинные герои, за ложные идеи жертвующие всем и своею жизнью, а черносотенцы преследуют в громадном большинстве случаев цели эгоистические, самые низкие, цели желудочные и карманные. Это типы лабазников и убийц из-за угла. Они готовы совершать убийства так же, как и революционеры левые, но последние большею частью сами идут на этот своего рода спорт, а черносотенцы нанимают убийц; их армия — это хулиганы самого низкого разряда. Благодаря влиянию великого князя Николая Николаевича и государь возлюбил после 17 октября больше всех черносотенцев, открыто провозглашая их как первых людей Российской империи, как образцы патриотизма, как национальную гордость. И это таких людей, во главе которых стоят герои вонючего рынка, Дубровин, граф Коновницын, иеромонах Иллиодор и проч., которых сторонятся и которым во всяком случае порядочные люди не дают руки.

Мне долго не было точно известно, что побудило великого князя так ревностно перед 17 октября стоять за тот переворот, который был совершен 17 октября; я был только убежден, что между прочим трусость и, во всяком случае, растерянность. Затем, уже более чем через год после этого события, поведение Николая Николаевича перед 17 октября мне объяснил П. Н. Дурново влиянием на него главы одной из рабочих партий Ушакова. Дурново ранее, нежели в моем министерстве стал министром внутренних дел, был все время товарищем министра при Сипягине, Плеве, Мирском и Булыгине и заведовал ближайшим образом почтами и телеграфом, а следовательно, и всей перлюстрацией, потому и знал многое, чего другие не знали.

Это сообщение Дурново меня крайне удивило, и так как Ушакова я знал (он был видным рабочим экспедиции заготовления государственных бумаг, когда я был министром финансов), то я начал его искать, нашел и просил ко мне зайти.

По возвращении моем из Америки в сентябре 1905 г. он с несколькими рабочими являлся меня поздравить, затем, во время событий октября 1905 г., он у меня не был, после 17 октября он несколько раз заходил хлопотать о рабочих экспедиции и об урегулировании им рабочей платы после общей забастовки рабочих, бывшей в Петербурге. В октябрьские дни Ушаков не пристал к партии анархической, руководившей всей забастовкой (Носарь, Троцкий и пр.), и образовал малочисленную партию, которая по тем временам счита-

лась крайне консервативной, а потому она преследовалась так называемым Советом рабочих, который в октябрьские дни держал в руках взбунтовавшихся рабочих на всех почти фабриках.

Совет же рабочих состоял преимущественно из анархистов-революционеров. Когда в 1907 г. пришел ко мне Ушаков, то я его спросил, правда ли, что в октябре 1905 г. это он повлиял на великого князя Николая Николаевича, чтобы он настаивал на немедленном введении конституции. Ушаков мне ответил, что это действительно так было; тогда я его попросил написать мне, как именно это происходило и кем он был побужден к такой роли.

Вследствие моей просьбы он мне на другой день представил записку, которая хранится в моем архиве. Сущность записки заключается в том, что он в октябрьские дни и до этого времени вел борьбу, имея за собою некоторую часть рабочих, с революционным рабочим движением, во главе которого стоял Носарь (Хрусталева), что его ввел к Николаю Николаевичу некий Нарышкин, с которым его познакомил князь Андроников, что это было накануне 17 октября и что он убеждал великого князя, чтобы государь дал конституцию, как необходимую меру, чтобы выйти из тяжелого положения. Князь Андроников — это личность, которую я до сих пор не понимаю; одно понятно, что это дрянная личность. Он не занимает никакого положения, имеет маленькие средства, неглупый, сыщик не сыщик, плут не плут, а к порядочным личностям, несмотря на свое княжеское достоинство, причислиться не может. Он не кончил курса в Пажеском корпусе, хорошо знает языки, но малого образования. Он вечно занимается мелкими политическими делами, влезает ко всем министрам, великим князьям, к различным общественным деятелям, постоянно о чем-то хлопочет, интригует, ссорит между собой людей, что доставляет ему истинное удовольствие, оказывает нужным ему людям мелкие услуги; конечно, он ухаживает лишь за теми, кто в силе или в моде и которые ему иногда открывают к себе двери. Это какой-то политический мелкий интриган из любви к искусству.

Нарышкин — это не из тех настоящих Нарышкиных, за одним из братьев коих замужем моя дочь, с этими Нарышкиными он не имеет ничего общего. По существу, это дворянский «jeune premier»¹, промотавший свое состояние, ничего в жизни не делавший, человек петербургского общества, спортсмен-охотник, и по охоте компаньон, а потому и близкий Николаю Николаевичу. Он повлиял и ввел Ушакова к великому князю. Очень может быть, что его познакомил с Ушаковым всюду проникающий князь Андроников. Впрочем, в это время даже умные люди, прожившие деловую жизнь, теряли голову; а тем, у которых головы никогда не было, ее и терять было не нужно.

¹ «Первый любовник», «светский лев». — *Ред.*

В совещаниях с государем, о которых говорится в вышеприведенной справке, я, конечно, более или менее подробно высказывал свои суждения, но старался быть возможно объективнее, дабы не повлиять односторонне на его величество. Во всех моих суждениях я подробно развивал мысли, изложенные в вышеприведенном докладе, опубликованном 17 октября вместе с манифестом, и все высказывал, что мысли эти составляли мое убеждение, к которому я пришел после обильного государственного опыта, в котором пребываю донныне и с которым умру, но что все-таки это есть мое субъективное убеждение, что есть и другие мнения, а потому постоянно говорил и советовал его величеству выслушать тех, которые держатся других взглядов. В особенности я обращал внимание на мысль об учреждении диктатуры. Что касается манифеста, то я не считал удобным издавать какой бы то ни было манифест, настоятельно рекомендуя только твердо утвердить мой всеподданнейший доклад («быть по сему», «утверждаю» — или что-либо равносильное), но когда вопреки моему совету непременно пожелали немедленно издать манифест и когда за моей спиной начали фабриковать манифесты, то вопреки моему желанию был спешно составлен манифест (Вуичем и князем А. Д. Оболенским), и я настаивал, что если непременно хотят манифест, то я не могу допустить иного манифеста, кроме того, который я поднес. Несомненно, что по крайней спешности, взбаламученности, манифест явился не в совсем определенной редакции, а главным, неожиданно.

Провинция, находившаяся в возбужденном состоянии, с неожиданным появлением манифеста в некоторых местах, где власти были трусливы, сразу пришла в горячку. В некоторых местах крайние манифестации в одном направлении вызвали манифестации с противоположной стороны. В иных местах эти реакционные манифестации, иногда связанные с погромами, конечно, «жидов», были если не организованы, то поощряемы местным начальством. Таким образом, манифест 17 октября по обстановке, в которой он появлялся, отчасти способствовал многим, беспорядкам, вследствие своей неожиданности и растерянности на местах. Этого именно я и боялся, вследствие чего, между прочим, я высказался против манифеста. Кроме того, манифест наложил печать спешности на все остальные действия правительства, так как, предрешив и установив принципы, он, конечно, не мог установить подробности даже в крупных чертах. Пришлось все вырабатывать спешно, при полном шатании мысли как наверху, так и в обществе.

Конечно, всем этим весьма воспользовалась анархия для своих революционных целей; она сбила с толку многих темных людей, даже более темные массы. Это содействовало революции, которая готовилась уже многие годы и которая вырвалась наружу благодаря преступной и бессмысленной войне, показавшей всю ничтожность государственного управления. Кто виноват в этой войне? В сущности, никто, ибо единственно кто виноват, это и самодержавный и неограниченный император Николай II. Он же не может быть признан

виновным, ибо он не только, как самодержавный помазанник Божий, ответственен лишь перед Всевышним, но, кроме того, с точки зрения новейших принципов уголовного права, он не может быть ответственен, как человек, если не совсем, то, во всяком случае, в значительной степени, невменяемый.

Таким образом, нельзя не признать, что, с точки зрения логики, манифест 17 октября был актом, подлежащим порицанию; но, с другой стороны, последующие события дают полное оправдание манифесту 17 октября.

Действительно, манифест 17 октября в редакции, на которой я настаивал, отрезает вчера от сегодня, прошедшее от будущего. Можно и должно было не спешить с этой исторической операцией, сделать ее более осторожно, более антисептически, но операция эта, по моему убеждению, немного раньше или немного позже, была необходима. Это неизбежный ход истории, прогресса бытия.

Между тем события после 17 октября очевидно показали, что если бы вороны не попугались, то и не оставили бы тот живой организм, с которым их клювы часто обращались, как с падалью, и это даже вошло как бы в привычку при дворцовой высшей челяди, что развращало самого помазанника, когда таковой не мог стоять на своих ногах, жить своим разумом, своими чувствами, а главное, не отступать от того, что на сем свете признано благородными людьми считать честным.

Когда громкие фразы, честность и благородство существуют только напоказ, так сказать, для царских выходов и приемов, а внутри души лежит мелкое коварство, ребяческая хитрость, пугливая лживость, а в верхнем этаже не буря, даже не ветер, а сквозные ветерочки из дверей, которые обыкновенно в хороших домах плотно припираются, то, конечно, кроме развала ничего ожидать нельзя от неограниченного самодержавного правления. При такой обстановке несомненно, что если бы не было 17 октября, то, конечно, оно в конце концов произошло бы, но при значительно больших несчастьях, крови и крушениях. Поэтому, хотя я не советовал издавать манифеста 17 октября, тем не менее, слава богу, что он совершился. Лучше было отрезать, хотя не совсем ровно и поспешно, нежели пилить тупую, кривую пилу, находящейся в руке ничтожного, а потому бесчувственного оператора, тело русского народа.

В течение всех октябрьских дней государь, когда я был с ним, казался совершенно спокойным. Я не думаю, чтобы он боялся, но он был совсем растерян, иначе при его политических вкусах, конечно, он не пошел бы на конституцию.

Государь по натуре индифферент-оптимист. Такие лица ощущают чувство страха только, когда гроза перед глазами, и как только она отодвигается за ближайшую дверь, оно мигом проходит. Их чувство притуплено для явлений, происходящих на самом близком расстоянии пространства или времени. Мне думается, что государь в те дни

искал опоры в силе, он не нашел никого из числа поклонников силы — все струсил, а потому сам желал манифеста, боясь, что иначе он совсем стухнет. Кроме того, в глубине души не может быть, чтобы он не чувствовал, что главный, если не единственный, виновник позорнейшей и глупейшей войны это — он; вероятно, он инстинктивно боялся последствий этого кровавого мальчуганства из-за угла (ведь, сидя у себя в золотой тюрьме, ух, как мы храбры...), а потому как бы искал в манифесте род снискания снисхождения или примирения. Когда 17-го утром, после свидания его величества с великим князем Николаем Николаевичем, великий князь, барон Фредерикс и я пришли к нему и поднесли для подписи манифест и для утверждения мой доклад, то он, обратившись ко мне, сказал, что решил подписать манифест и утвердить доклад.

Затем он сел у стола, ранее вставши, чтобы перекреститься, а потом подписал манифест и доклад. Это происходило в его маленьком дворце (который был построен, когда он еще был наследником и в котором он всегда жил) в Петергофе на берегу моря, в его кабинете, не у стола, стоящего на возвышенности, где он принимает доклады, а на столе, на котором он занимается, стоящем в середине комнаты.

В октябрьские дни (т. е. с 6 по 17) великие князья, кроме Николая Николаевича, по-видимому, не видали государя. Императрица Мария Федоровна была в Дании. 15-го граф Ламздорф мне говорил, что наш посланник в Дании едет в Петербург из Копенгагена с каким-то поручением. Затем, 18 или 19, был у меня Извольский, расспрашивал о 17 октября и сказал мне, что он приехал сюда из Копенгагена с поручением от Марии Федоровны передать его величеству, что, по мнению императрицы, нужно дать конституцию, но что он опоздал. То же мне затем передавал граф Ламздорф, но я не знаю, передавал ли будущий министр иностранных дел государю о своем поручении или нет.

Тогда я не обратил на это никакого внимания; мне было не до того. Я, кажется, даже забыл отослать свою карточку Извольскому. Императрица Мария Федоровна вернулась значительно позже 17 октября. После ее приезда я у нее был в Гатчине. Она по обыкновению меня приняла очень ласково, что имело место всегда после смерти императора Александра III. Это был последний раз (до настоящего времени), когда я наедине довольно долго с ней говорил. Относительно 17 октября она мне сказала, что в Петергофе ей сказали, будто манифест был вырван. Я ей доложил, как было дело. Относительно настоящего и будущего положения дел я ей объяснил, что положение очень серьезное, море бушует, и нужно много хладнокровия, выдержки и твердости, чтобы море успокоилось, причем я ей высказал, что, как это обнаруживается с каждым днем все более и более, я управлять страной не могу.

Государем владеет Трепов; он, Трепов, а не государь пишет мне резолюции. Государь уже мне не доверяет. При таком направлении дел ничего, кроме постоянной чепухи, происходить не может. Или пусть

государь мне доверяет, или пусть передаст власть Трепову или тому, кому он доверяет, а таким образом невозможно вести дело. На это императрица мне буквально ответила следующее: «Вы хотите сказать, что государь не имеет ни воли, ни характера — это верно, но ведь в случае чего-либо его заменит Миша (великий князь Михаил Александрович). Я знаю, что вы Мишу очень любите, но поверьте мне, что он имеет еще менее воли и характера». Я на это ответил: «Вы, может быть, правы, но от этого не легче». Не знаю, передала ли императрица-мать своему августейшему сыну настоящий разговор? Думаю, что да.

В октябрьские дни, во время свиданий с его величеством, перечисленных в вышеприведенной высочайше подтвержденной справке, я имел случай высказать довольно много мыслей по собственной инициативе, или же вследствие вопросов или суждений, высказанных присутствующими. Когда я докладывал в присутствии императрицы Александры Федоровны, она не выронила ни одного слова, сидела, как автомат, и по обыкновению краснела, как рак.

Во время этих свиданий я, между прочим, высказал следующее мнение. Люди созданы так, что стремятся к свободе и к самоуправлению. Хорошо ли это для человечества вообще или для данной нации в частности, это вопрос с точки зрения практики государственного управления довольно праздный, как, например, праздный вопрос — хорошо ли, что человек до известного возраста растет, или нет? Если вовремя не давать разумные свободы, то они сами себе пробьют пути. Россия представляет страну, в которой все реформы по установлению разумной свободы и гражданственности запоздали и все болезненные явления происходят от этой коренной причины. Покуда не было несчастной войны, прежний режим держался, хотя в последние годы перед войной он уже претерпевал потрясения; несчастная война пошатнула главное основание того режима — силу и, особенно, престиж силы, сознание силы.

Теперь нет выхода без крупных преобразований, могущих привлечь на сторону власти большинство общественных сил. Тем не менее я не советовал действовать скоропалительно, но принять твердые решения и затем от них не отступать и дать убеждение России, что принятые решения бесповоротны. Я говорил государю, что будет хуже всего, если он примет какое-либо решение вопреки своему убеждению или инстинкту, ибо решение это не будет прочно.

Высказывая самым определенным образом свои убеждения, резюмированные в опубликованном 17 октября моем всеподданнейшем докладе, высочайше утвержденном, я вместе с тем многократно повторял, что я, может быть, ошибаюсь, а потому усиленно советовал обратиться к другим государственным деятелям, которым государь доверяет, но, конечно, я не посоветовал это делать исподтишка, по секрету, а в особенности не посоветовал бы совещаться с такими ничтожествами, как Горемыкин, Будберг не говоря уже о царедворственных лакеях по призванию (так душа создана). Зная, что его ве-

личество не обладает способностью понимать реальную сложную обстановку, я в особенности указывал на то, что положение так болезненно, что на скорое успокоение рассчитывать невозможно, какое бы решение ни принять. Когда я видел, что его величество желает (*faute de mieux*¹) возложить все бремя власти на меня, я счел нужным выяснить ему положение вещей следующим примером:

«Приходится переплыть разбушевавшийся океан. Вам советует одно лицо взять такой-то курс и сесть на такой-то пароход, другое лицо — другой курс и другой пароход, третье — третий и т. д. На какой бы вы пароход ни сели и какой бы вы курс ни взяли — переплыть океан без некоторой опасности, а в особенности без больших аварий будет невозможно. Я уверен, что мой пароход и мой курс будут менее опасными и во всяком случае, с точки зрения будущего России, наиболее целесообразными.

Но если вы решитесь поехать на моем пароходе и взять мой курс, то вот что произойдет, ваше величество. Когда мы отойдем от берега, начнет качать, затем будут ежедневные аварии: то что-либо в машине сломается, то те или другие палубные части будет сносить, то снесет тех или других спутников и тогда вам сейчас же начнут говорить — вот, если бы вы поехали на другом пароходе, то этого не было бы, если бы вы взяли другой курс, то этого не случилось бы и проч., и проч.

Так как подобные утверждения проверять нельзя, то всему можно поверить, и тогда начнутся сомнения, дергания, интриги и все это для меня, несомненно, а главное, для дела кончится очень плохо...»

Государь это выслушал и показывал, что мне верит, но, конечно, то, что я предвидел, и случилось. Что же касается уверений государя, то я уже тогда знал, что ему вообще нельзя верить. Он сам себе не должен верить, ибо человек без направлений сам не может направиться, его направляют ветры и, к сожалению, большею частью даже из нехороших источников. Я счел необходимым и нравственно себя обязанным указать государю еще на следующее весьма важное обстоятельство, хотя по понятной причине мне было это тяжело высказать моему государю, которого я знал с юности, которому служил с первого дня его царствования и который есть сын того императора, перед памятью которого я молитвенно преклоняюсь.

Я обратил внимание его на то, что все мы живем под Богом; если, чего Боже сохрани, с ним что-нибудь случится, то останется младенец император и регент Михаил Александрович, совсем к управлению не подготовленный. Россия после Бирона не знала регентов; и это может произойти во время самой глубокой революции — не так еще действий, как духа России. Положение сделается для династии совершенно безвыходным. Ввиду этого необходимо, чтобы режим управления оперся на широкую платформу, на платформу русского

¹ За неимением лучшего. — *Ред.*

общественного сознания, хотя бы со всеми недостатками, присущими сознанию толпы, в особенности малокультурной. Я говорил, что лучше воспользоваться хотя и неудобной гаванью, но выждать бурю в гавани, нежели в бушующем океане на полугнилом корабле.

После подписания 17 октября манифеста и утверждения моего доклада мы сели на пароход и пошли обратно в Петербург, куда вернулись к обеду. Ехал великий князь Николай Николаевич, барон Фредерикс, я, князь Оболенский и Вуич... Великий князь был в хорошем расположении духа, тоже и барон Фредерикс, который, впрочем, лишен способности понимать что-либо мышлением. Князь Оболенский был в восторженно-невменяемом расположении. В последние дни перед 17-м он неотступно ходил за мною, уверяя, что все потянуло, если немедленно не последует манифест, что не помешало ему через несколько дней после подписания манифеста, когда все поуспокоилось и страх в нем несколько улегся, заявить мне, что самый большой грех его жизни, который он никогда себе не простит, это то, что он так настаивал передо мною на манифесте.

Теперь в Виши, тому назад две недели, П. Н. Дурново мне говорил, что будто именно князь Оболенский устроил свидание великого князя Николая Николаевича с Ушаковым и что он ему как будто хвастал, что благодаря ему последовал манифест, и это он устроил через Нарышкина. Я этому не поверил, а потому не зная, насколько это верно, думаю, что скорее это было маленькое хвастовство. Одно несомненно, что князь Алексей Дмитриевич Оболенский — мелкий человек, либеральный дворянин, философ училища правоведения.

Великий князь, обратившись ко мне, сказал: «Сегодня 17-е — это знаменательное число. Второй раз в это число спасается императорская семья (Борки)». Привожу этот эпизод лишь для характеристики настроения. Я же был совсем не в радужном настроении. Я отлично понимал, что придется много испытать, главное же, зная государя, я предчувствовал, что он и в без того трудное положение внесет еще большие трудности, и в конце концов я должен буду с ним расстаться.

В Петербурге все ждали, чем это все кончится.

Знали, что ведутся какие-то переговоры со мною и с другими лицами, что идет какая-то борьба, и ждали, чья сторона возьмет верх: граф Витте — что представляло синоним либеральных реформ, или появится последний приступ мракобесия, который на этот раз, как того с нетерпением ожидали все революционеры, совсем свалит царствующий дом. Надежды эти были весьма основательны, так как царь возбуждал или чувство отвращения, злобы, или чувство жалостного равнодушия, если не презрения; великие князья были совсем или скомпрометированы, или безавторитетны; правительство, не имея ни войска, ни денег и не имея способности справиться с общим недовольством и бунтами, окончательно растерялось.

Вечером знали о манифесте 17 октября не только в Петербурге, но и в провинциях. Такого крупного шага не ожидали. Все инстинктивно почувствовали, что произошел вдруг «перелом» России XX столетия, но «перелом» плоти, а не духа, ибо дух может лишь погаснуть, а не переломиться. Сразу манифест всех ошеломил. Все истинно просвещенные, не озлобленные и не потерявшие веру в политическую честность верхов поняли, что обществу дано сразу все, о чем оно так долго хлопотало и добивалось, в жертву чего было принесено столь много благородных жизней начиная с декабристов. Озлобленные, неуравновешенные и потерявшие веру в самодержавие считали, что вместе с режимом должны быть свалены и его высшие носители и, конечно, прежде всего самодержец, принесший своими личными качествами столько вреда России. Действительно, он Россию разорил и сдернул с пьедестала и все только благодаря своей «царской ничтожности».

Многие побуждались к сему соображением, что он сдался, испугавшись, а как только его немного укрепят, он на все начнет (что, между прочим, он проделал и со мной) и всему даст другое толкование: я, мол, пошутил, или меня обманули, — или найдет самые разнообразные толкования в Монблане русских законов и будет давать в каждом данном случае желательное поданному времени направление. А ведь лишь бы царь пожелал плавать в этом болоте лжи и коварства, а охотников с ним в этом болоте полоскаться всегда найдутся сотни, если не тысячи. Многие, если не все, инородцы, которые так много натерпелись от различных мер, против них направленных, начиная с последних годов царствования императора Александра II и затем усилившихся в царствование императора Александра III и уже без удержки применявшихся в безумное царствование императора Николая II, конечно, были рады несчастьям России.

Они с значительным увлечением, всегда присущим смутным временам, ждали своего рода освобождения от «русско-монгольского» ига. Всякая молодежь всегда склонна к увлечениям. Русская молодежь к сему была особенно склонна, отчасти из-за общей атмосферы малокультурной. России, отчасти из-за тех принципов общего управления, из-за всей административно-государственной жизни, в атмосфере которой она жила.

Принципы не соответствовали, однако, тем культурным прогрессивным идеям, которым ее учили в школах, в особенности в высших, и которые проповедовались печатно, хотя в сдержанно-цензурных формах, массою писателей. Многие из них временно гремели не столько благодаря своим талантам, сколько благодаря тем прогрессивным, бегающим идеям, которые они проповедовали.

Достаточно вспомнить, что в так называемые писаревские времена (60—70-е годы) Пушкин был выкинут в сор, а Некрасов поднят на поэтический пьедестал, главным образом не из-за поэзии, а за политические претензии, в его стихах содержащиеся.

Вся русская молодежь уже во времена министра внутренних дел

Горемыкина кипела, и с тех пор, т. е. в течение 11 лет, кипение это все более и более усиливалось и дошло во времена Булыгина — Трепова до безумного бурления. А ведь молодежь, а в особенности университетская, более чем кто-либо способна на всякие эксцессы, на восприятие всяких умственных и духовных болезненных эпидемий.

Что собственно представляет собою молодежь? Ведь это зеркало, часто дающее преувеличенные, но все-таки в общем верные изображения духовного состояния общества, т. е. мыслящей России. Для того, для которого это представляет несомненную истину, достаточно изучить жизнь высших школ за время царствования императора Николая II, чтобы понять, что все назрело для того, чтобы даже при малейшей неосторожности нарыв лопнул. А тут вышла не неосторожность, а из ряда вон выходящее мальчишеское безумие — Японская война, несомненно, нами вызванная.

Замечательно, что главным образом во время войны кипение в высших учебных заведениях заразило почти все средние учебные заведения и не только мужские, но и женские. Вся молодежь сыграла громадную роль в так называемых беспорядках, предшествующих 17 октября. 17 октября произвело одновременно перелом в обществе, а потому и в молодежи, но, конечно, в октябрьские дни молодежь находилась, если можно так выразиться, в революционном недоумении; а так как молодежи внушали: «не верьте, 17 октября есть не что иное, как маневр», то естественно, что молодежь находилась в полном революционном недоумении, бросаясь то к гимну «Боже, царя храни», то в огромном большинстве случаев к русской марсельезе.

Громадную роль в событиях 17 октября и в последующее время сыграли социалистические идеи в различных видах и формах, отрицающие и колеблющие право собственности по принципам римского права, мысли Толстого, учение Маркса и, наконец, просто «экспроприации» или грабеж под фирмой «анархического социализма». Эти социалистические идеи вообще сделали большие завоевания в Европе и в последнее полувековье нашли себе отличную ниву в России вследствие неуважения прав вообще и, в частности, права собственности со стороны властей и малой культуры населения.

Когда революционеры начали сулить рабочим фабрики, а крестьянам барскую землю, и доказывать им, что в сущности это им и принадлежит, а только неправильно от них отнято, то понятно, что рабочие были охвачены дикими забастовками, а крестьяне «красным петухом» или, по преступному ораторскому изречению Герценштейна в первой Государственной думе, «иллюминациями» (даже с ораторской точки зрения это только плагиат из речи одного из ораторов в эпоху Французской революции). Эти явления весьма содействовали революционным вспышкам после 17-го октября в течение первых трех — четырех месяцев.

НЕПОДКУПНЫЙ ЧЕСТОЛЮБЕЦ, ФИНАНСОВЫЙ ВИРТУОЗ, КОРОЛЬ ВСЕХ ДИПЛОМАТОВ

Он хотел спасти, а ему только удалось несколько отсрочить гибель; он хотел гармонии, тишины и добровольного повиновения в такую эпоху и в такой стране, где и когда социальная борьба не могла не возгореться особенно ярким пламенем...

Е.В. Тарле

Эпитеты, вынесенные в заголовок этой статьи, адресованы автору публикуемых воспоминаний. Сергей Юльевич Витте — одна из самых неоднозначных и противоречивых фигур в российской политике на рубеже XIX—XX вв. Достаточно сказать, что в зените своей государственной карьеры он был нещадно критикуем и справа, и слева, причем если для патриотов-традиционалистов он был ярым либералом и даже чуть ли не революционером, то настоящие революционеры видели в авторе Манифеста 17 октября душителя свободы и лютейшего врага. Нетривиальна, по-своему противоречива и биография графа Витте. Обладая нерусской фамилией, он происходил из патриархальной по-православному устроенной русской семьи. Мать государственного деятеля Екатерина Андреевна Фадеева была дочерью саратовского губернатора, тайного советника А.М. Фадеева, столбового дворянина и потомственного офицера. По материнской линии Фадеевы приходились близкими родственниками княжескому роду Долгоруких, о чем любил вспоминать сам С.Ю. Витте, не чуждый определенного аристократического тщеславия. В то же время, судя по его же собственным рассказам, род Фадеевых был отмечен некоей печатью вырождения. Так, например, родной дядя политика Ростислав Андреевич Фадеев, изгнанный из кадетского корпуса за оскорбление воспитателя, любил в юности прогуливаться нагишом по улицам Саратова, главным городе губернии, где главенствовал его батюшка. Впоследствии Р.А. Фадеев стал весьма достойным человеком, храбро сражался на Кавказе, а затем активно занимался публицистикой, отстаивая славянофильские и почвеннические идеалы. Однако всегда отличался некоторой взбалмошностью и поверхностью суждений. Другие отпрыски этой же семьи — выдающаяся авантюристка международного масштаба и религиозная шарлатанка Е.П. Блаватская, писательница-фантастка и поклонница магии В.П. Желиховская, обе — внучки А.М. Фадеева и двоюродные сестры самого С.Ю. Витте. По отцовской линии Сергей Юльевич был потомком голландско-немецких колонистов в Прибалтике. Семья его отца, Юлия Федоровича Витте, получила потомственное российское дворянство уже в царствование Николая I. В православие Ю.Ф. Витте перешел, будучи взрослым человеком, накануне своей женитьбы на дочери саратовского губернатора.

Воспитание С.Ю. Витте проходило в семье его деда по матери, ставшего в 1846 г. членом совета главного управления Закавказского края и проживавшего в Тифлисе. Поэтому главные детские воспоминания будущего государственного деятеля связаны именно с Кавказом. Школьные годы Витте провел уже в Кишиневе, где он окончил Первую гимназию. По собственным словам, его детство и юность протекали под мощным воздействием традиционной русской системы воспитания, принятой в дворянских семьях. Характерными ее чертами были органический монархизм, религиозность, широкий кругозор в области гуманитарных дисциплин и искусств. В молодости на складывание основных мировоззренческих взглядов С.Ю. Витте огромное влияние оказал его дядя-славянофил Р.А. Фадеев. Градус благонамеренности Сергея Юльевича был настолько высок, что после убийства Александра II Витте вступил в «Священную дружину» — подпольную монархическую организацию, ставившую своей целью борьбу с революционным движением террористическими методами, но реально никакой борьбы не организовавшую. Позднее Витте признавался, что это был редчайший случай в его жизни, когда он так сильно поддался эмоциональному порыву.

В 1866—1870 гг. С.Ю. Витте обучался на физико-математическом факультете Новороссийского университета в Одессе. Выбор факультета был не случаен, склонность к математике потомок князей Долгоруких почувствовал еще в гимназии. Университетские преподаватели прочили ему блестящую научную будущность, но ученые степени, видимо не могли утолить его жажду деятельности и не соответствовали его честолюбию. Характерно, что в «Воспоминаниях» решение не оставаться в университете в качестве преподавателя приписывается семье, недовольной выбором Сергея. Будучи уже кандидатом физико-математических наук Витте поступает служащим на казенную Одесскую железную дорогу, причем начинает свою профессиональную деятельность с должности билетного кассира. В короткий срок он сделал завидную карьеру, за полгода дослужившись до начальника службы эксплуатации, хотя не обошлось и без протекции влиятельных родственников. Здесь несостоявшийся ученый нашел применение и своим незаурядным математическим способностям, и организаторскому таланту. Выдающихся успехов С.Ю. Витте достиг в деле тарифной политики и способствовал резкому увеличению доходности железнодорожных перевозок. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Витте отличился в связи с организацией успешной и быстрой переброски войск по железной дороге, был замечен Александром II. С 1879 по 1888 гг. он служил на частной железной дороге, в конце своей коммерческой карьеры занимал пост управляющего «Общества Юго-Западных железных дорог» с фантастическим для того времени жалованьем в 50 тыс. руб. в год. Но деньги не играли для Витте определяющей роли. Его манили совсем другие вершины, и поэтому когда в 1889 г. ему по инициативе самого царя был предложен пост начальника Департамента железнодорожных дел (при Министерстве финансов) с жалованьем в три раза меньшим, он, недолго раздумывая, оставляет частные железные дороги. Из нескольких источников известно, что император Александр III проникся к С.Ю. Витте особым доверием после того, как тот не позволил на своем участке чрезмерно разгонять царский поезд, и впоследствии уже в другом месте августейшее семейство оказалось на волоске от гибели именно по причине превышения скорости поезда.

Находясь на службе в транспортном ведомстве С.Ю. Витте активно инте-

решовался вопросами государственных финансов, макроэкономическими проблемами. В том же 1889 г. вышла в свет его экономическая работа «Национальная экономия и Фридрих Лист», опубликованная на деньги автора. В этой книге он раскритиковал вненациональный поход в экономической политике современной ему России. «Мы, русские, в области политической экономии, конечно, шли на буксире Запада, а потому при царствовавшем в России в последние десятилетия беспочвенном космополитизме нет ничего удивительного, что у нас значение законов политической экономии и житейское их понимание приняли нелепое направление. Наши экономисты возымели мысль кроить экономическую жизнь Российской империи по рецептам космополитической экономии. Результаты этой кройки налицо»¹. Вряд ли государь Александр Александрович открывал эту книгу, но свои причины обратить внимание на экономические взгляды молодого амбициозного чиновника у него, видимо, имелись. В 1891 г. при непосредственном участии С.Ю. Витте был принят новый таможенный тариф, открывавший новую эру в российском протекционизме. Примечательно, что к разработке этого тарифа по предложению Витте был привлечен гениальный русский ученый Д.И. Менделеев. В данном факте отразилась еще одна характерная черта этого великого государственного деятеля — находить и привлекать незаменимых на своем месте людей. Пробыв всего полгода в должности министра путей сообщения (1892) С.Ю. Витте реформировал систему железнодорожных тарифов и отладил всю систему железнодорожных грузовых перевозок, сделав ее практически бесперебойной. В том же году он был утвержден в должности министра финансов, фактически же Витте стал руководителем всей экономической политики России.

Главной целью С.Ю. Витте на этом посту была скорейшая индустриализация России, ее выход в разряд стран-лидеров промышленного развития в мире. Именно для этого были необходимы меры финансового оздоровления, реализованные им: винная монополия (1895), введение золотого рубля (1897), реформа промышленного налогообложения (1898) и др. Также он был одним из главных авторов проекта сооружения Транссибирской магистрали. Вообще одна из главных заслуг Витте — резкое ускорение железнодорожного строительства (общая их протяженность за годы его министерства увеличилась в два раза), благодаря чему сеть основных железных дорог в России была фактически готова до начала первой мировой войны. Сознательные усилия Витте в качестве министра финансов привели к общему увеличению роли государства в экономике.

Возвышение этого государственного деятеля имело своей причиной расположение монарха; Александр III открыто благоволил талантливому управленцу и экономисту. Но даже императорская милость не могла оградить Витте от недоброжелательства со стороны придворных кругов. Несмотря на свое дворянское происхождение он был для высшего света Петербурга выскочкой. Непрочность позиций Витте в Петербурге усугублялась специфической его личной жизни. В 1890 г. умерла его первая жена. В 1892 г. Витте женится на разведенной еврейке, что было из ряда вон выходящим случаем в придворной жизни того времени; нелишним будет добавить, что первая же-

¹ Цитата по: *Корелин А.П., Степанов С.А.* С.Ю.Витте — финансист, политик, дипломат (Портреты). — М.: Терра, 1998.

на Витте тоже была разведенной. Его положение в свете и при дворе еще более ухудшилось со смертью Александра III. Новый царь не просто лично не доверял Витте, но и считал его деятельность вредной для России. И все-таки авторитет и вес министра в российских и международных финансовых кругах был настолько велик, что Николай II только в 1903 г. на фоне тяжелого экономического кризиса решился на фактическое удаление Витте от финансовых дел. Взамен Сергей Юльевич получил декоративный (на тот момент) пост председателя комитета министров. Однако все-таки главный успех его политической деятельности был еще впереди. В 1904 г. вопреки предупреждениям С.Ю. Витте Россия была втянута в войну с молодым империалистическим хищником — Японией. Тяжелый и в военном, и в экономическом отношении конфликт окончился для нашей страны поражением, неожиданным для многих. Дипломатическое урегулирование конфликта летом 1905 г. было возложено на человека, всю жизнь занимавшегося железными дорогами и финансами. Однако выбор был сделан совершенно правильный, на русско-японских переговорах Витте сумел добиться для России минимальных уступок и потерь. Она отказывалась от влияния в Корее, на Ляодунском полуострове (где находился Порт-Артур), теряла южную половину острова Сахалин. Признанием дипломатического успеха Сергея Юльевича стало дарование ему Николаем II графского титула. Однако придворные остроловы зло высмеяли эту награду, прозвав Витте графом Полусахалинским.

Предреволюционная эпоха в России, вообще очень не здоровая по своему духовному заряду, была отмечена господством двух типов людей — склонных к мистицизму фаталистов и абсолютных прагматиков, чуждых сантиментов и эмоций. Витте, несомненно, принадлежал ко второй категории. Тем не менее, многие факты его жизни потрясают своей эмоциональностью. Когда Витте возглавлял российскую делегацию на переговорах с Японией в Портсмуте, он буквально покорила американскую публику не только тактом и профессионализмом в контактах с местными деловыми кругами, но и своей душевностью, демократическим стилем общения. Так, Витте требует, что переговоры велись в открытом для прессы режиме, по-товарищески пожимает руки американским машинистам, открыто ездит по Нью-Йорку, тепло общается с людьми на улице, целует детей и проч. Возникает, казалось бы, необъяснимый контраст с образом сухого менеджера. На самом деле недоумение разрешается просто. Витте очень хорошо прочувствовал страну, где он находился и от общественного мнения которой так много зависело в этих переговорах. Поистине Сергей Юльевич еще в начале XX столетия задолго до современных PR-технологий в совершенстве владел искусством обобщать общество. Именно тогда американские газеты назвали Витте королем всех дипломатов.

С.Ю. Витте способствовал урегулированию и внутривнутриполитических проблем. В 1906 г. он сумел договориться с Францией о выделении России крупного займа, фактически спасшего страну от банкротства. Но самое главное — инициатива Витте при составлении текста Манифеста 17 октября 1905 г., после того, как стала очевидной несостоятельность булыгинского проекта. Либеральный дух утвержденного Манифеста с широким набором гражданских и политических свобод был абсолютно чужд Витте, но в условиях нарастающего революционного кризиса этот политик сумел найти оптимальный выход из создавшегося положения. По его же предложению появляется Совет министров как единый правительственный орган, направляющий и ко-

ординирующий деятельность отдельных министерств. Сам Витте пробыл председателем Совета министров лишь полгода — до апреля 1906 г., успев до своего ухода подготовить ряд экономических реформ, предназначенных для скорейшего перехода российской экономики к капиталистическим основам хозяйствования. Эти реформы начал осуществлять уже П.А. Столыпин, впрочем, также не поспевший с их окончательным воплощением. В целом же государственная деятельность Витте знаменует собой целую эпоху в истории России. Его работу можно было бы назвать блестящей, если бы в конечном итоге нашей стране удалось бы избежать ужасов и крови революции. В публикуемых «Воспоминаниях» неоднократно можно встретить очевидные попытки автора оправдаться, априори снять с себя возможные обвинения в ошибочных действиях, например, при описании событий того же 1905 года.

Не нужно знать обстоятельств написания и первой публикации «Воспоминаний», чтобы по прочтении сделать вывод — Витте с самого момента создания не планировал печатать их в России при Николае II, настолько нелицеприятна здесь критика режима, настолько резка оценка ошибок последнего царя. Большинство исследователей справедливо обвиняют «Воспоминания» в явной тенденциозности при оценке многих фактов и личностей, однако этому есть вполне понятное объяснение. Судя по многим отзывам современников, С.Ю. Витте до последних дней лелеял надежду вновь очутиться у власти. Он по-прежнему мыслил и жил в кипящем море политики, что очень мешало отвлечься от былых страстей, простить своих противников, сделать более взвешенный анализ пережитых событий. Его мемуары в какой-то степени были инструментом политической борьбы, недаром уже после смерти Витте в 1915 г. ими так интересовался император Николай II, что к поискам были привлечены полиция, дипломатическая служба и внешняя разведка. Также очень чувствительным изъяном «Воспоминаний» является практически полное отсутствие серьезных обобщений, попыток взглянуть на исторический процесс, так сказать, с высоты птичьего полета. Нельзя утверждать, что первый Председатель Совета министров Российской империи не был способен к пониманию значимости совершавшихся на его глазах событий, скорее, эта черта мемуаров проистекает из особенностей стиля Витте, он спешит передать читателю всю полноту фактов вплоть до мельчайших деталей.

Издательство «Альфа-книга» порадовало любителей истории публикацией «Воспоминаний» графа С.Ю. Витте в рамках серии «Полное издание в одном томе». Мемуары первого российского премьера всегда были и остаются ценнейшим историческим источником и просто интересной книгой, несмотря на все вышеперечисленные недостатки. Во-первых, потому что их автор действительно многое знал и ко многим событиям новейшей истории нашей страны имел прямое отношение. Некоторые факты, например, о ходе русско-японских переговоров, о перипетиях внутриполитической жизни осени 1905 г. мы узнаем только от Витте. Во-вторых, «Воспоминания» отличает оригинальный, непартийный взгляд на узловыe моменты эпохи, поскольку Витте никогда не принадлежал ни к какому политическому лагерю. Наконец, источник доносит до нас дух своей эпохи всегда полнее, чем любая, самая квалифицированная монография.

М.А. Буданов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том 1
(1849—1894)

ДЕТСТВО. ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСАНДРА II И АЛЕКСАНДРА III

Глава 1. О ПРЕДКАХ

О предках. — О Блавацкой. — О Желиховских. — О семействе отца. — О брате Александре. — О брате Борисе. — О сестрах Ольге и Софии. — О бабушке Е. П. Фадеевой, урожденной кн. Долгорукой. — О древнем кресте князя Михаила Черниговского 9

Глава 2. РОСТИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ ФАДЕЕВ

О Ростиславе Андреевиче Фадееве. — О наместнике кавказском князе Барятинском. — Предположения князя Барятинского о реорганизации армии. — О реорганизации армии Милютиным и отношение к его мероприятиям Р. А. Фадеева и других. — Отставка Р. А. Фадеева и поездка в Египет. — Восточная война. — Участие Р. А. Фадеева в Восточной войне 1877 г. — Реорганизация армии в царствование Александра III. — О графе Милютине и его сыне 21

Глава 3. КАВКАЗСКИЕ НАМЕСТНИКИ

О великом князе Михаиле Николаевиче. — О Дундукове-Корсакове. — О Шереметеве. — О князе Голицыне. — О графе Воронцове-Дашкове. — О горной промышленности на Кавказе и участии в ней отца 34

Глава 4. ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ДЕТСТВА И ЮНОСТИ

Воспоминания из детства. — О митрополите Исидоре. — Об экзархе Грузии Евсевии. — О бароне Николаи и его брате. — О Старицком. — Об Инсарском. — О князе Мухранском. — О генерале Евдокимове. — О генерале Геймане. — О ген. Лазареве. — О генерале Ропе. — Бунт тифлисского населения против мясников. — О Чевчевадзе. — О князе Бебутове. — О грузинском князе Ираклии. — О Дюма-отце. — О Тенгоборгском. — О докторе Андреевском и князе Шервашидзе . . . 42

Глава 5. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ. ГИМНАЗИЯ. УНИВЕРСИТЕТ

О первоначальном воспитании и образовании. — Подготовка к поступлению в университет. — О пребывании в университете. — Об Афанасьеве. — О Миллере, студенте. — О Лигине. — О профессорах университета Григоровиче, Ягиче и др. — О профессоре Сабинине. — О чистых математиках и математиках-исчислителях. — О значении и влиянии университета на студентов. — О преподавании в университете предмета богословия. — О бывшем священнике Петрове 50

Глава 6. МОЯ СЛУЖБА НА ОДЕССКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Предположения сделаться профессором. — О генерал-губернаторе Коцебу и причислении меня к его канцелярии. — О графе Бобринском и его совете поступить на жел.-дорожную службу. — О поступлении на службу на Одесскую железную дорогу. — О Штерне. — О Н. М. Чихачеве и предположении сделать меня начальником движения дороги. —

О назначении управляющим дорогой Горчакова. — О назначении управляющим дорогой Унгерн-Штернберга. — О положении железной дороги во время Восточной войны 1877 г. — Несколько эпизодов за период моей службы на Одесской жел. дороге. — О проезде на войну императора Александра II. — О ротмистре Кузьминском. — О Стамбулове. — Сравнение положения железнодорожного дела в прошлом и настоящем. — Тилигульская катастрофа. — О моей деятельности по перевозке войск на театр военных действий в 1877 г. — О железнодорожном конгрессе в Брюсселе. — Освобождение от наказания за Тилигульскую катастрофу, арест и отбытие наказания . . . 68

Глава 7. О ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ КОРОЛЯХ

Об образовании «Общества Юго-Западных жел. дорог». — Переезд в Петербург на место начальника эксплуатационного отдела Юго-Западных жел. дорог и первая женитьба. — О железнодорожных королях. — О Блюхе. — О Кроненберге. — О Губонине. — О Полякове. — О Дервизе и фон Меке. — О Штейнгеле. — Об участии в трудах комиссии графа Баранова. — Переезд в Киев на должность начальника эксплуатации Юго-Западных железных дорог 91

Глава 8. О СООБЩЕСТВЕ «СВЯТАЯ ДРУЖИНА» И МОЕМ УЧАСТИИ В НЕМ

Убийство императора Александра II. — Письмо мое Фадееву. — Свидание с Воронцовым-Дашковым и Шуваловым. — Поездка в Париж. — Мой выход из «Святой дружины» 101

Глава 9. МОЯ СЛУЖБА В КИЕВЕ

О генерал-адъютанте Дрентельне. — О прис. повер. Андреевском. — О генерал-губернаторе Черткове и его жене. — О назначении меня управляющим Юго-Западн. жел. дорогами. — О Вышнеградском. — Об А. И. Путилове. — О Барке. — О подборе сотрудников ввремя управления Юго-Западн. жел. дор. — О Циглере. — Об Абрагамсоне. — Об инженере Демчинском. — Еврейские беспорядки в Киеве и Одессе. — О генерал-губернаторе Коцебу. — О семье Юзефовичей. — О Лорис-Меликове. — О великой княгине Александре Петровне и великих князьях Петре Николаевиче и Николае Николаевиче. — О принце К. П. Ольденбургском. — О Д. И. Пихно. — О Н. Х. Бунге. — Об основании газеты «Киевское слово», полемике с Пихно и о книге «Принципы жел.-дор. тарифов». — О проф. Меринге и его сыне. — О профессоре Картавцеве. — О профессоре Гюббенете. — О ректоре университета Ренненкампе и адъютанте Трепове. — О Бродском, его детях и брате. — О Потоцком и его сыновьях. — О Половцеве. — О князе Горчакове. — О комиссии графа Баранова 107

Глава 10. О ПОЕЗДКАХ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

ПО ЮГО-ЗАПАДНЫМ ЖЕЛЕЗНЫМ ДОРОГАМ. КАТАСТРОФА В БОРКАХ

О приезде императора Александра III в Киев. — О поездке императора Александра III на маневры в Брест и Белосток и свидании с императором Вильгельмом в бытность последнего наследником. — О поездках императора Александра III по Юго-Зап. жел. дор. в конце 80-х годов. — О катастрофе императорского поезда в Борках и мое участие экспертом в вопросе о причинах катастрофы. — Об инженере, члене Гос. совета Салове. — О великих князьях Сергее Александровиче и Павле Александровиче 143

Глава 11. НАЗНАЧЕНИЕ МЕНЯ ДИРЕКТОРОМ ДЕПАРТАМЕНТА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ДЕЛ. ПОЕЗДКА В СРЕДНЮЮ АЗИЮ

Об упорядочении тарифного дола на железных дорогах и моем участии в нем. — О назначении меня директором департамента. — О П. М. Романове. — О В. И. Ковалевском. — О Максимове, Гиацинтове и др. — О представлении императору Александру II по случаю назначения директором департамента. — Об А. А. Абазе. — Об операции Вышнеградского с кредитным рублем и пари с ним о высоте курса рубля. — О поездке с Вышнеградским по России, в Закаспийский край и на Кавказ. — О великом князе Николае Константиновиче. — О посещении Мургабского имения государя. — О посещении Кисловодска для свидания с первой женой и ее кончине. — О торговом доме Рафаловичей в Одессе и операции А. А. Абазы с кредитным рублем. — Об увольнении Абазы с поста председателя департамента Гос. совета и о назначении на его место Сольского — О выступлении Дуранте против меня по делу торгового дома Рафаловичей и Абазы. — Об упорядочении тарифного дела в бытность директором департамента железнодорожных дел. — О передаче тарифной части департамента железнодорожных дел в министерство торговли и промышленности и обратной передаче ее в министерство финансов и причинах, побудивших к этому 157

Глава 12. НАЗНАЧЕНИЕ МЕНЯ МИНИСТРОМ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

О Посъете. — О генерал-лейтенанте Паукере. — О Гюббенете. — О полковнике Вендрихе. — О назначении и деятельности на посту министра путей сообщения и о сотрудниках. — Об Иващенко. — Об удалении Вендриха. — Об издании правил движения императорских поездов 192

Глава 13. ПОЕЗДКА НА ХОЛЕРНУЮ ЭПИДЕМИЮ. ВТОРАЯ ЖЕНИТЬБА

О поездке на Волгу для осмотра мероприятий против холерной эпидемии. — Посещение гор. Самары. — Посещение гор. Саратова. — Посещение гор. Царицына. — Посещение гор. Нижнего Новгорода и о губернаторе генерале Баранове. — Об отношении императора Александра III к студентам. — О второй женитьбе. 202

Глава 14. ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ ВЫШНЕГРАДСКИЙ. НАЗНАЧЕНИЕ МЕНЯ МИНИСТРОМ ФИНАНСОВ

О Ционе и его памфлетах против Вышнеградского и меня. — О характере и болезни Вышнеградского. — О Тернере, товарище И. А. Вышнеградского по министерству финансов. — О кончине Вышнеградского, назначении меня управляющим министерством финансов и назначении Кривошеина управляющим министерством путей сообщения. — По поводу записки Циона о получении И. А. Вышнеградским взятки в 500 000 франков 212

Глава 15. ОБ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЯХ И ЛИЦАХ, СТОЯВШИХ У ВЛАСТИ В БЫТНОСТЬ МОЮ ДИРЕКТОРОМ ДЕПАРТАМЕНТА И МИНИСТРОМ

О министре внутренних дел графе Толстом. — Об Иване Николаевиче Дурново, министре внутренних дел и председателе Комитета министров. — О военном министре Банковском и начальнике Главного штаба Обручеве. — О министре юстиции Манасеине. — О К. П. Победоносцеве, обер-прокуроре Св. Синода. —

О Т. И. Филиппове, государственном контролере. — О Н. М. Чихачеве, морском министре. — О великом князе Алексее Александровиче. — О графе Делянове, министре народного просвещения. — О генерал-адъютанте Рихтере, главноуправляющем канцелярией Е. И. В. по принятию прошений. — О А. С. Танееве, главноуправляющем собственной е. и. в. канцелярией. — О М. Н. Островском, министре государственных имуществ, и его товарище Вишнякове. — О министрах императорского двора графе Воронцове-Дашкове и графе Адлерберге. — О графе Лидерсе, генерале Непокойчицком и компании «Варшавский, Грегер, Горвиц и Коген». — О Н. В. Муравьеве, министре юстиции. — О Гирсе, министре иностранных дел. — О литераторе Майкове и его сыне. — О литераторе Полонском. — О литераторе Григоровиче. — О литераторе Страхове. — О генерал-адъютанте Черевине. — О княгине Радзивилл. — О Блюхе. — О Суцове 229

Глава 16. О МОИХ СОТРУДНИКАХ И МОЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК МИНИСТРА ФИНАНСОВ

О Жуковском. — О Плеске. — О Голиндо и Дмитриеве. — О Д. Ф. Кобеко. — Об А. С. Ермолове. — О Маркове. — О Тухолке. — О Белюстине. — О П. М. Романове. — О В. Н. Коковцове. — Об организации особого корпуса пограничной стражи. — О Бере. — О В. И. Ковалевском. — О Д. И. Менделееве. — О Максимове. — О Малишевском. — Об И. П. Шипове. — О законопроекте «Об ответственности фабрикантов и владельцев промышленных заведений за смерть и увечье рабочих» и отношении к нему К. П. Победоносцева и Половцева. — О первом торговом договоре с Германией и моем участии по ведению переговоров по нему. — Об отношении к моим мероприятиям министра иностранных дел Гирса и посла в Германии графа Шувалова. — Об отношении к моим мероприятиям военного министра Ванновского. — Об отношении императора Вильгельма к переговорам и его желании получить звание адмирала русского флота. — О мнении Бисмарка обо мне. — О втором торговом договоре с Германией. — О реорганизации питейного дела. — О церковно-приходских училищах и участии в этом деле моем и Победоносцева. — О перемене в царствовании императора Александра III взгляда на железнодорожное дело и о выкупе в казну частных железнодорожных линий 264

Глава 17. О МОЕЙ ПОЕЗДКЕ НА МУРМАНСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

О моей поездке на север. — О художнике Борисове. — О Кази. — О Конкевиче. — О докладе по поездке 298

Глава 18. ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР III

О характере и деятельности императора Александра III вообще. — Об отношении императора Александра III к университетскому вопросу и студенчеству. — О приближенных лицах к императору Александру III. — Оболенский Владимир, генерал-адъютант. — Генерал Голищев-Кутузов. — Граф Бенкендорф. — О генерале Зиновьеве. — О характере, привычках и образе жизни императора Александра III. — Об эмире бухарском и его лейб-медице Писаренко. — О приезде в Петербург шаха персидского Наср-эд-дина. — О приезде в Петербург князя Николая черногорского и тосте императора Александра III за него. — Об отношении императора Александра III к членам царской семьи как главы

ее. — О постройке Сибирской железной дороги и моем участии в ней. — О путешествии императора Николая II в бытность наследником на Дальний Восток, его влечении к нему и участии в комитете Сибирской железной дороги. — О великой княгине Екатерине Михайловне, ее погребении и инциденте при нем с одеянием певчих. — О завещании великой княгини Екатерины Михайловны Михайловского дворца, участии в составлении завещания К. П. Победоносцева и недовольстве последним императора Александра III. — О приобретении в казну Михайловского дворца и устройстве в нем художественного музея императора Александра III. — Болезнь императора Александра III. — Погашение освещения в Зимнем дворце во время выхода в пасхальную заутреню. — Мои последние всеподданнейшие доклады. — Ухудшение болезни и вызов профессора Захарьина. — Отъезд государя в Ялту и вызов профессора Лейдена. — Моя поездка в Виши и возвращение. — Поездка наследника за невестой. — О лейб-медики Вельяминове. — Обстановка жизни государя в Ливадии. — О престиже императора Александра III и впечатлении, произведенном его кончиной 308

ПРИЛОЖЕНИЕ

О постройке памятника императору Александру III 344

Том 2

(1894 — октябрь 1905)

ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ II

Глава 19. НАЧАЛО ЦАРСТВОВАНИЯ

Смерть Александра III. Перевезение тела из Ялты в Петербург. Ротмистр Трепов. Мнение И. Н. Дурново и К. П. Победоносцева о новом императоре. Мое представление императрице Марии Федоровне. О моем первом всеподданнейшем докладе императору Николаю II об устройстве военного порта в Либаве и об участии в этом деле великого князя Алексея Александровича. О посторонних влияниях на императора Николая II в первые годы царствования. О характере и намерениях государя в первые годы царствования. О приеме членов Государственного совета и о появлении на приеме А. А. Абазы. Назначение П. А. Шувалова варшавским генерал-губернатором на место Гурко. Увольнение Кривошеина и назначение Хилкова. Назначение Лобанова-Ростовского министром иностранных дел. Назначение Горемыкина министром, внутренних дел. Назначение Гессе дворцовым комендантом 353

Глава 20. ПЕРЕГОВОРЫ С ЛИ ХУН-ЧЖАНОМ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРА С КИТАЕМ

О вмешательстве России при заключении между Китаем и Японией Симоносекского договора. О гарантии Россией Китайского займа. О Русско-Китайском банке. О приезде Ли Хун-чжана представителем на коронацию и о заключении договора с Китаем. Визит эмира Бухарского к Ли Хун-чжану. О несообщении прессой сведений о приемах государем Ли Хун-чжана и заключении договора с Китаем. Об образовании Общества Восточно-Китайской железной дороги и передаче ему концессии на проведение дороги по китайской территории 383

**Глава 21. КОРОНАЦИЯ. ХОДЫНКА. ДОГОВОР С ЯПОНИЕЙ
ОТНОСИТЕЛЬНО КОРЕИ. НИЖЕГОРОДСКАЯ ВЫСТАВКА ПОЕЗДКА
ГОСУДАРЯ В ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ**

Ходынская катастрофа. Разговор с Ли Хун-чжаном. Расследование катастрофы Н. В. Муравьевым и графом Паленом. Бал у французского посла графа Монтебелло. Русско-японский договор о Корее. Совет Ли Хун-чжана не проводить железнодорожной линии на юг от Сибирской железной дороги. О Нижегородской выставке. Посещение выставки Ли Хун-чжаном и государем. Визит государя императору Францу-Иосифу. Кончина князя Лобанова-Ростовского. Визит государя императору Вильгельму, королю Христиану, королеве Виктории и французскому президенту 400

Глава 22. ВИННАЯ МОНОПОЛИЯ

Преобразование департамента неокладных сборов в главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей. О первоначальной цели питейной монополии и ее направлении с начала войны с Японией. О мнении инспектора французского финансового ведомства по поводу введения винной монополии 411

Глава 23. ЗОЛОТАЯ ВАЛЮТА

О денежной реформе и реорганизации Государственного банка. О мнении Н. Х. Бунге. Об участии Антоновича. Об отношении к реформе А. Ротшильда, Леона Сэ, президента Лубэ, президента французского министерства Мелина и др. Интрига президента французского министерства Мелина против введения золотой валюты в России. Предубеждение против реформы денежного обращения в публике и у государственных деятелей. О противодействиях, встреченных реформой в соединенном присутствии департаментов Государственного совета. Проведение реформы через финансовый комитет и о причинах, побудивших сохранить рубль и отказаться от более мелкой денежной единицы 415

Глава 24. ПРОЕКТ ЗАХВАТА БОСФОРА. НОВАЯ ПОЛИТИКА НА ОКРАИНАХ

О записке нашего посла в Константинополе Нелидова. Заседание под председательством государя. Недовольство государя мною за возражение против захвата Босфора. Об увольнении главноначальствующего на Кавказе генерала Шереметева и о назначении князя Григория Голицына. О смерти варшавского генерал-губернатора графа Шувалова и о назначении князя Имеретинского. Об увольнении финляндского генерал-губернатора графа Гейдена 424

**Глава 25. НАЗНАЧЕНИЕ ГРАФА МУРАВЬЕВА МИНИСТРОМ
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ. ОТСТАВКА ВОРОНЦОВА-ДАШКОВА**

Граф Муравьев и граф Ламздорф. Отставка министра императорского двора графа Воронцова-Дашкова и ее причины. Барон Фредерикс. Установление нового порядка испрошения кредитов по министерству двора и о моем разговоре об этом с государем 433

**Глава 26. ПРИЕЗД В ПЕТЕРБУРГ В 1897 ГОДУ ИМПЕРАТОРА
ФРАНЦА-ИОСИФА, ВИЛЬГЕЛЬМА II И ПРЕЗИДЕНТА ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ ФЕЛИКСА ФОРА**

Приезд императора Франца-Иосифа. О приезде императора Вильгельма II. Вильгельм — наследник. Приезд Вильгельма II в Петергоф. Пожалование мне ордена Черного Орла. Моя аудиенция у германского императора в

Петербурге. Об инциденте по поводу уступки порта Киао-Чао. О приезде президента Французской республики Феликса Фора. Поездка государя в Царство Польское. О представлении государю абиссинской депутации. Об отставке киевского генерал-губернатора графа Игнатьева и назначении генерала Драгомирова 439

Глава 27. ЗАХВАТ ЛЯОДУНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Занятие Германией китайского порта Киао-Чао. Заседание под председательством государя и предложение графа Муравьева о занятии Россией Порт-Артура. Решение государя занять Порт-Артур и Даляньвань. Мои предупреждения по поводу занятия Порт-Артура великому князю Александру Михайловичу и по поводу занятия Киао-Чао германскому императору. Причины, не позволявшие России протестовать против занятия Германией порта Киао-Чао, и мои попытки заставить отказаться от занятия Порт-Артура. Мои свидания по поводу занятия Порт-Артура с английским послом О'Конором и германским князем Родолином. Недовольство государя мною за разговоры с послами. Впечатление в Китае от занятия Россией Порт-Артура. Уход Ванновского и назначение Куропаткина; заявление последнего о необходимости, кроме Порт-Артура, требовать от Китая уступки Ляодунского полуострова. Моя просьба к государю освободить меня от должности министра и несогласие на это его величества. Предъявление требования Китаю об уступке Ляодунского полуострова. Упорство Китая в уступке полуострова и мое участие в этом деле. Согласие Китая на уступку. Стремление германского императора втянуть нас в дальневосточную политику. Тревога держав, вызванная нашим занятием Порт-Артура и Ляодуна. О соглашении с Японией по делам Кореи. Недовольство Китая уступкой России Ляодуна и государственными деятелями, подписавшими его. Об отпуске кредитов на усиление флота. Эпизод с подысканием названия новому порту, устроенному в Даляньване 449

Глава 28. А. Н. КУРОПАТКИН

О причине ухода в отставку генерал-адъютанта Ванновского и рекомендованных им государю заместителях. О назначении Куропаткина управляющим военным министерством. О разочаровании государя Куропаткиным и ошибочности общественного доверия к нему. Мнение А. А. Абазы о Куропаткине. Об инциденте с дневником генерала Куропаткина 461

Глава 29. ГААГСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

О желании Куропаткина возбудить переговоры с Австрией относительно перевооружений, не отвечающих интересам России. Предположение обратиться к державам о созыве мирной конференции и его обсуждение. Обращение к державам о созыве конференции и их сочувствие. Мое мнение по поводу конференции, высказанное государю 469

Глава 30. И. Л. ГОРЕМЬКИН

Отставка Горемыкина в 1899 г. Моя поездка в Крым. Сообщение мне Муравьевым о предстоящей отставке Горемыкина и просьба о поддержке его кандидатуры в министры внутренних дел. О консервативном направлении деятельности Горемыкина вообще и в деле студенческих беспорядков в частности. О расследовании Ванновского деятельности полиции в деле студенческих беспорядков. Мое возвращение из Крыма в Петербург. Разговор с Сипягиным накануне его назначения. Назначение

Сипягина и увольнение Горемыкина. Недовольство Муравьева мной из-за подозрения меня в поддержке при назначении Сипягина.	
О П. И. Рачковском. О поездке Горемыкина в сопровождении Рачковского в Англию и ведении последним переговоров с промышленными фирмами. Донесение Татищева, финансового агента в Англии, по поводу поездки Горемыкина. О Татищеве, финансовом агенте в Англии. О донесении Татищева по поездке Горемыкина в Англию, ознакомление с ним	
Сипягина и уничтожение его Зволянским	472

**Глава 31. БОКСЕРСКОЕ ВОССТАНИЕ И НАША ПОЛИТИКА
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

Движение в Китае против иностранцев и отношение к нему китайского правительства. О примирении со мной графа Муравьева и его кончине. О моей рекомендации графа Ламздорфа и назначении его заместителем графа Муравьева. О мнении Куропаткина по поводу боксерского восстания и его предложение сделать из Маньчжурии вторую Бухару. Начало боксерского восстания. Участие России во взятии Чифу и Тяньцзиня. Мое разногласие с Куропаткиным о роли участия России в походе на Пекин. О двойственности действий русских властей в Маньчжурии. Настояния мои и графа Ламздорфа на очищении Маньчжурии от наших войск и Куропаткина на захвате ее. О неопределенности отношения государя к вопросу о Маньчжурии. О вневедомственном влиянии в направлении политики на Дальнем Востоке. О Безобразове, графе Воронцове-Дашкове и великом князе Александре Михайловиче. Недовольство Японии образом действий России в Корее. О настоянии Японии, Англии и Америки на очищении Маньчжурии от войск и походах к этому. О некорректном поступке генерал-лейтенанта Линевича. О захвате во дворце китайской императрицы договора, подписанного в Москве в 1896 г.	479
--	-----

**Глава 32. МОЯ ПОЕЗДКА В ПАРИЖ НА ВСЕМИРНУЮ ВЫСТАВКУ. ЗАЕЗД
В КОПЕНГАГЕН. БОЛЕЗНЬ ГОСУДАРЯ. ВОПРОС О ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИИ**

Мой отъезд в Париж и заезд по пути в Копенгаген по вызову Марии Федоровны. Аудиенция у императрицы Марии Федоровны. Аудиенция у датского короля Христиана. Моя поездка в Париж на Всемирную выставку и о комиссаре русского отдела князе Тенищеве. Обед у президента Лубэ и спор во время обеда о денежном обращении. Об объявлении великого князя Михаила Александровича наследником престола. По поводу вопроса об изменении закона о престолонаследии с переходом престола в случае неимения сына к дочери. Болезнь государя в Крыму. Об ухудшении положения государя и частном совещании по вопросу о престолонаследии. О разговоре с Куропаткиным по поводу совещания. О сообщении А. Н. Нарышкиной о недовольстве мною государыни за высказанное мною мнение на совещании о престолонаследии. О великом князе Михаиле Александровиче и Андрее Владимировиче. О преподавании им народного и государственного хозяйства. Об уклонении великого князя Андрея Владимировича от нормальной жизни и разговоре по этому поводу с великим князем Михаилом Александровичем. Слухи о романическом увлечении великого князя Михаила Александровича и запрещении ему жениться на принцессе Кобургской Марии. Об отношении великого князя Михаила Александровича ко мне	489
--	-----

Глава 33. УБИЙСТВО Н. П. БОГОЛЕПОВА И Д. С. СИПЯГИНА

Убийство Боголепова. Убийство Сипягина. Отзыв Сипягина о Плеве на обеде у князя Мещерского и назначение Плеве министром внутренних дел. О дневниках Д. С. Сипягина. Об уходе с поста министра народного просвещения Ванновского и замещении его Зенгером 497

Глава 34. В. К. ПЛЕВЕ

Об отношении Плеве ко мне. О крестьянских беспорядках в Харьковской губернии. О политике на Кавказе. Еврейский вопрос. Зубатовщина. О предвидении мною катастрофы и предупреждении об этом мною Плеве. Об убийстве Плеве и найденном у него письме о моей причастности к революционной деятельности 502

Глава 35. ПЕРЕГОВОРЫ С МАРКИЗОМ ИТО. МОЯ ПОЕЗДКА НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК. ОБРАЗОВАНИЕ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ТОРГОВОГО МОРЕПЛАВАНИЯ И ПОРТОВ

Приезд в Петербург маркиза Ито и безрезультатность переговоров с ним по делам Дальнего Востока. Свидание государя с германским императором на морских маневрах в Ревеле. Моя поездка на Дальний Восток и мой доклад о поездке. Мое мнение о неосновательности убеждений в неизбежности войны с Японией при исполнении последней принятых на себя обязательств. О неподготовленности военного ведомства к войне с Японией. Мой приезд с Дальнего Востока в Ливадию и личный доклад государю о поездке. О великом князе Александре Михайловиче и об образовании главного управления торгового мореплавания и портов 514

Глава 36. УСИЛЕНИЕ ВЛИЯНИЯ БЕЗОБРАЗОВА. МОЯ ОТСТАВКА

Об усилении влияния Безобразова и поддержке его со стороны Плеве. О письме князя Мещерского к государю, по моему настоянию, по поводу безобразовской авантюры и ответ государя. Предвидение мною печальной развязки на Дальнем Востоке ввиду учреждения наместничества. Посещение меня Безобразовым по поводу поездки государя на Путиловский завод. О выдаче из Государственного банка по приказанию государя ссуды под именование генерал-майора Мейендорфа и о записке Завойко о необходимости передачи Дворянского и Крестьянского банков в ведение министерства внутренних дел. Получение от государя записки о привозе с собой к нему управляющего Государственным банком Плеске. Последний мой доклад государю по министерству финансов и предложение его величеством мне поста председателя Комитета министров. Приглашение меня императрицей Марией Федоровной на завтрак. О разговорах с великим князем Александром Михайловичем по поводу провокации агентов департамента полиции среди рабочих. О причинах, послуживших при единстве взглядов к моему уходу с поста министра финансов, и о продолжении графом Ламздорфом управления министерством иностранных дел. О вероятных причинах к назначению Плеске управляющим министерством финансов и претензии В. Н. Коковцова на занятие этого поста по моему уходу. Первоначальное согласие государя в деле политики на Дальнем Востоке с министром иностранных дел и мной и временное удаление от влияния Безобразова. О мероприятиях в мое управление министерством финансов. О моей деятельности по развитию образования 525

*Глава 37. МОЯ ПОЕЗДКА В ПАРИЖ ОСЕНЬЮ 1903 г.***ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВЯЩИХ КРУГОВ**

Комитет министров. Моя поездка в Париж. Беседы с Альфонсом Ротшильдом. Доктор Филипп. Черногорки № 1 и № 2. Субсидии князю Николаю Черногорскому. Петр Карагеоргиевич. Серафим Саровский. О черносотенном движении. Рапорт Рачковского. Великий князь Николай Николаевич. Филеры Плеве. О том, что дипломатические сношения по делам Дальнего Востока велись государем непосредственно с наместником, помимо графа Ламздорфа. О наших военных приготовлениях на западной границе. Барон Розен и Алексеев. О графе Ламздорфе. О несостоявшемся визите государя итальянскому королю. Посещение меня в Париже Лопухиным. О князе Мещерском. О предупреждении мною императрицы Марии Федоровны о неизбежности войны. Об отношении государя к Вильгельму II 540

Глава 38. ВОЙНА С ЯПОНИЕЙ

О разговоре японского посланника Курино со мною на придворном балу в Зимнем дворце по поводу переговоров о Корее и Маньчжурии и осведомлении об этом мной графа Ламздорфа. О начале войны с Японией и торжественном молебне в Зимнем дворце по этому случаю. О разговоре Куропаткина с Плеве по поводу войны. О назначении адмирала Алексеева главнокомандующим и его прежней карьере. О назначении генерала Куропаткина командующим армией. Разговор между мною и Куропаткиным перед его отъездом в армию. О разногласии между Куропаткиным и генералом Ванновским о потребных силах для войны. О поездках их величеств для напутствия войск, раздаче войскам икон и злой шутке генерала Драгомирова по этому поводу. О главных этапах войны 563

*Глава 39. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ВТОРОГО ТОРГОВОГО ДОГОВОРА***С ГЕРМАНИЕЙ в 1904 г.**

Наши взаимоотношения с Германией. Первый торговый договор. Таможенная война. Решительная поддержка, оказанная мне императором Александром III. Желание Вильгельма II получить русский адмиральский мундир О самодержавии. Мой разговор с бароном Фредериксом в мае 1907 года. Отношение Вильгельма II к Николаю II. Второй торговый договор. Ход переговоров. Канцлер Булов и его жена. Граф Посадовский Япония предлагает заключить мир до падения Порт-Артура. О рождении наследника Алексея Николаевича 570

*Глава 40. НАЗНАЧЕНИЕ СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО МИНИСТРОМ***ВНУТРЕННИХ ДЕЛ. УКАЗ 12 ДЕКАБРЯ 1904 г.**

Назначение Святополк-Мирского. Съезд общественных деятелей. О розыске для государя мной написанной брошюры о событиях на Дальнем Востоке в 1900—1902 г. Доклад Мирского о необходимых реформах. О заседании под председательством государя, предшествовавшем изданию указа 12 декабря «о предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». О проекте указа, составленном мной и бароном Нольде, вызове меня государем перед подписанием указа и изыятия из проекта пункта о привлечении выборных. Об уходе великого князя Сергея Александровича с поста московского генерал-губернатора. О неосуществлении полностью милостей, дарованных указом 12 декабря, как причине недовольства в обществе 586

Глава 41. 9 ЯНВАРЯ

О несчастном случае во время Водосвятия 6 января 1905 года.
 О петербургских градоначальниках генерале Клейгельсе и генерале Фулоне и о поддержке последним рабочих организаций. О шестивии рабочих для подачи петиции государю 9 января 1905 г. О совещании у министра внутренних дел и неприглашении меня на это совещание.
 О посещении меня депутатией общественных деятелей. О дне 9 января. Учреждение поста с.-петербургского генерал-губернатора и назначение на него генерала Трепова. Отставка князя Святополк-Мирского. Назначение Булыгина министром внутренних дел. Об устроенных посещениях государя рабочими депутациями. О генерале Трепове 598

Глава 42. РАБОТЫ ВО ИСПОЛНЕНИЕ УКАЗА 12 ДЕКАБРЯ

Вопрос о водворении законности. Совещание под председательством Сабурова. Вопросы о печати. Совещание под председательством Д. Ф. Кобеко. О члене совещания Юзефовиче. Вопрос об исключительных положениях и образовании особого совещания под председательством графа А. П. Игнатъева. Вопрос о веротерпимости. Указ 17 апреля 1905 г. Об образовании особого совещания под председательством графа А. П. Игнатъева по исполнению предначертаний указа 17 апреля 1905 года о свободе совести и безрезультатности его деятельности. Об уклонении Победоносцева от работ в Комитете министров по вероисповедному вопросу. Об указаниях митрополита Антония на необходимость мер на пользу православной церкви и доклад об этом государю. Об изъятии этого вопроса из обсуждения Комитетом министров с передачей на обсуждение Святейшего Синода. Постановление Святейшего Синода о необходимости созыва поместного собора и учреждения патриаршества и об уходе в отставку товарища обер-прокурора Саблера. О свободе малороссийского языка в печатании священных книг. Вопрос о разрешении преподавания в школах на родном языке поданных. О закрытии заседаний по исполнению указа 12 декабря 1904 г. О комиссиях по рабочему вопросу под председательством Шидловского и В. Н. Коковцова. Убийство великого князя Сергея Александровича. О преобразовании Совета министров. О нелюбви ко мне императора Николая II. О знакомстве с И. Гессеном, В. Набоковым и профессором Петражицким 610

Глава 43. МАНИФЕСТ О НЕСТРОЕНИЯХ И СМУТАХ И УКАЗ БУЛЫГИНУ О ПРИВЛЕЧЕНИИ ЛУЧШИХ ЛЮДЕЙ

Мукденское поражение. О генерале Стесселе и его возвращении в С.-Петербург. Манифест 17-го февраля о нестроениях и смутах. Заседание в Царском Селе по выработке указа Булыгину 623

Глава 44. ЦУСИМА

Назначение генерала Линевича главнокомандующим. Об образовании совета государственной обороны. О моей переписке с графом Гейденом. Адмирал Рожественский. Проект покупки аргентинского флота. Цусимский бой. Назначение генерала Трепова товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией. Упразднение комитета Дальнего Востока и увольнение наместника Алексева. О депутации земских и городских деятелей, принятой государем. О приеме государем депутации от 26 губернских предводителей дворянства 631

Глава 45. ПОРТСМУТСКИЙ МИР

О назначении меня главноуполномоченным по ведению мирных переговоров с Японией. Аудиенция у государя. Свидание с великим князем Николаем Николаевичем. Положение наших финансов. О составе моей свиты. Пребывание в Париже и беседы с Лубэ и Рувье. Отношение Франции к Англии. Поведение Германии. Инцидент в Марокко. Свидание в Бьорках. О письме Бурцева. Переезд из Франции в Америку. Свидание с Рузвельтом. Моя поездка в еврейские кварталы в Нью-Йорке. Встреча с японскими уполномоченными в Остер-бее. Переезд из Нью-Йорка в Портсмут. Я высаживаюсь в Нью-Порте. Портсмут. Об американском студенчестве. О моем желании совершить поездку по Америке и уклончивое разрешение государя на эту поездку. Интриги против меня в Петербурге. Заключение мира. Прием мною делегации еврейских банкиров. Посещение Бостонского университета. Знакомство с Морганом. Посещение мною Вашингтона. Письмо президента Рузвельта государю о препятствиях, чинимых американским гражданам евреям в России. Обратный переезд из Америки в Европу 637

Глава 46. ПОСЕЩЕНИЕ ПАРИЖА НА ОБРАТНОМ ПУТИ ИЗ АМЕРИКИ

Свидание с Рувье и Лубэ. Приглашение меня королем Эдуардом VII и императором Вильгельмом II. Приказание государя посетить императора Вильгельма 679

Глава 47. РОМИНТЕН

Приезд в Берлин. Свидание с Бюловым и французским послом. Поездка в Роминтен. Граф Эйленбург. Беседа с императором Вильгельмом о свидании в Бьорках. Беседа с императором Вильгельмом о Марокканском инциденте. Император Вильгельм дарит мне свой портрет с исторической надписью. Отношение императора Вильгельма к Эйленбургу. Мой отъезд из Роминтена. Встреча, устроенная мне пограничной стражей в Вержболове 684

Глава 48. ПРИЕЗД В ПЕТЕРБУРГ

Мой приезд в Петербург. Свидание с графом Ламздорфом. Государь вызывает меня к себе в финляндские шхеры. Государь возводит меня в графское достоинство. Нападки на меня правых. Граф Ламздорф дает мне прочесть Бьоркское соглашение. Я обращаюсь к великому князю Николаю Николаевичу с просьбой помочь уничтожить Бьоркское соглашение. Бьоркское соглашение уничтожается 693

Глава 49. БУЛЫГИНСКАЯ ДУМА

Обсуждение законопроекта Булыгина о законосовещательной Думе. Настроение интеллигенции, дворянства и крестьянства. Заседание под председательством государя. Издание манифеста 6 августа о законосовещательной Думе 703

Глава 50. КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС ДО 17 ОКТЯБРЯ 1905 г.

Освобождение крестьян. Общинное землевладение. Индивидуализм и социализм. Земские начальники. Моя экономическая и финансовая политика. Революция слева и революция справа Частное совещание под председательством Горемыкина об ограничении произвола земских начальников. О рассмотрении в Государственном совете вопроса о праве крестьян на выход из общины. Об отношении Николая II к крестьянскому вопросу в начале царствования. О моей попытке возбудить крестьянский вопрос. О «дворянской комиссии» и моем

участии в ней. О Дворянском и Крестьянском банках. Моя попытка в 1898 г. побудить Комитет министров заняться крестьянским вопросом. Неутверждение государем решений Комитета министров. Мое письмо к государю о настоятельности урегулирования положения крестьян и крестьянского дела вообще. Мое намерение возбудить вопрос о сложении выкупных платежей в Государственном совете и отношение к нему его членов. Образование «особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности». Отношение к нему Сипягина и Плеве. Неожиданное закрытие совещания. Об учреждении комиссии по крестьянским делам под председательством Горемыкина 709

Глава 51. НАКАНУНЕ 17 ОКТЯБРЯ

Указ об автономии университетов. Митинги. Отношение к ним правительства. Издание закона о собраниях. Вопрос об объединении деятельности министров. Пресса. Союзы и союз союзов. Революция в Прибалтике, на Кавказе, в Москве, Царстве Польском, Сибири, Одессе. Участие в революции различных слоев населения. Поведение инородцев. Смута в армии. Состояние России ко времени моего приезда из Америки. Значение самодержавия. Мои беседы с Треповым, графом Сольским, Кузьминым-Караваевым, Меньшиковым, Мещерским и П. Н. Дурново 747

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. О комиссии по борьбе с чумой и ее председателе принце А. П. Ольденбургском 762
Приложение 2. О ледоколе «Ермак» и намерении установить морской путь на Дальний Восток по северному побережью Сибири 766
Приложение 3. Всеподданнейшее письмо статс-секретаря С. Ю. Витте от 28 февраля 1905 года 768
Приложение 4. Копия с записки С. Ю. Витте о разговоре его, по высочайшему повелению, с великим князем Николаем Николаевичем по поводу состояния армии Линевича на Дальнем Востоке 770

Том 3

(17 октября 1905 — 1911)

ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ II

Глава 52. МАНИФЕСТ 17 ОКТЯБРЯ

Манифест 17 октября и мой всеподданнейший доклад. Составленная мною справка о манифесте 17 октября. Записка Н. И. Вуича и князя Н. Д. Оболенского. Почему государь не решился на диктатуру? Государь приглашает меня на заседание 15 октября. Почему государь настаивал на манифесте? О князе Н. Д. Оболенском. Настроение ближайшей свиты государя. О том, что государь вел одновременно два совещания: одно при моем участии, а другое при участии Горемыкина. Как был подписан манифест 17 октября. О сношениях великого князя Николая Николаевича с черносотенной партией и с рабочим Ушаковым. О характере государя. Приезд Извольского с поручением от императрицы Марии Федоровны и моя беседа с вдовствующей императрицей. Мои беседы с государем накануне подписания манифеста. Впечатление, произведенное манифестом. О роли социалистических идей в событиях 17 октября 773

Глава 53. ПЕРВЫЕ ДНИ МОЕГО ПРЕМЬЕРСТВА

Отставка Победоносцева, Булыгина и генерала Глазова. Моя беседа с представителями прессы. Отставка великого князя Александра Михайловича, предложение поста министра народного просвещения Таганцеву и поста товарища министра Постникову. Приглашение общественных деятелей. П. Н. Дурново 813

Глава 54. ТРЕПОВ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Отставка Трепова и назначение его дворцовым комендантом. Сенатор Гарин. Влияние Трепова на государя. О связи Трепова с департаментом полиции. О печатании погромных прокламаций в департаменте полиции. О погроме в Гомеле. О великом князе Николае Николаевиче. О просьбе великого князя Николая Николаевича не объявлять Петербурга на военном положении. О сношениях великого князя Николая Николаевича с Дубровиным. О сокращении сроков службы воинской повинности. О волнениях в войсках и тяжелом финансовом положении 828

Глава 55. ОБРАЗОВАНИЕ КАБИНЕТА. АМНИСТИЯ. ЗАКОН О ВЫБОРАХ

О переезде моем в Зимний дворец и о посещениях меня рабочими. О клеветническом слухе, будто бы я находился в преступных отношениях с Советом рабочих депутатов. Об успокоении, наступившем после 17 октября, и демонстрации у Технологического института. О совещаниях с общественными деятелями. Почему я настаивал на кандидатуре П. Н. Дурново. О поведении Дурново в моем кабинете. О назначении графа Толстого министром народного просвещения. О товарище министра народного просвещения Герасимове. О государственном контролере Философове и министре торговли Тимирязеве. Об отставке Хилкова и назначении Немешаева. О военном министре Редигере, морском — Бирилеве. О прокуроре Святейшего Синода А. Д. Оболенском. О политической амнистии. О Коковцеве. О выработке закона о выборах 841

Глава 56. БЕСПОРЯДКИ И КАРАТЕЛЬНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ

О забастовках, предшествовавших 17 октября. О выступлении черносотенцев. О моем товарищеском совете рабочим не устраивать забастовки. О прекращении забастовок и об аресте Носаря. О значении забастовки 1905 г. О беспорядках в армии и флоте. О крестьянских беспорядках. О положении армии на Дальнем Востоке к моменту моего вступления в управление. О карательной экспедиции в Сибирь. Об угрозах революционеров убить моего внука. О беспорядках в Прибалтийских губерниях. Об экспедиции генерала Орлова и капитан-лейтенанта Рихтера. О генерале Орлове и Анне Танеевой. О беспорядках в Царстве Польском, об объявлении Царства Польского на военном положении и протесте общественных деятелей. О московском восстании 867

Глава 57. ОТСТАВКА МАНУХИНА И ТИМИРЯЗЕВА

О недоброжелательстве Трепова к Манухину. Недовольство Манухиным балтийских баронов. Заседание 9 ноября под председательством государя. Отставка Манухина. Кандидаты на пост министра юстиции. Акимов и Щегловитов. О Мануйлове-Маиусевиче, Гапоне и Тимирязеве. Отставка Тимирязева. Предложение мною поста министра торговли академику Янжулу 903

Глава 58. ОТСТАВКА КУТЛЕРА. ИНТРИГИ ПРАВЫХ

О записке профессора Мигулина. О комиссии под председательством Кутлера. О проекте Кутлера. Государь требует отставки Кутлера. Мое письмо государю. Желание государя назначить Кривошеина министром земледелия. Я предлагаю пост министра земледелия Самарину. Кандидатура Ермолова. Интрига правых. Записка крупных землевладельцев. О записочке государя, в которой я извещался о предположении назначить Кривошеина министром земледелия, а Рухлова министром торговли. Назначение Никольского управляющим министерством земледелия и Федорова управляющим министерством торговли. Отзыв графа Потюцкого о Рухлове 913

Глава 59. ЗАЕМ

О желании моем привлечь к займу Ротшильдов и полуденном от них ответе. О противодействии заключению займа со стороны кадетов. Об отношении прессы к займу. О поездке Коковцова за границу. О приезде Нейцлина инкогнито в Петербург. О поведении Германии. О падении министерства Рувье и организации министерства Саррыена. О сомнениях Пуанкаре в праве императорского правительства заключить заем до созыва Государственной думы. О заключении займа. Письмо Эрнеста фон Мендельсона-Бартольди ко мне. Роль Коковцова в заключении займа 930

Глава 60. ФИНЛЯНДИЯ

Об отношении к Финляндии Александра I, Александра II, Александра III и Николая II. О проекте генерала Куропаткина и женском характере государя. Моя беседа с генералом Бобриковым накануне его назначения финляндским генерал-губернатором. Генерал Куропаткин и Плеве. Совещание под председательством государя. Мое заключение по проекту Куропаткина. Обсуждение вопроса в Государственном совете. Утверждение государем мнения меньшинства. Политика Плеве и Бобрикова в Финляндии. Убийство Бобрикова. Назначение князя И. Оболенского. Посещение меня после 17 октября статс-секретарем по финляндским делам Линденом. Назначение Герарда. О моих беседах с Мехелином по поводу статей основных законов, касающихся Финляндии. Об отставке Горарда и назначении Бекмана. О роли императрицы Марии Федоровны в финляндском вопросе. Об императрице Александре Федоровне 955

*Глава 61. УЧРЕЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.***ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ**

О комиссии под председательством Сольского для изменения положения о Государственной думе и Государственном совете. О мнении члена комиссии Половцева, моем настоянии на продолжительности сроков полномочий членов Думы и Государственного совета и мнении князя А. Д. Оболенского о земствах. О статье 87-й основных законов и о том, как Столыпин применял эту статью. Законы о государственной росписи. Об основных законах. О выработке проекта основных законов бароном Иксулем. О моем письме государю по поводу проекта. О рассмотрении проекта в Совете министров. Об изменении по моему настоянию статей, касающихся прерогатив государя. Об изменениях в проекте основных

законов статей, касающихся контингента новобранцев и зависимости министров от палат. О совещании под председательством государя. О моей просьбе Трепову настоятельно советовать государю не медлить с опубликованием основных законов. О причинах, вызвавших замедление опубликования, и интриге кадетов 982

Глава 62. ГЛАВНЕЙШИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ, ПРОВЕДЕННЫЕ В МОЕ ПРЕМЬЕРСТВО

О законопроекте по поводу смертных казней. Об исключительных положениях. Об основании мною газеты «Русское государство» и Столыпиным «России». Законы о печати. Законы о собраниях. О крестьянских законах. О положении высших учебных заведений во время моего премьерства. Об еврейском вопросе и посещении меня еврейской депутацией. О беседе моей с представителями немецкого еврейства летом 1907 г. Об анархических покушениях за время моего премьерства и о том, что я не принимал никаких мер для своей охраны 997

Глава 63. МОЯ ОТСТАВКА

О Николае II и его отношении ко мне после 17 октября. О разговоре моем с Треповым, великим князем Николаем Николаевичем и Бирилевым по поводу моего желания подать в отставку. О моем письме государю с просьбой об отставке. Ответ государя. Высочайший рескрипт. Мой разговор с государем о преемниках. О разговоре с государем по поводу предложения назначить меня послом и выраженном им желании заменить графа Ламздорфа Извольским. О дальнейшей судьбе членов моего кабинета после моей отставки. Об отставке Дурново и особых милостях государя к нему. О членах кабинета Горемыкина: Коковове, Шванебахе, Стишинском, Щегловитове и Кауфмане. О предупреждении мною государя об имеющихся документах у графа Ламздорфа. Государь просит возвратить имеющиеся у меня документы. О назначении графа Сольского председателем и Фриша вице-председателем нового Государственного совета. О назначении Шауфуса министром путей сообщения. О назначении князя Ширинского-Шахматова обер-прокурором Святейшего Синода. О назначении Столыпина министром внутренних дел и моем мнении по поводу назначения его впоследствии председателем Совета министров. Об опубликовании законов до и после моего ухода с поста премьера, выработанных при моем непосредственном участии. Об упразднении Комитета министров. Об отзывах государя обо мне 1014

Глава 64. ПЕРВАЯ ДУМА. СТОЛЫПИН

О первой Думе. О невмешательстве правительства в выборы в первую Государственную думу. О лозунге «Царь и народ». О высочайшем выходе к представителям Государственной думы и Совета в Зимнем дворце 27 апреля 1905 г. О взаимоотношениях правительства и Государственной думы первого созыва. О роспуске ее и причинах к нему. Об участии Горемыкина в деле роспуска Государственной думы и отношениях его и Трепова между собой. О «Выборгском воззвании» членов Государственной думы. Об убеждениях и политике Столыпина до и после назначения председателем Совета министров 1032

Глава 65. МОЯ ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ ЛЕТОМ 1906 г.

О знакомстве с принцем Наполеоном, претендентом на французский престол. О кончине В. Л. Нарышкина. О знакомстве с профессором Мечниковым. О посещении Экслебэна, Виши и Гомбурга. Об охране меня германской полицией и причине к тому. О письме барона Фредерикса с предложением не возвращаться в Россию и моем ответе на него. О покушении на Столыпина на Аптекарском острове. О получении телеграммы от князя Андроникова об опасности для меня возвратиться в Россию и о нем, как личности 1043

Глава 66. МЕЖДУ I И II ДУМАМИ

Об издании в междудумье первой и второй Государственных дум законов и правил по 87-й статье основных законов. О мероприятиях в министерстве Столыпина с целью успокоения крестьян. О мероприятиях в министерстве Столыпина с целью подавления смуты, усиление ответственности за противоправительственную пропаганду и введение военно-полевых судов. О развившемся политическом разрыве в министерство Столыпина. О покровительстве Столыпиным «Союзу русского народа». О прибалтийских генерал-губернаторах Соллогубе и Меллер-Закомельском и о причинах бывших смут в Прибалтийском крае. О деле Гурко-Ливваль по поставке хлеба для голодающих. О деле директора департамента полиции Лопухина. О деле по привлечению к ответственности членов I Государственной думы за подписание «Выборгского воззвания». О бойкоте некоторыми дворянскими обществами подписавших «Выборгское воззвание». Постановление костромского дворянского депутатского собрания о приеме их в свое общество. Адрес совета объединенных дворянских обществ 31 губернии против постановления костромского дворянства и образование совета объединенных дворянских обществ и его деятельность. Убийство градоначальника Лауница. Убийство главного военного прокурора Павлова и введение Столыпиным по инициативе Павлова военно-полевых судов. О государственных росписях 1906—1907 годов. Об отставке морского министра Бирилева и о проекте преобразований в управлении морским министерством. О кандидатуре в морские министры адмирала Дубасова и Алексеева. О разговоре государя об этом с адмиралом Дубасовым. О назначении адмирала Дикова морским министром и его товарищем адмирала Бострема 1057

Глава 67. ПОКУШЕНИЕ НА МОЮ ЖИЗНЬ

О двукратном покушении на меня. О предупредительных письмах, приезде Фредерикса по поручению государя и обнаружении двух снарядов. Об исследовании снарядов в лаборатории артиллерийской академии. Об инертности властей в деле расследования и стремлении установить симуляцию покушения. О передаче мне Щегловитовым разговора с государем по поводу покушения на меня. О Казаринове и его участии в деле покушения на меня. О странном поведении агентов охраны и моей просьбе об отмене заседания Государственного совета. О втором подготавливавшемся покушении и о предупреждении меня Шиповым о грозящей опасности. Об убийстве Казанцева и ведении этого следствия. О заявлении Камыгланского по поводу ведения дела следствия убийства Казанцева и моем разговоре с министром юстиции.

О данных следствия, выяснивших принадлежность Казанцева к охране и участие его в организации покушений на меня с ведома охранной полиции при участии правых организаций. О требовании выдачи Федорова от французского правительства. Об установлении следователем, что Казанцев — агент охранной полиции, и розысках его письма ко мне с требованием денег. О переписке со Столыпиным по поводу покушений на меня 1075

Глава 68. ВТОРАЯ ДУМА. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 3 ИЮНЯ 1907 г.
 О второй Государственной думе, ее составе и направлении. О кончине К. П. Победоносцева. Убийство Иоллоса. О кончине председателя Государственного совета Фриша. О назначении Акимова председателем Государственного совета. Об увольнении директора Политехнического института князя Гагарина и суде над ним. О невнесении правительством законов полицейского характера, изданных по 87-й статье основных законов, на рассмотрение Государственной думы. О раскрытии заговора и посягательстве на жизнь государя, великого князя Николая Николаевича и Столыпина. Об отклонении Государственной думой закона об ответственности за восхваление преступных деяний в речи и печати и о разногласии ее деятельности с видами правительства. Об авторитете Столыпина, причинах к этому, и характеристика его деятельности. О моем разговоре с бароном Фредериксом перед роспуском второй Государственной думы. О выработке нового выборного закона перед роспуском Государственной думы. О раскрытии замысла 55 членов социал-демократической партии Государственной думы ниспровергнуть существующий государственный строй 1095

*Глава 69. ОТ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА 3 ИЮНЯ 1907 г.
 ДО УБИЙСТВА СТОЛЫПИНА 1 СЕНТЯБРЯ 1911 г.*

Об отставке Шванебаха вследствие разногласий со Столыпиным и членами его кабинета. О графе Эрентале, его близости с кабинетом Горемыкина вообще и с Шванебахом в частности. О памфлете, составленном Шванебахом по поводу введения конституции в России, направленном против меня, и передаче его графом Эренталем, с одобрением Горемыкина, германскому императору. Опубликование памфлета-записки и отношение ко мне германского императора после ознакомления с ним. О заключении с Японией трактата о торговле и мореплавании и рыболовной конвенции. Свидание государя с германским императором в Свинемюнде. Освящение храма Воскресения Христова в Петербурге. Об аварии императорской яхты «Штандарт» в финляндских шхерах и о ее командире флаг-капитане Нилове и князе Мещерском. О государственном контролере Харитонове. Об опубликовании конвенции, заключенной Россией и Англией, и двойственности положения России вследствие этого. О посещении меня в Париже — по пути из Портсмута — Козелл-Поклевским и передаче приглашения английского короля Эдуарда VII посетить его и отклонении этого приглашения. О доминирующем влиянии России в Персии и невыгодности для России заключенного соглашения с Англией в отношении Персии. О вмешательстве Германии в отношения между Россией, Англией и Персией и о заключении Россией особого

соглашения с Германией в отношении Персии. О доминирующем и абсолютном влиянии Англии в Афганистане. Об опубликовании положения о созыве предстоящего чрезвычайного Собора русской церкви и порядка производства дел в нем. О Грингмуте и его кончине. О моем незнакомстве с организацией секретной полиции как причине непринятия непосредственного управления министерством внутренних дел в свои руки. Незнакомство Столыпина с той же организацией, его заведование министерством внутренних дел и дезорганизация секретной полиции в его управление. О товарище министра внутренних дел Курлове и его карьере. Эпизод с охраной меня в бытность премьером вследствие слухов о намерении Хрусталева-Носаря арестовать меня. Об открытии Государственной думы, созванной по новому выборному закону 3 июня 1907 г. О финляндских генерал-губернаторах Герарде и Зейне и о градоначальниках Санкт-Петербурга — Драчевском и московском — Рейнботе. Об одесском градоначальнике Толмачеве. О покушении на жизнь московского генерал-губернатора Гершельмана. Об утверждении генералом Каульбарсом двух смертных приговоров над невинными. О расследовании генерал-адъютанта Пантелеева об убийстве в г. Одессе городовым офицера и его докладе о необходимости снятия в Одессе военного положения. О переименовании в г. Одессе улицы моего имени на имя императора Петра I. О кончине министра торговли Философова. О московском градоначальнике Рейнботе, ревизии сенатора Гарина, о его деятельности и суд над ним. Об отношениях между большинством третьей Государственной думы и Столыпиным и политическом рауте у последнего. Об отставке министра народного просвещения Кауфмана и его товарища Герасимова. О приезде в Петербург князя Николая черногорского, румынского наследного принца и шведского короля Густава-Адольфа. Свидание их величеств с английским королем и королевою в Ревеле. Об убийстве графа А. П. Игнатъева и об его жене. Свидание государя с французским президентом Фальером в Ревеле. Об издании положения о процентной норме для приема лиц иудейского исповедания в учебные заведения. О первоначальном отношении кабинета Столыпина к еврейскому вопросу и перемене отношения к нему впоследствии. Кончина великого князя Алексея Александровича. Отставка Редигера и назначение Сухомлинова. О комиссии обороны Государственной думы и ее членах. Упразднение совета государственной обороны. О свидании Извольского с Эренталем и о займе, заключенном Коковцовым. Об отце Иоанне Кронштадтском. Об увольнении морского министра Дикова и назначении Воеводского. О командировке Шипова на Дальний Восток, его кандидатуре на пост посла в Японию, о назначении министром торговли и промышленности и увольнении. О назначении Тимирязева министром торговли и промышленности в министерстве Столыпина. О его поведении в Государственном совете до назначения министром торговли и промышленности. О раздаче нефтяных земель министерством торговли в управление Тимирязева и уходе с поста министра И. Н. Шипова по несогласию с этой раздачей. О вторичном выборе Тимирязева в Государственный совет от промышленности и исходатайствовании им наград коммерческим деятелям. Об отставке Тимирязева. Объяснения в Государственной думе по поводу незаконной

раздачи нефтяных земель. О моих указаниях при начале мирных переговоров с Японией на необходимость заключения не только мира, но и союза или дружественного согласия; об отклонении моего предложения и причинах к этому. Мои возражения против необходимости постройки Амурской железной дороги. О правильности взглядов Извольского на положение России на Дальнем Востоке и целесообразности заключенных им соглашений с Японией. Об увольнении Шауфуса с поста министра путей сообщения и о назначении Рухлова. Об увольнении Извольского с поста обер-прокурора и о назначении Лукьянова. О Зиновьеве и Чарыкове, послах в Турции. Об отставке Извольского с поста министра иностранных дел и назначении Сазонова. О перевороте в Турции, чрезвычайном посольстве Магомета II и сравнении Гучковым младотурок с октябристами. О свидании государя с германским императором в шхерах. О полтавских торжествах по случаю 200-летия Полтавской битвы. О приезде в Петергоф короля и королевы датских. О поездке государя с визитом во Францию, Англию и о свидании с германским императором. О новом ограничении евреев в праве поступления в средние учебные заведения. О поездке государя с визитом к итальянскому королю. Кончина великого князя Михаила Николаевича. О моей поездке за границу в 1909 г. О приезде в Петербург депутации французского парламента. О приезде в Санкт-Петербург царя и царицы болгарских. О приезде в Петербург короля Петра сербского. О кончине английского короля Эдуарда VII. О поездке их величеств в Ригу на торжество 200-летия присоединения Прибалтийского края к России. О восшествии на престол английского короля Георга V. О поездке их величеств во Фридберг, близ Наугейма. Болезнь государыни. Мое пребывание в Гомбурге и Виши. Свидание государя с германским императором в Потсдаме и ответный визит германского императора. Назначение Сазонова из управляющего — министром иностранных дел. О кончине эмира бухарского. О кончине графа Л. Н. Толстого, его воззрениях и отношении правительства к его кончине. О назначении Кассо управляющим министерством народного просвещения. 50-летие освобождения крестьян. 200-летие правительствующего сената. О законопроекте, составленном Пихно, об изменении порядка выборов в члены Государственного совета от юго- и северо-западного края и рассмотрении его в Совете. Законопроект о введении земств в северо- и юго-западных губерниях. О встреченных законопроектом препятствиях в Государственном совете, моих выступлениях при рассмотрении его и непринятии закона в общем собрании Государственного совета. О заявлении Столыпина, что единственный враг, которого он боится, это — я. О подаче Столыпина в отставку и оказанной ему поддержке августейшими особами. О кондициях Столыпина к неоставлению им поста. Принятие государем кондиций Столыпина, роспуск законодательных учреждений на 3 дня, введение закона о введении земства в 9 западных губерниях и об объяснениях Столыпина в Государственной думе и Государственном совете по поводу введения земства. Отставка Гучкова, отпуски по болезни Дурново и Трепова и отставка Гончарова. Мнение великого князя Николая Михайловича по поводу Столыпина и поведения Государственного совета. О заявлении Столыпина Гучкову о

несочувствию присутствию в Государственном совете Дурново, Трепова и меня. О сообщении члена министерства внутренних дел о причинах, побудивших государя не принять отставку Столыпина, и о давлении последнего на министерство юстиции в ведении дел политических. Увольнение с поста морского министра Воеводского и назначение Григоровича. Избрание председателем Государственной думы Родзянко. Увольнение Лукьянова с поста обер-прокурора и назначение Саблера. О приезде в Петербург германского наследника с супругой, эмира бухарского и сиамского принца Чакрабона. О посещении Кронштадта эскадрой Соединенных Штатов. Кончина великой княгини Александры Иосифовны. О смотре потешных в присутствии государя. О приезде в Петербург сербского короля Петра. О заграничной моей поездке 1911 г. и двух сделанных мне операциях. О восстановлении Столыпиным против себя общественного мнения всех слоев населения и предвидение мною роковой развязки. Покушение на Столыпина в Киеве и его кончина. О шумихе в связи с убийством Столыпина и поведении его супруги. О результатах управления Столыпина. О предупреждении государем Столыпина о намерении своем дать ему другой пост. Об обвинении полиции в убийстве по ее вине Столыпина. Об отношении А. И. Гучкова и партии 17 октября к смерти Столыпина и моей полемике с Гучковым по поводу его речи в собрании партии 17 октября 1104

Глава 70. КОКОВЦОВ — ПРЕМЬЕР-МИНИСТР

О г. П. Сазонове. О моем с ним знакомстве и издании им газеты «Россия». О близости Сазонова с «Союзом русского народа», архиепископом Гермогеном, иеромонахом Иллиодором и Распутиным. О журнале Сазонова «Экономист» и разрешении ему министерством финансов образования банка. О письме Сазонова ко мне с сообщением о кандидатуре в министры внутренних дел Хвостова и намеками на мое возвращение в председатели Совета министров. О назначении Коковцова председателем Совета министров и Макарова министром внутренних дел. О назначении Крыжановского государственным секретарем. О назначении сенатора Трусевича ревизующим киевское охранное отделение в связи с покушением на Столыпина. О политическом направлении Коковцова по занятии поста председателя Совета министров и ожиданиях общества 1186

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Князь В. П. Мещерский 1193
Приложение 2. Моя полемика с А. И. Гучковым 1208

М.А. Буданов. НЕПОДКУПНЫЙ ЧЕСТОЛЮБЕЦ, ФИНАНСОВЫЙ ВИРТУОЗ,
 КОРОЛЬ ВСЕХ ДИПЛОМАТОВ 1222